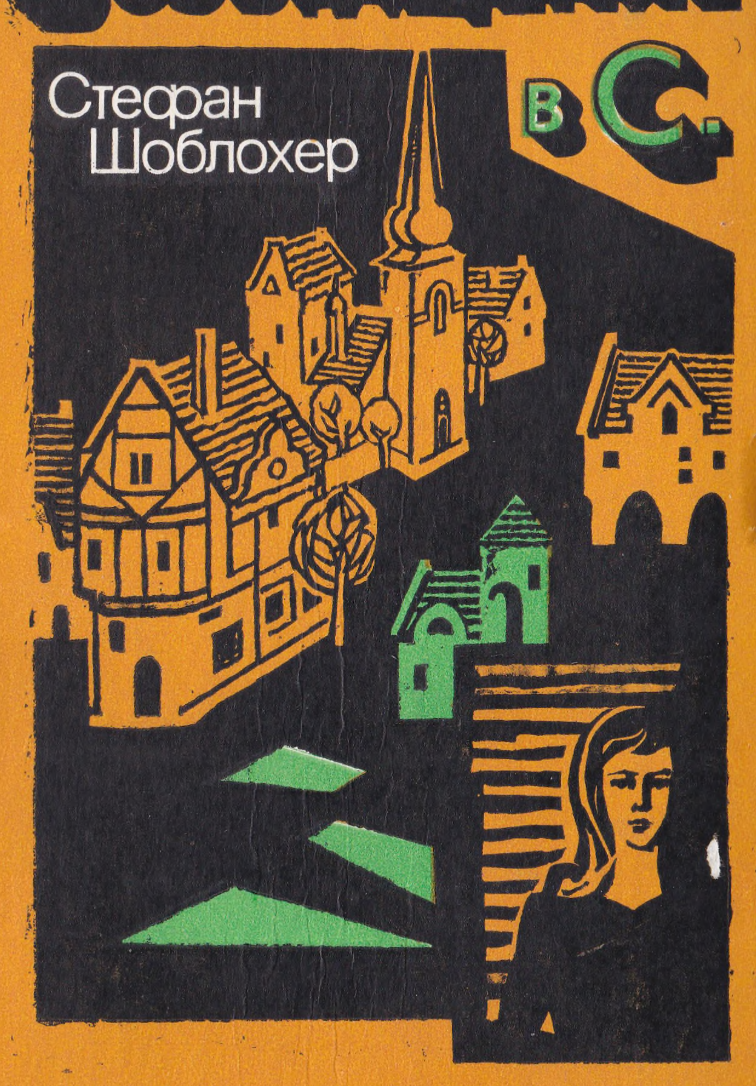
Возвращение

ВИ

Stefan Schoblocher

ROMAN

Militärverlag
der Deutschen
Demokratischen Republik
BERLIN 1978

Стефан Шоблохер

ВОЗВРАЩЕНИЕ В С.

РОМАН

Перевод с немецкого
В. Г. Черняевского

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1981

1*

И(нем)
Ш78

Шоблохер С.

Ш78 Возвращение в С.: Роман/Пер. с нем. В. Г. Чернявского. — М.: Воениздат, 1981. — 192 с.

В пер.: 1 р. 30 к.

В романе показаны боевые будни пограничников ГДР.

В центре внимания автора судьба молодого человека, поступившего добровольно на службу в погранполицию, роль армейского коллектива в формировании его мировоззрения.

Книга рассчитана на массового читателя.

Ш $\frac{70304\text{-}135}{068(02)\text{-}81}$ 177.81.4703000000.

ББК 84.4Нем
И(Нем)

Часть первая

НА КОСОГОРЕ

1

Мне уже давно хотелось поехать в Страпен, город моей юности. Но всякий раз возникали какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, и поездку приходилось снова и снова откладывать. И вот наконец я стою на перроне Страпенского вокзала.

Я не совсем уверен, найду ли то, что ищу. Я даже не знаю, где нужно искать: на скалах по ту сторону реки, в близлежащих лесах или, скажем, воп в том доме на вершине холма?

Прошло много времени. Но я должен написать все о нас: какими мы были и почему были именно такими, чего мы достигли и о чем мечтали, в чем разочаровались и от чего отказались.

Поезд исчезает в дымке. Я поворачиваюсь и смотрю вдоль перрона, но нигде не вижу Мергельта. Почему же он не пришел?

Дежурный в красной фуражке проходит мимо меня.

— Вы, кажется, не знаете дороги? — спрашивает он.

— Знаю,— отвечаю я.— Но здесь многое изменилось.

— С каких пор?

— С пятьдесят восьмого.

— Понятное дело,— замечает он.

Мне не хочется разговаривать, во всяком случае, сейчас. Быстро прохожу через зал ожидания вокзала. Теперь здесь нет загородки. Впрочем, светлые квадраты на полу указывают места, где стояли контрольные будки.

На привокзальной площади я останавливаюсь и смотрю на две белые акации, выросшие с тех пор. Здесь, на скамейке, я когда-то сидел с Дагмар. Булыжная мостовая тускло светится под слоем пыли, из ее щелей пробивается трава. Все, как тогда. Даже несколько голубей бродят по мостовой.

Тогда эта площадь была местом сбора, откуда на грузовиках мы должны были ехать в Дрезден. Сопровождавший нас стройный мужчина в штатском и в темных роговых очках раздал всем предписания. Не дождавшись грузовиков, мы услышали команду «Разойдись». Я поставил чемодан на скамейку и огляделся. Одни из нас были одеты в костюмы, другие — в брюки из корда[1] и куртки, а некоторые, помню, пришли в рабочей одежде. Среди всех выделялся Петер Мюллер. На нем были шорты, коричневатый пиджак, а на рыжеволосой голове красовалась широкополая шляпа.

— Безобразие,— ворчал он.— А говорят, что под знаменами всегда порядок!

Ожидающие, постепенно образовав группы и группки, обсуждали причины задержки. Некоторые были раздражены еще больше, чем Мюллер. Только Зиги Фабер казался равнодушным. Слегка согнув левую ногу, он прислонился к акации. Я подошел к нему. Он был на несколько сантиметров выше меня и шире в плечах.

— Они заставляют нас болтаться здесь без толку,— сказал я.

— Ну на это у них свои причины,— ответил он.— Наверное, сейчас кто-нибудь появится.

Уголки его рта оставались неподвижными, хотя глаза улыбались.

«И все же он тоже потерял спокойствие»,— подумал я.

---

[1] Корд — плотная ткань. — *Прим. пер.*

Тут послышался шум мотора, и Зиги быстро повернул голову.

— Сейчас все узнаем,— сказал он.

Из коляски подъехавшего мотоцикла выпрыгнул лейтенант Мергельт. Он поправил фуражку и одернул портупею. Нам приказали построиться. Офицер объявил, что выделенные для нас грузовики срочно направили для перевозки пограничников и неизвестно, когда их смогут послать за нами. Поэтому мы должны добираться пешком.

Мы зашагали. Сначала дорога была ровной, но вскоре начался крутой подъем. Казалось, он упирался в подернутое белесой дымкой синее небо, на котором сияло яркое солнце. Ничто не мешало светилу безжалостно жечь нас: молодые тополя по обе стороны дороги почти не давали тени. В скале были высечены ступени. Но, несмотря на это, мы стали задыхаться уже после первых ста метров. Чемоданы оттягивали руки. Зиги нес свой на правом плече. По-видимому, это не составляло для него большого труда. Я шел за ним, стараясь попасть в ногу. Через некоторое время всем стало жарко. Кое-кто расстегнул воротник рубашки, развязал галстук. А некоторые сняли пиджаки и куртки и несли их в руках. Петер Мюллер непрерывно отирал пот со лба. Он раскраснелся так, что цвет его лица ничем не отличался от огненной шевелюры. Когда мы преодолели половину подъема, Петер сорвал шляпу и отшвырнул ее прочь. Одни недовольно ворчали, другие остановились, не в силах сделать ни шагу, а кто-то взмолился: «Не пора ли сделать перекур?»

Человек в роговых очках приказал остановиться. Он вспотел, но дышал, на удивление, ровно.

— Вот вы даже сейчас быстро выдохлись, а что будет с вами в ближайшие дни? — сказал он.

— Что будет, то и будет, а сейчас я готов,— ответил Йорг Дудки и пригладил блестящие черные волосы.

— Уже? — удивился Уве Циндель и блеснул безукоризненными зубами.— Это ведь только цветики. Скоро зададут тебе перцу.

— Ты тоже получишь,— заметил Клаус Бале, на шее которого был повязан пестрый галстук.— Тебе особенно достанется. У тебя такие наглые глаза, а этого начальство не любит.

Петер Мюллер, державшийся в стороне, достал из внутреннего кармана пиджака плоскую пластиковую бутылку, откупорил ее и стал пить.

«Вот бродяга! — подумал я.— Догадался запастись».

Дудки тоже посмотрел на него.

— Пьянствует здесь, когда у нас глотки пересохли,— захрипел он и облизал пересохшие губы.— Эй, приятель, оставь каплю!

— Опоздал,— с сожалением ответил Мюллер.

Он перевернул бутылку горлышком вниз. Она была совершенно пуста.

— Жадина! — проворчал Циндель.

Мюллер завинтил пробку и спрятал бутылку. Кстати, потом, во время службы, мы никогда за ним такого не замечали. Но во время перерывов, когда проводили занятия по тактике в поле, Мюллер почему-то частенько уединялся. Однажды Дудки прокрался за ним и вернулся очень взволнованным.

— Знаете, что он делает?

— Наверное, то, что и многие из нас, уединяясь в кустах,— предположил Камберт.

— Ошибаешься,— ответил Йорг.— Он набивает свое пузо.

— Ну и тип! — возмутился Бале.— Мы тут бедствуем, а он нагоняет жир! Давайте испортим ему настроение!

— Зачем? — возразил я.

Однажды во время обеда Дудки и Циндель подшутили над Мюллером. Они высыпали в бак с кофе, стоявший в передней комнате пищеблока, два пакета соли, перед тем как Мюллер наполнил свою фляжку. Во время перекура, объявленного на занятиях после нескольких марш-бросков, Мюллер, как обычно, отделился. Дудки и Циндель последовали за ним. Вернулись они в развеселом настроении. Вскоре появился и Петер. Он сел неподалеку от нас и стал жевать травинку.

— Эх, люди, попить бы,— мечтательно произнес Бале.— Сейчас бы кофейку несладкого.

Мюллер переводил взгляд с одного на другого. Посмотрел он и на ухмыльнувшегося Дудки. А вечером с Дудки случилось происшествие. Сначала я услышал, как зашуршала плотная бумага под снаряжением, где обычно Дудки прятал сласти. И сразу после этого послышались кашель и ругань:

— Свинство! Горчица в шоколаде! Какой подлец это сделал?

— Наверное, твоя Юле. Ведь это она прислала посылку,— предположил я.

— Почему бы и нет,— добавил Мюллер.— Забияк нужно время от времени ставить на место.

Человек в роговых очках курил. Большинство из нас расположились на чемоданах. Только Зиги не расстался со своим багажом, держа его по-прежнему на правом плече. Он лишь слегка согнул левую ногу.

— Парень, да у тебя есть силенка! — удивился я.— А жара на тебя не действует?

— Нет,— ответил он.— Там, где я работал, было еще жарче. Поэтому привык.

— Ты литейщик?

— Нет, стеклодув.

Еще школьником я был на стекольном заводе на экскурсии. Помню, там было очень душно, но не жарче, чем сейчас. Солнце пекло вовсю, осыпая раскаленными лучами землю. Ни малейшего ветерка. Листья на акациях повисли.

Старший по команде взглянул на часы.

— Внимание! — крикнул он.— В колонну по три становись! Шагом марш!

— Зачем торопиться? — раздался чей-то голос.

А Вернер Камберт проворчал:

— Ничего себе изысканные манеры: нас гонят, как скот, а товарищ офицер поедет по проселку.

— Прекратить разговоры! — крикнул кто-то.— Нечего болтать ерунду!

Я обернулся. Позади меня стоял Мергельт.

Его лицо покраснело. Он приказал ефрейтору ехать в казарму, а сам последовал за нами.

— Офицеры должны быть вместе с солдатами,— заявил он.— У нас так принято.

Зиги улыбнулся.

— Похвально, похвально,— сказал он и поправил чемодан на своем плече.

2

Я остановился и огляделся вокруг. Далеко внизу, между зелеными заливными лугами, извивалась узкая полоска реки. Обзору мешали акации. У них были толстые стволы и густая крона. Шестнадцать лет — срок нема-

лый. Здесь многое изменилось. Удастся ли вспомнить все подробности? Серьезные вещи смешались с пустяками. Нужно приложить немало усилий, чтобы восстановить все, как было. А если это не удастся?

— Напиши о том, что было,— сказал Зиги после занятия в своем подразделении.

Мы сидели у него. Жена Зиги уже легла спать — было за полночь.

— Обязательно напиши, — заговорил вновь Зиги. — Покажи, каким важным был для нас тот этап, без него мы не стали бы теми, кем являемся сегодня. Ни ты, ни я, никто из нас.

— Пытался уже,— сказал я.— У меня сделано набросков уже более ста страниц. Но дальше — ни с места. Одна сцена противоречит другой, нет ясной картины. Я чувствую, что не хватает самого главного. Не хватает центральной идеи, вокруг которой объединились бы все мысли и факты.

— Когда-то у тебя получалось,— заметил Зиги.— И сейчас должно получиться!

Я не могу оторвать взгляда от долины. По реке идет пароход. Под ним бурлит вода, пена сверкает, как снег. Несколько мгновений — и пароход причаливает к пристани. Появляются пассажиры. Они поднимаются по узкой тропинке и входят в привокзальный трактир.

...Во время первого увольнения Доблин, наш унтер-офицер, привел нас в трактир. Громко, почти непрерывно играл оркестр. Все танцевали, кроме меня и Зиги.

— Почему ты не танцуешь? — спросил я.

— Из-за Регины,— ответил он.

— Твоей подруги?

— Да.

— А она ведет себя так же?

— Надеюсь.

— Ну что же,— сказал я и поднял стакан: — Блажен, кто верует.

Мы выпили.

— А ты почему не танцуешь? — полюбопытствовал он.

— Тоже из-за девушки,— ответил я.— Но по другой причине.

Я подумал о Гудрун. Это было на четвертый или на пятый день моей работы на стройке. Я увидел ее в столовой. Она стояла впереди меня в очереди. Я обратил вни-

мание на ее светлые короткие волосы. За ее столиком оказалось свободное место, и я подсел к ней. Она лениво ковыряла еду. К картошке даже не притронулась. Поев немного творогу, девушка отодвинула тарелку.

— Не нравится? — спросил я.

— Нет,— ответила она.— А тебе?

— Голод не тетка.

— Тогда ты не привык к лучшему.

— А у тебя есть что-нибудь лучшее?

— Сейчас нет,— сказала она.— Но когда-то я была знакома с классной кухней.

— Где?

— В «Таверне».

Речь шла о лучшем ресторане в городе. Кухня там действительно была превосходная. А пиво! А еще лучше вино.

На остановке мы долго ждали автобуса.

— Не повезло,— сказала Гудрун.— Придется топать. Или ты возьмешь такси?

— Лучше пройдемся.

Идти нужно было километров шесть. Гудрун прижалась ко мне. Темная дорога лежала перед нами, на небе не было ни звездочки. Чтобы сократить путь, мы пошли через лесок. Вдруг Гудрун отпустила мою руку, остановилась и прислонилась к дереву.

— Устала? — спросил я.

— Нет,— ответила она.— Просто мне здесь очень нравится. А тебе?

— И мне,— согласился я, встав перед ней и опершись руками о ствол. При этом я коснулся ее шеи. Гудрун вздрогнула и посмотрела на меня.

— Поцелуй! — потребовала она.

Я обнял ее упругое тело. Она поднялась на цыпочки и прижалась ко мне...

Утром работа у меня валилась из рук.

— Что ты халтуришь? — кольнул Том.

А Анди добавил:

— Эх, мне бы так прокрутить с девчонкой ночь и ни за что не отвечать.

А в перерыв меня отвел в сторону Херб.

— Оставь ее в покое,— посоветовал он.— Эта пустышка не по тебе.

— Это мое дело,— ответил я.

— Ну смотри. Будем считать, я тебя предупредил.

До Гудрун я был знаком с двумя девушками, но она мне нравилась больше всех. Хайди была недотрогой, а Лизелотта требовала, чтобы мы немедленно расписались.

С Гудрун все было просто. Мы ходили на танцы, в кино, на стадионы. Иногда и в музеи. Или в старые церкви. Гудрун интересовалась старинной живописью. Иногда мы встречались у нее. Она жила в деревне. Маленькая уютная комната казалась мне королевской палатой, особенно по сравнению с нашими бараками.

Все было хорошо, пока я не заметил, что она кокетничает то с одним, то с другим. Я начал сомневаться в ее верности, но виду не показывал. Ведь нужны доказательства. А у меня их не было.

Но однажды ко мне подошел Том и спросил:

— Ты все еще ходишь с ней?

— А что, ты против?

— Да нет. Меня только удивляет, что ты ничего не замечаешь.

— А что мне замечать?

— Что ты не один у нее.

— Врешь!

— Ну как хочешь...

Я схватил его за куртку:

— Что тебе известно?

Он разжал мои пальцы.

— Загляни к ней, когда мы работаем в ночную смену,— посоветовал он.

...Я подошел к ее дому, тихонько открыл дверь и прокрался в сени. На гардеробе висела чья-то куртка. Из комнаты раздавалась приглушенная музыка. Я рванул дверь. Лампа на стене, закрытая плотным абажуром, излучала рассеянный свет. Гудрун с мужчиной лежала в кровати. Я его не знал. Радиоприемник стоял на полу. Меня бросило в жар.

— Ты шлюха! — крикнул я.

Она вцепилась в одеяло. Парень схватил в охапку свои вещи и выскочил из комнаты.

Эта сцена поразила меня. Я чувствовал только, как ногти вонзались в ладони.

Гудрун приблизилась ко мне.

— Ронни,— лепетала она,— Ронни...

Я не двигался. Она спрятала лицо у меня на груди. Я почувствовал, что оно мокрое. «Это не настоящие слезы,— подумал я.— Она может плакать сколько угодно».

— Оставь меня,— проговорил я.

Она не послушалась. Тогда я ее оттолкнул. Радиоприемник перевернулся. На мгновение он захрипел, затем снова заиграл, только потише. Гудрун зарыдала. Однако быстро пришла в себя.

— Вон! — приказала она.

Я замешкался.

— Вон! Что тебе еще надо?

Я вышел, хлопнув дверью.

— Забудь ее,— сказал Зиги.— Найдешь другую.

— О другой и не думаю,— отозвался я.— С меня хватит.

— Не зарекайся,— предупредил он и поднял стакан.

Мы много выпили, просидев почти до закрытия трактира. А когда Циндель сказал, что до отбоя осталось всего двадцать минут, мы поднялись как по команде и, тяжело волоча ноги, направились к казарме.

До подъема держались все вместе. Но как только началась лестница, мои товарищи почему-то быстро опередили нас с Зиги и исчезли. Мы были не в состоянии поспеть за ними. Вцепившись в перила и задыхаясь, мы ползли вверх по каменным ступеням. Под фонарем остановились на несколько секунд, чтобы перевести дух. Мне казалось, что я не смогу больше сделать ни шагу. Лампа трижды качнулась над моей головой. Почувствовав головокружение, я вцепился изо всех сил в фонарный столб. Вдруг, словно издалека, послышался голос Зиги:

— Брось, приятель, нам нужно двигаться дальше.

Он схватил меня за руку и потянул вперед. Я тащился за ним. Мои ноги двигались как бы отдельно от туловища.

Мы добрались до казармы, когда на колокольне кирхи начали бить часы, и поспешили в караульное помещение.

Мергельт, он был дежурным офицером, внимательно посмотрел на нас, а потом спросил:

— С вами ничего не произошло?

— А что может произойти? — спросил невинно Зиги.

— Но ведь отбой будет только через час.

— Вы шутите,— растерянно произнес Зиги. А я пробормотал:

— Это невозможно, товарищ лейтенант.

— И все-таки это именно так,— ответил Мергельт.— Посмотрите-ка на часы.

— А разве никто из наших не вернулся? — спросил Зиги.

— Нет,— заверил лейтенант.— Вы первые.

Тут мы поняли, что нас разыграли: когда начался косогор, все попрыгали в кусты, а потом преспокойно вернулись в трактир.

Мы ушли в казарму.

— Ну ладно, мы им покажем! — пригрозил я.

— Зачем? — спросил Зиги.— Видно, ты никогда не жил в детском доме. Там в ходу такие штучки.

Утром я украдкой посматривал на товарищей. Подозрительнее всех ухмылялся Камберт. Я подумал: «Наверняка это дело его рук».

— Этому я сейчас покажу! — сказал я Зиги.

Тот одернул меня:

— Брось, не связывайся! Ни к чему ссориться.

3

Я стал подниматься медленнее, внимательно рассматривая ступени. Вскоре я заметил выщербленный каменный брус, отошедший от стены, хотя щель была залита бетоном.

Обычно, дойдя до этого места, Дагмар начинала считать. Она произносила цифры вполголоса. На десятках она делала ударение, а когда доходила до сотни, останавливалась.

— Сотня,— повторяла она.— Собственно, одна сотня. Так точнее. Во всяком случае, так меня давным-давно учили.

— А ты уже чувствуешь себя старой? — спросил я.

— Ты разве не видишь: сотня ступенек — и я уже задыхаюсь.

— У тебя нет физической тренировки,— заметил я.— Целыми днями сидишь в лекционном зале, а в выходные дни — в автомобиле. Так надолго никого не хватит.

— Знаю,— ответила Дагмар.— Но знать — это одно, а желание иметь удобства — другое. Так я вступаю в конфликт сама с собой. Раньше было проще, потому что не было ни самолетов, ни поездов, ни машин. Значит, все люди волей-неволей должны были бегать.

— Не все,— возразил я.— Ведь существовали же лошади и кареты. Некоторые из тех, у кого в жилах текла голубая кровь, даже не ведали, для чего им бог дал но-

ги. И часто расплачивались за это. Вот, думаю, прекрасный пример. Наш лейтенант рассказывал. Брюль[1] однажды отправился в крепость Кенигштейн. Он очень спешил, его ждала метресса, поэтому поехал в карете. Но на Эльбе произошло наводнение, и дорогу залило водой. Было два выхода: сделать объезд или преодолеть гору напрямик. Граф выбрал второе. Сначала он поднимался верхом. Но когда подъем стал крутым и копыта его коня заскользили по гладким камням, Брюль спешился. Скоро ему пришлось туго. Дело в том, что накануне вечером он обильно поужинал, крепко выпил и алкоголь все еще бродил в его крови. Он задыхался все больше, все медленнее становились его шаги. Телохранители пришли ему на помощь. Однако, добравшись до крепости, Брюль вынужден был немедленно лечь в постель. Любовница напрасно прождала его.

— Подумаешь, Брюль! — сказала Дагмар.— Есть и другие примеры.

— Точно,— согласился я.— Возьмем Гете. Уже в старости он поднялся на вершину Кикельхан.

— Или Клейста,— добавила Дагмар.— Он был вместе с Дальманом в этих краях, и они совершили пеший переход из Дрездена в Прагу.

— Ты любишь Клейста? — спросил я.

— Да,— подтвердила Дагмар.— Я прочитала немало его произведений.

— Он был путаником. Многое в его трудах кажется странным.

— А по-моему, он гениален.

— И тем не менее он не выдержал испытаний своей эпохи.

— Время виновато,— сказала Дагмар.— Его не признали и не поняли.

— Нечто подобное произошло со многими,— заметил я.— И вот что удивительно: большинство непризнанных мастеров тем не менее продолжали свою работу.

— У людей всегда трудно понять побудительные мотивы. Я, например, не могу разобраться даже в твоих.

— В моих? — удивился я.— Почему в моих?

— А ты забыл наш разговор на вышке? Я прекратила его, потому что считала преждевременным. «Нужно

---

[1] Граф Брюль Генрих (1700—1763) — саксонский государственный и военный деятель. — *Прим. пер.*

сперва узнать друг друга,— подумала я.— Тогда все само собой станет ясным». Но это был ложный вывод. И сейчас, как и тогда, я хочу спросить: почему ты стал солдатом? Почему?

— Об этом долго рассказывать,— сказал я.

После истории с Гудрун я ушел со стройки. Я хотел расстаться не только с ней, но и со всем, что о ней напоминало. «Сожги все мосты,— думал я.— Была не была!» Итак, я уволился. Может показаться, что мое решение было скоропалительным, но рано или поздно я все равно бы к нему пришел. К тому же ухудшились отношения с вечно ворчащим на меня мастером, да и большинство товарищей по работе без сожаления отнеслись к моему уходу. Один лишь Херб пытался меня удержать.

— Подумай еще раз,— советовал он.— Из-за такой шлюхи не стоит бросать работу. И с чего ты начнешь на новом месте? Здесь ты неплохо зарабатываешь. Можешь кое-что откладывать. Через два-три года купишь машину. И тогда девки будут на тебя вешаться.

Советовал он, исходя, конечно, из собственного опыта. С тех пор как Херб развелся с женой, он работал на стройках. У него был автомобиль, в котором он частенько ковырялся и который натирал до блеска почти каждый свободный вечер. И когда он в воскресенье садился в машину, рядом с ним всегда была какая-нибудь красотка, хотя внешность Херба — редкие и тонкие светлые волосы, впалые щеки и очки в металлической оправе — никак нельзя было назвать привлекательной.

— Подумай-ка еще раз,— повторил он и посмотрел на меня огромными из-за сильных стекол глазами.— Больше, чем здесь, ты нигде не заработаешь.

«Конечно, он прав»,— подумал я, но не изменил своего решения.

— Ухожу не только из-за Гудрун,— сказал я.— Но и из-за мастера. Он мне действует на нервы своими придирками.

— Не обращай внимания,— посоветовал Херб.— Пусть его ворчит. Мне тоже иногда достается, но я терплю. Что и говорить, у мастера тяжелый характер. Ведь он болен астмой, и к тому же у него неурядицы с женой. Видно, она не особенно расположена к нему, с тех пор как поселилась в Дрездене. Знаешь, его тоже можно понять.

— Возможно,—согласился я.— Но мне все же нужно переменить обстановку: новые люди, новые впечатления. Остальное приложится. Можешь это понять?

— Понимаю,— немного помедлив, ответил Херб.— И все же жаль.

Многие думали по-другому. Им не нравилось, что я живу не как все. «Монтажнику время от времени надо давать почувствовать узду,—считали они.— Это неписаный закон». Меня раздражало, что они требовали этого и от меня. Я вообще злюсь, когда от меня чего-то требуют грубо и неприкрыто. Дело часто доходило до ссор, как это было, например, с Томом и Анди, хотя в большинстве случаев мои товарищи были необъективными.

Однажды вечером, когда они вернулись в общежитие сильно выпивши, я сидел за столом и читал. Том прошел мимо меня заплетающейся походкой и, с трудом ворочая языком, сказал:

— Вот как ты убиваешь свое свободное время! И что ты от этого имеешь?

А Анди добавил:

— Жить нужно, парень, жить! Лучшие годы проходят быстро.

Они не понимали меня, не знали о моих стремлениях, которые возникли за время учебы в средней школе, где Печина преподавал литературу. Это был прекрасный учитель, беззаветно преданный любимому делу, не боящийся никаких трудностей. До него изучение этого предмета сводилось лишь к заучиванию текстов, которые раздавали нам, как роли актерам в театре, зазубриванию длиннющих стихотворений, чтению прозы, а затем пересказыванию прочитанного.

Что требовал Печина от ученика?

— Если у вас не появится интереса к тому, о чем я рассказываю,— говорил учитель,— вам все равно будет скучно, даже когда я буду так же мучиться, как бедняга Сизиф. Если вы будете готовы помочь мне, то тогда мои усилия полностью окупятся. Я не измеряю ваш и свой труд оценками. Главное не в отметках. Главное в том, чтобы каждая прочитанная книга была для вас вновь открытой землей. Настоящий читатель становится Колумбом в самом лучшем смысле этого слова, ибо он не порабощает народы, не стремится обогатиться за их счет.

Ученики улыбались — одни недоверчиво, другие скептически. Печина не обращал на это внимания. Он орга-

низовал драматический кружок, в который сразу же записались две девушки и два парня, в том числе и я. Вскоре к нам присоединились еще несколько учеников, потому что прошел слух, что там будет смешно. Печина подобрал интересные тексты, проявил на репетициях режиссерское чутье, нашел для каждого из нас верную линию поведения, подсказал манеру игры и неустанно обсуждал с нами всевозможные нюансы предстоящей инсценировки.

Наш дебют — пьеса «Молодая гвардия». Печина инсценировал некоторые эпизоды романа. Герои Фадеева произвели на нас сильное впечатление. Тогда мы прочитали всю книгу. Так занятия в кружке побудили нас глубже изучать литературу. Но Печине приходилось нелегко. Тем более что часто приходилось решать неожиданные проблемы. Однажды, например, Хайно Грунек, вытаскивая из кармана блокнот, случайно обронил западный бульварный роман. Не успел он поднять его, как перед партой вырос Печина и спросил:

— Можно взглянуть?

Хайно лишь пожал плечами. Печина взял у него из рук истрепанный томик и полистал его. «Сейчас разразится гроза»,— подумали мы. Но Печина спокойно сказал:

— Вот что вы читаете.— Он повертел книгу в руках и наконец произнес:—Дайте мне ее до завтра.

Хайно, сын торговца аптекарскими товарами, от неожиданности не мог вымолвить ни слова. Только на перемене он обрел дар речи.

— И надо же ему было сцапать именно меня! Меня и так здесь не переносят, потому что мой старик не пролетарий. То, что произошло, дополнительно льет воду на мельницу моих недоброжелателей. «Видите, юные друзья,— скажут они,— буржуа отравляет ваше классовое сознание бульварной литературой. Выгнать его!»

На следующий день Печина, как и обещал, вернул книгу.

— Я потратил на это чтиво один час,— сказал он,— и убедился: второй час тратить бессмысленно.— Печина сел за стол и скрестил ноги.— Прежде всего скажу,— продолжал он,— такой дряни я себе не представлял. Даже половины этой гадости.

Он основательно проанализировал порнографический роман, подкрепив свои выводы убедительными доказа-

тельствами. Он вскрыл внутренние слабости этого, с позволения сказать, произведения, показал убожество его формы, прочитал вслух две дюжины выдержек сексуального содержания.

После этого Печина поднялся, прошел по проходу между столами и остановился перед Грунеком.

— Получайте это обратно,— брезгливо сказал он.

Хайно судорожно сглотнул и уставился перед собой. Его пальцы лежали неподвижно на крышке парты, потом они зашевелились, схватили книжку и разорвали ее. Перестал ли он читать подобные романы, никто не знал. По крайней мере, он не приносил их больше в класс. Этот случай, однако, не повлек за собой никаких неприятных последствий для Хайно. Печина никому ничего не сказал. Хайно дотянул свои годы в школе и с грехом пополам сдал экзамены на аттестат зрелости. Но меня уже там не было. «Может быть, ты чересчур поспешил бросить школу?» — думал я иногда. Но долго ли выдержит тот, от кого каждодневно требуют проявления благодарности?

— Ты ведь знаешь, Ронни,— повторяла мать,— нам приходится тяжелее, чем другим. Мы живем не так роскошно, как торговец Грунек, верно? А твоей крохотной стипендии хватает лишь на то, чтобы купить какую-либо мелочь, не больше. Не подумай, что я жалуюсь. Мы охотно ограничиваем себя ради тебя. В конце концов, ты должен пойти дальше, чем любой из нас. Должен, потому что у тебя есть кое-что в голове, и никто этого у тебя не отнимет. Зубри вовсю, парень. И не думай ни о чем другом. Все заботы на нас. Мы выдержим. Но требуем одного: не заставляй нас никогда краснеть от стыда!

«Неужели ты сможешь выслушивать все это четыре года? — подумал я.— Другие, возможно, смогут. Ты — нет. Лучше будет, если ты пойдешь работать и будешь приносить домой деньги».

Когда Печина узнал о моем решении, он отвел меня в сторону.

— Не глупи,— уговаривал он.— Твоя мать наверняка не хочет, чтобы ты бросал школу. Даже если она считает и по-другому. Ведь ты позже сможешь с ней до копейки рассчитаться за все, что она на тебя потратит.

Он долго убеждал меня, но не смог ничего изменить: я твердо стоял на своем решении.

В день, когда покидал стройку, я послал по почте чемодан со своими вещами домой. На бланке вместо обратного адреса написал: «Проездом». Затем вышел на дорогу и прислонился к дереву. Как только на повороте показался грузовик, я сделал два-три шага вперед и стал размахивать рукой. Водитель, мужчина средних лет, открыл дверцу и спросил:

— Куда?

— Все равно,— ответил я.

Он прищурил глаза и оценивающе посмотрел на меня. Потом широко распахнул дверцу:

— Садись.

Сначала мы ехали молча. Правда, я заметил, что водитель время от времени поглядывал на меня.

— Ты скверно выглядишь,— произнес он наконец.— Видимо, твое терпение лопнуло?

— Лопнуло,— подтвердил я.

— А сейчас ты хочешь выкинуть какой-нибудь трюк?

— Весьма возможно.

— Ага,— сказал он,— только «весьма возможно». Значит, ты принадлежишь к нерешительным людям. В таком случае не противопоказано немного выпить.

— Я не пью,— возразил я.— Во всяком случае, по такому поводу.

— Нет? — удивился он.— Тогда ты исключение. Другие становятся сумасшедшими, когда у них слишком много алкоголя в крови. В Заснице я однажды был свидетелем того, как настоящие моряки превращали свою зарплату в осколки стекла. Да-да, бывает и такое. Напившись в доску, парни разбивали пустые бокалы для шампанского о стену. При этом они держали себя в рамках, добродушно, никто не пострадал, только кошельки похудели. А когда я подумаю, что разыгрывается в южных краях... В Сан-Паулу, например, во время празднования Нового года некоторых просто убивают. И все из-за пьянства. Если бы зависело от меня, я бы ввел сухой закон.

— Вы — человек крайностей. Думаете, это было бы правильным решением?

— Конечно,— ответил он.— На злых собак надевают намордники.

Сравнение было неудачным. Попытки ввести сухой закон, предпринимавшиеся в некоторых странах, свидетельствовали о другом. В Финляндии, Норвегии и Соеди-

ненных Штатах после первой мировой войны ввели запрет на продажу спиртных напитков. Но пили тем не менее вовсю.

— Но ограничения действуют не всегда положительно. Я убедился в этом на собственном опыте, сталкиваясь с запретами, которые накладывала моя мать.

«Этот мальчик тебе не пара»,— безапелляционно заявила она, когда я привел домой Фреди, чтобы вместе приготовить уроки по математике. На нем была желтая куртка с чересчур короткими рукавами, заштопанные парусиновые брюки, поношенные серые носки и грубые ботинки на деревянной подошве.

В этом же наряде он был и неделю назад, когда я познакомился с ним. Наш учитель привел его утром в класс. Положив мальчику руку на плечо, представил:

— Это Манфред Файрих. Он переселенец, родом из Силезии, из-за войны пропустил много занятий. Ему будет трудно догнать вас, но я надеюсь, что вы поможете.

Учитель огляделся по сторонам и заметил свободное место рядом со мной.

— Садись к Рональду! — приказал он.

Фреди протиснулся сквозь узкий проход между стеной и партами, повесил свой ранец на крючок и устроился на неудобной скамье.

На перемене учитель подозвал меня.

— У нас для Манфреда нет учебника по математике,— сказал он.— Вы живете недалеко друг от друга. Не можешь ли ты давать ему свой, чтобы он готовил домашние задания?

— Конечно могу.

На большой перемене Манфред не отходил от меня ни на шаг. Даже когда я жевал бутерброды, он шагал рядом со мной, глубоко засунув руки в карманы брюк.

— Ты что, не захватил с собой хлеба? — спросил я.

— Нет.

— Но ты же голоден.

Он помедлил, а затем признался:

— Немного.

Тогда я отдал ему свой последний бутерброд.

— Возьми,— сказал я.— Я уже сыт.

Он немного поколебался, затем взял бутерброд и торопливо съел его. И дальше я нередко подкармливал Манфреда. Он был всегда голоден в то послевоенное время, но это не удивляло меня: у него было восемь сестер.

С тех пор как мать запретила приводить его к нам, я сам ходил к нему. Иногда я бывал у них во время ужина. Вся семья сидела за большим столом, на котором стоял огромный горшок. Из него мать наливала каждому в тарелку горячее варево, обычно жидкий картофельный суп. Она делила его поровну со справедливой скрупулезностью, и все начинали одновременно быстро работать ложками. При этом воцарялась тишина. Но вот наступал ответственный момент: каждый день одному из детей, по очереди, разрешалось тщательно выскрести дно горшка. Остальные внимательно следили за операцией.

Позже, когда я стал для семьи Манфреда своим человеком, меня обычно приглашали за стол.

— Где сыты одиннадцать, — говорила мать Фреди, — хватит и на двенадцатого.

Летом дети шли собирать колосья на поле, а осенью копать картошку. Я часто ходил вместе с ними, хотя моя мать была против.

— Ронни, — внушала она, — неужели тебе доставляет удовольствие таскаться, как нищему, с рюкзаком на спине по всей округе?

Обычно мой отец молчал, когда она выговаривала мне. Но на этот раз он взорвался.

— Оставь его! — потребовал он. — Ничего в этом зазорного нет.

Мы стояли вместе с сотнями других голодных людей на краю поля и ждали, когда крестьяне уйдут со своих участков домой. После этого до поздних сумерек мы копались в земле, чтобы найти несколько картофелин.

Однажды после полудня мы обнаружили на опушке леса свежераспаханное поле. В бороздах лежали неубранные клубни. Поблизости никого не было видно.

— Давай, — скомандовал Фреди, — пользуйся удобным моментом!

Мы выбежали на поле, открыли рюкзаки и торопливо набили их картошкой. Топот копыт услышали слишком поздно. Подняв головы, увидели крестьянина, который, натянув поводья, останавливал лошадь. Она приплясывала и раздувала ноздри. Рядом стояла овчарка, высунув язык от быстрого бега.

— Прекратить! — приказал крестьянин. — Высыпайте все обратно!

Двое или трое послушались, мы с Фреди медлили.

— А ну-ка быстро, олухи! — закричал хозяин поля.— Хотите, чтобы я спустил на вас собаку?

Краем глаза я заметил, что он прижал колено к боку лошади. Та двинулась вперед. Вместе с ней приблизилась и собака. Она натягивала поводок и скалила зубы. Тогда мы опрокинули рюкзаки. Но хозяину показалось, что мы сделали это слишком медленно, и он закричал:

— Возьми их, Хассо, фас!

Собака залаяла и бросилась к нам. Мы помчались сломя голову, спотыкаясь о борозды. Наконец нырнули в густой подлесок, пробрались через него и остановились на полянке перевести дух. Нас никто не преследовал.

— Что за сволочной тип! — ругался Фреди.— Поднимает шум, как будто разорится и пойдет с сумой, если у него убудет несколько картофелин. Впрочем, все они такие, говорит отец. И живут припеваючи. А мы голодаем...

Тогда мы называли крестьян толстосумами. Мы так их прозвали за то, что, как считали, у них было слишком много добра. Больше мы не ползали по бороздам, отыскивая оставшиеся картофелины. Мы рыли картошку, найдя укромное местечко, прямо на поле. Таким образом копали и сахарную свеклу, из которой мать Фреди варила густой сироп.

Наши экспедиции требовали большой ловкости. Мы быстро набили руку, и нас никто ни разу не поймал на месте преступления. Позже, когда жизнь стала получше и больше не нужно было воровать, мы применили наши способности для честных целей — например, во время игры в индейцев в неподалеку расположенном лесу, который принадлежал городу. Мы снова стали детьми.

Мать поняла, что не смогла помешать моему общению с Фреди и его сестрами. И тем не менее она с упорством, достойным лучшего применения, пыталась все же повлиять на меня.

— Ронни,— повторяла она,— они не пара тебе. Они все равно что цыгане.

Что касается цыган, то лишь при взгляде на сестру Фреди, Клавдию, черноволосую, тонкую, как тростинка, темноглазую девушку, можно было вспомнить о них. Она была очень красива: взгляд ее жег меня — способность, которую я приписывал всем цыганкам. Из-за этого взгляда я и влюбился в нее. Но, к сожалению, у меня оказались соперники, они были значительно старше, и им, естествен-

но, было отдано предпочтение. Но они недолго торжествовали, так как Клавдия часто меняла друзей. Только от одного она не сумела впоследствии отвертеться. Этот ветреник заарканил ее, едва ей исполнилось восемнадцать, и через Западный Берлин увез в Баварию. Об этом я узнал совершенно случайно: связь с Фреди оборвалась после восьмого класса. Он уехал в другой город, где стал учеником слесаря-инструментальщика.

Водитель затормозил.

— Ты что-то замечтался. Я здесь сворачиваю. Ты же наверняка хочешь продолжить свой поход. Желаю удачи! И учти: не каждая машина обязательно остановится по твоей просьбе.

Его прогноз оправдался. Приходилось ждать очень долго, пока меня кто-нибудь не подберет. И все же таким манером я пропутешествовал несколько дней. Ночевал где придется: в сараях, стогах соломы, несколько раз в пансионатах. Я видел новые города, площади, по которым разгуливали ленивые голуби, шагал по средневековым переулкам, взбирался на башни. Но нигде я надолго не задерживался. Иногда мне казалось, что я уже забыл Гудрун, но она вновь отчетливо всплывала в моей памяти. Мне хотелось надеяться, что все снова наладится. Но тут же в душе вспыхивал протест против этого. «Та, которая однажды изменила,— думал я,— обязательно изменит еще, и не один раз». Но из-за этого мне не нужно было сразу увольняться. Херб был прав. Бросить все — это не решение. Тем более что это уже в третий раз. Так было в школе, а затем когда я получил профессиональное образование. Неужели я нигде не могу ужиться? Нельзя же вечно начинать все сначала! Кто часто меняет занятие, тот просто разменивается по мелочам.

На восьмой или девятый день моего путешествия после обеда начался сильный дождь. Асфальт потемнел, капли блестели на траве и листьях деревьев. Я шел опустив голову, ничего не замечая вокруг. Очнулся лишь тогда, когда совсем рядом со мной взвизгнули тормоза. За рулем автомобиля сидела женщина. Она опустила стекло дверцы:

— Вас подвезти?

Я увидел очень красные губы, темные волосы до плеч. На вид ей было лет двадцать пять. Открыв дверцу, я сел

рядом. Она тотчас же нажала на газ и медленно отпустила педаль сцепления.

— А куда вам нужно? — спросила она.

— Зависит от того, где я найду пристанище на ночь.

— Трудная задача,— задумчиво произнесла женщина.— Но попытаюсь вам помочь. У нас большая квартира, и кушетка для гостей свобода.

— Вы очень любезны,— поблагодарил я.— Но что скажет ваш муж?

— Ничего, мы не мешаем друг другу. А кроме того, он в командировке и возвратится домой только через два дня.

«Чего только не бывает»,— подумал я.

— Ну как? — спросила женщина.— Поедете ко мне?

Дождь не прекращался. «Дворники» усердно стирали капли дождя с ветрового стекла, стуча по нему непрерывно. «Кто знает, найдешь ли ты пристанище в другом месте? — сказал я себе. — Соглашайся».

— Да,— ответил я,— но только в том случае, если я действительно не стесню вас.

Женщина жила в центре города. Войдя в прихожую, я повесил куртку на вешалку, мельком взглянул в зеркало на свое обросшее лицо и провел рукой по темной колючей щетине.

— Желаете побриться? — спросила она.

— Но у меня с собой нет ничего,— сказал я.

— Я могу помочь.

Она прошла в ванную, открыла шкафчик и протянула электрическую бритву.

Побрившись, я уселся в гостиной. Женщина в это время готовила в кухне еду, гремела посудой. Лишь один раз она появилась в дверях и спросила:

— Хотите посмотреть телевизор?

— Охотно.

Она включила его в сеть и ушла. Передавали какой-то боевик. Звучала песня «Тогда все было так прекрасно». Я подумал: «Гудрун любила эту песню. Может быть, она сидит сейчас в клубе и тоже ее слушает. Может быть, она вспоминает обо мне».

Женщина принесла еду: яичницу с ветчиной и поджаренные ломтики хлеба. Мне она поставила пиво, себе — томатный сок. После ужина, убирая посуду, она сказала:

— От стряпни мне стало жарко. Я быстренько приму душ.

Я услышал, как в ванной плещется вода. На экране телевизора показывали фильм о моряке, который уплыл за тридевять земель, и девушке, которая его ждала. «Ерунда,— подумал я,— все это ерунда».

Женщина вернулась в гостиную. От нее пахло мылом и духами. Она не запахнула махровый халат и придерживала полы рукой. Когда она села в кресло, полы разошлись.

— Иди ко мне, иди же,— позвала она требовательно и протянула ко мне руки.

Я шагнул к ней, но потом резко повернулся и выбежал из комнаты, рванув с вешалки куртку. В дверях я вновь увидел женщину.

— Что с тобой? — спросила она.

Я не ответил и побежал вниз по лестнице. На улице все еще накрапывало. Подняв воротник куртки, я шел не разбирая дороги по улицам и переулкам, мимо кафе и пивных, кинотеатров, клубов и наконец остановился перед вокзалом. Огромная толпа людей с только что прибывшего поезда протискивалась через дверь. «Поезжай-ка домой,— подумал я,— там ты как следует выспишься, а потом поищешь себе новую работу. Что-нибудь да найдешь».

4

Дагмар спросила:

— А почему ты ушел?

Мы поднялись выше и стояли теперь у ограды, поставленной на краю узкой площадки. За ней круто обрывалась скала метров на тридцать или даже больше. Я бросил вниз камень. Звук от его падения долетел до нас совсем слабо.

— Почему?— повторила она.

— Сам не знаю,— ответил я.

— Зато я знаю,— сказала она.— Из-за Гудрун. Ты вдруг все вспомнил, что было у тебя с ней.

— Возможно,— признался я и подумал: «В психологии она разбирается. Во всяком случае, лучше меня».

Дагмар отошла от ограды:

— Пойдем дальше?

Было уже темно. Только вдоль фонарных столбов текли струи света. Дорогу безмолвно окаймляли акации.

Мы снова начали подъем, но уже через пару десятков метров начали задыхаться.

— Косогор действительно требует немало сил,— сказала Дагмар.

— Точно,— согласился я.— Это мы заметили в первый день, и кое-кто сразу не выдержал. Бросил все и вернулся назад.

— Я могу это понять,— заметила она.

— А я — нет. На того, кто быстро сдается, нельзя положиться. Перед тобой крутая дорога, по которой нужно взобраться вверх. Каждый шаг ведет вперед, к вершине. И ты в конце концов достигаешь ее, задыхающийся, но довольный. Гораздо труднее преодолевать невидимые косогоры. Стараешься изо всех сил, чего бы это ни стоило, надрываешься, но не продвигаешься вперед.

— Тогда ты чувствовал себя именно так?

— Да,— ответил я.— Примерно так.

Был полдень, когда я переступил порог отчего дома. Родители сидели на кухне. Отец с аппетитом ел гуляш, мать с неохотой водила ложкой в кашицеобразной массе, которая якобы помогала ей сбросить лишний вес. Они не удивились моему появлению, так как решили, что я в отпуске. Я не стал разуверять их.

— Входи, парень,— сказал отец.— Тут еще осталось на твою долю. Садись на мое место, я должен идти: скоро моя смена.

Еда была вкусной — мать умела готовить.

Потом я лег и проспал до следующего утра. После завтрака пошел в город, бродил по знакомым, залитым солнцем улицам и наконец зашел в трактир на Нижнем рынке. Солдат, сидевший в одиночестве за столом, при моем появлении вскочил и поспешил навстречу.

— Ронни! — закричал он.— Ронни!

Это был Фреди. Я не сразу узнал его в военной форме. Он потащил меня к столику и щелкнул пальцами. Подошла кельнерша.

— Два пива и две специальной,— заказал он.

Это было для меня неожиданностью: Фреди — под знаменами! Удивительная штука! Я смутно помнил: несколько месяцев назад кто-то говорил о том, что он служит в армии. Но я не поверил. А теперь увидел собственными глазами Фреди в форме пограничника. Штабс-еф-

рейтор Манфред Файрих. Задира попал в казарму. Как же это случилось?

Стать солдатом до сих пор мне не приходило в голову, хотя на стройке с нами говорили об этом. То, что пережил мой отец, будучи рекрутом, а затем солдатом на войне, вызывало во мне отвращение. Он не был занят приятными воспоминаниями, как многие другие: женщины в Париже, вволю шампанское, трофеи для невесты в рейхе. Его волновало другое. Иногда ему было просто необходимо рассказать об этом другом. Особенно часто в его рассказах фигурировал унтер-офицер Ригель, которого прозвали мучителем, потому что он издевался над солдатами.

Вот об этом подумал я, когда меня вызвали на комиссию по набору в армию. Она работала несколько дней в помещении охраны нашего предприятия. «Не поддавайся,— приказал я себе по дороге.— Не попадись на их удочку. Настоящий мужчина должен быть свободен».

Мне пришлось долго ждать. Передо мной вызвали каменщика, которого я немного знал. Он был из местных. Продержали его долго. Наконец он вышел из комнаты с красным лицом.

Комиссия состояла из трех человек. Двух мужчин постарше — им, очевидно, перевалило за тридцать — я никогда не видел. Третьим был секретарь нашей организации Союза свободной немецкой молодежи. Черноволосый мужчина в очках начал разговор. Он выглядел усталым, но взглянул на меня внимательно и живо спросил:

— Как ты смотришь на службу в армии? Ты ведь член Союза свободной немецкой молодежи.

— Положительно,— ответил я,— абсолютно положительно. Мне известно, что нужно крепить оборону республики. Но, к сожалению, в данный момент я не в состоянии принять ваше предложение.

— Почему?

«Скажи им правду,— подумал я,— скажи, скажи, что ты не хочешь. Но для чего дразнить гусей? Веди себя смиренно, не спорь, это всегда выгодно».

— Прежде всего, я тружусь на предприятии,— пояснил им,— имеющем большое экономическое значение. Деятельность предприятия зависит от вклада каждого члена коллектива. Если я уйду, то будет пустое место, которое не так-то легко заполнить. Далее, я как раз хотел начать повышать свою профессиональную квалифи-

кацию, пройти соответствующий курс обучения. И кроме того, я собираюсь скоро жениться.

— Так далеко зашло дело?

— Да,— соврал я,— сами понимаете, ребенку нужен отец.

— Да, конечно,— сказал наш секретарь,— но республику нужно защищать. Семьи мы все имеем, верно? Но, несмотря на это, каждый должен быть готов пойти на жертвы, и вот тут-то, сдается мне, у тебя закавыка, дорогой товарищ. Конечно, на словах ты все понимаешь, видно, нахватался правильных формулировок, но слова — дымовая завеса.

«Правильно,— подумал я.— А почему ты сам не идешь? Ты что — незаменимый? Твоими делами может прекрасно заняться другой. Тоже мне, краснобай, призывает нас вступать в армию, а сам увиливает. Какой пример подаешь ты, товарищ секретарь? В твоем кабинете висит портрет Тельмана, а он говорил: «Смысл жизни — это только борьба». Активисты вроде тебя обязаны быть в первых рядах».

— Да,— продолжил он,— слова — это дымовая завеса. За словами должны следовать дела. И поверь мне, товарищ, что высшее проявление сознательности — это когда человек побеждает самого себя и умело сочетает личные интересы с общественными.

— Звучит красиво,— сказал я.— Но я еще до этого не дошел. Весьма возможно, потому что те, которые всегда должны быть впереди, не подают достойного примера. То, что ты требуешь,— это действительно большое дело, и выполнить его должны сначала самые сознательные.

Секретарь покраснел и отвел взгляд в сторону.

— Мы никого не принуждаем,— сказал другой член комиссии.— Но с тобой еще потолкуем, товарищ. В принципе ведь ты не против?

— Нет,— ответил я.

Я был рад, что отделался от них без большого труда. «Что они хотят от меня? — подумал я.— В конце концов, есть немало желающих пойти в армию. Они должны оставить меня в покое. У меня есть работа, есть Гудрун, а то, что я соврал насчет ребенка, так это вполне может случиться в любой момент...»

Как в добрые старые времена, я сидел напротив Фредди. Только военная форма на нем удивляла меня. И я

снова подумал: «Фреди — под знаменами. Забияка в казарме. Вот это штука!»

Фреди поднял стакан:

— За нашу встречу!

Мы чокнулись и выпили.

— Случается же, однако,— сказал я.

— Почему ты удивляешься? — спросил он.— Даже философы не исключают случайность. Только они выражаются довольно мудрено: случайность — точка пересечения двух причин. Ну да это ты знаешь лучше меня. Еще в школе ты считался одним из способных. Тогда я часто восхищался тобой. Честное слово! Я думал: «Ронни пойдет далеко». Перед тобой сейчас, конечно, большая перспектива. Верно? В каком университете ты учишься?

— Ни в каком.

Он с удивлением взглянул на меня:

— Брось!

— Нет,— ответил я,— до университета я не добрался. Путь туда далек, и не все могут преодолеть его.

— Но ты же не такой,— возразил он.— При твоих способностях ты должен был туда попасть.

— Дело не в способностях. Но что это меняет?

Фреди взял стакан с пивом, сдул пену и сделал несколько глотков.

— Просто не укладывается в голове,— заметил он и попросил: — Расскажи.

— Для чего? — спросил я.— Все уже быльем поросло. Кроме того, обсуждать проблемы неудачников — не очень-то радостное занятие. Я считаю, что интереснее слушать истории об удачливых. Поэтому давай лучше поговорим о тебе.

— Оставь,— сказал Фреди.— Что ты видишь во мне особенного?

— Например, твоя военная форма. Ты в форме, хотя у тебя отпуск и ты имеешь право носить гражданский костюм. Следовательно, форма нравится тебе. Из этого я делаю вывод: ты душой и телом предан армейской службе.

— Тебе бы психологом быть. Твой вывод действительно правильный.

— Брось шутить. С толку меня не собьешь. Если уж я чем-нибудь заинтересуюсь, то обязательно об этом все точно разузнаю.

— Давай не здесь,— предложил он.— Как ты смотришь на то, чтобы немного пройтись?

— Прекрасная идея.

Мы поднялись на гору, возвышавшуюся над городом. Она представляла собой гранитный куполообразный массив, большая часть которого была покрыта лесом. Сквозь густые кроны буков солнце едва проникало.

Деревья остались позади. На скалах, по которым мы карабкались, рос лишь колючий кустарник. «Как прежде»,— подумал я. Но тогда мы не выбирали дорог, по которым легче прийти к вершине. Мы всегда карабкались вверх по самым крутым и опасным склонам. Но и этого было мало. Мы нашли еще один отчаянный способ пощекотать нервы. В последние дни войны за гору велись ожесточенные бои, кучка фашистов окопалась на вершине и заминировала склоны. После войны минные поля были обезврежены, но на скалах сохранились на всякий случай намалеванные черепа с перекрещенными костями и предупреждающие надписи: «Мины! Опасно для жизни!» Там могли остаться незамеченные мины, и от этой мысли мороз подирал по коже. Но мы выбирали именно эту дорогу: никто не хотел прослыть трусом.

Фреди тяжело дышал. Нащупывая ногами и руками выбоины в скале, мы ползли метр за метром вперед. Время от времени срывались небольшие камни и падали вниз. На одном выступе скалы Фреди задержался и спросил:

— А что, если по сигарете?

— Я — «за». Надо передохнуть.

Фреди снял фуражку, вытер платком пот со лба и блестящих темных волос, затем сел. Под нами лежал город. Он начинался у подножия горы и широко разбросал свои улицы по равнине. Река делила его на две части. Она петляла среди парков и лугов, пока не исчезала за голубой линией горизонта.

— Кажется, я не был здесь целую вечность,— сказал Фреди.— Больше пяти месяцев. Когда отсутствуешь так долго, всегда испытываешь тоску по дому. А с тех пор как надел военную форму, я редко навещал своих. Но в мыслях я всегда с ними. Я часто думал о школе и о тебе. Ты мне тогда очень помог. Ты еще помнишь вожатого нашего пионерского отряда и исторический кружок, когда мы перешли в шестой класс?

— Да, конечно,— ответил я.— Мы собирали всякие сведения, начиная от пребывания в нашем городе Наполеона и кончая движением Сопротивления при нацистах.

— Знаешь, мне нравится наш город,— сказал Фреди.

— Значит, ты вернешься сюда?

— Может быть,— сказал он,— но это зависит не только от меня.

— Подруга?

— Да, она живет в районе расположения нашей части.— Он достал из бумажника фотографию: — Вот она.

Со снимка на меня глядела белокурая девушка. Я долго рассматривал фото.

— Мне нравится,— сказал я наконец.

Фреди улыбнулся. Я вернул ему снимок, и он бережно спрятал его в бумажник. В этот момент из бумажника выпала еще одна фотография. Фреди поднял ее, подержал в руке, как бы раздумывая, затем протянул мне.

— Узнаешь? — спросил он.

«Конечно, я ее видел,— подумал я.— Длинные черные волосы, темные глаза, полные губы...»

— Клавдия.— сказал я. — Ведь это Клавдия?

— Молодец, узнал,— похвалил он.— Она довольно сильно изменилась в жизни, гораздо больше, чем на фотографии.

«Она действительно очень постарела,— подумал я.— Морщины от углов губ глубокие, как у сорокалетней. Что же такое случилось?»

— Она снова здесь? — спросил я.

— Нет,— ответил Фреди.— Я был на Западе. Незадолго до того, как начал службу на границе. Вот тогда-то она сфотографировалась. На заднем плане дом, в котором она живет.

— Красивое жилье,— сказал я.

— Это только снаружи,— засвидетельствовал Фреди.— Внутри мох растет на стенах, особенно в подвале. А там как раз живет Клавдия с ребенком. Я пытался уговорить ее вернуться обратно, но она не соглашается.

— Что ее там удерживает?

— Упрямство,— ответил Фреди.— Но еще больше тот тип, который увез ее. Он ее бросил, но она надеется, что он когда-нибудь вернется. Вот и торчит в этой нищенской дыре и ждет. Это доконает ее. Когда уезжала отсюда, была полна сил и энергии. Сейчас она просто развалина. Выглядит на все тридцать пять. Выходит, душевные

страдания сильнее действуют на человека, чем физические.

Я протянул ему снимок, и он тоже убрал его в бумажник.

— Паршиво, когда ничего нельзя сделать,— продолжил Фреди.— Я знаю, что ей все хуже, но бессилен помочь. Мне не понравилось на Западе. Фильмы, которые крутят, тошнотворные. А однажды я попал на встречу реваншистского землячества. Ну и штучки там проделывали, скажу тебе!

— И с тех пор у тебя нет вестей о ней?

— Нет,— сказал он.— В первые дни после возвращения домой я надеялся их получить. Даже тогда, когда начал службу, я думал, что она по крайней мере напишет! Но я ошибся. — Фреди поднял камешек и бросил его в пропасть.— Что-то, видно, я не так сделал,— добавил он.— Наверное, мне не нужно было столько уговаривать, а выдать ей пару тумаков. Весьма возможно, это привело бы ее в сознание.

— Не думаю,— сказал я.— Такие меры скорее ухудшили бы положение.

— Но и болтовня в данном случае дело бесполезное. Я считаю, мы и так говорим чересчур много. Пойми меня правильно: я не против разговоров и дискуссий, вовсе нет. Они способствуют решению многих важных вопросов, но не всех. Возьми, например, вопрос призыва в армию. Знаешь ли ты, сколько призывных комиссий разъезжает по республике от предприятия к предприятию? Я не могу назвать точную цифру, но думаю, что она большая. Конечно, товарищи делают свое дело. Они убеждают многих парней пойти в армию, но все же немало остается вне ее рядов. Это толстокожие типы, ловкачи. На комиссиях они заявляют о своей готовности пойти в армию: они мол, все понимают и сознают, но не торопите их, ведь надо подумать не только о себе, но и об интересах предприятия тоже. Так они ведут себя на комиссиях, согласно кивая головами, но чуть представится случай, отворачиваются и посмеиваются в кулак: в казарму вы меня не заполучите. Они думают только о себе. Им наплевать, что другие несут охрану границ республики и в случае необходимости будут за них таскать каштаны из огня.

— А как бы ты на них воздействовал? — спросил я.

— Очень просто,— ответил он.— Я бы ввел всеобщую

воинскую повинность. Каждый годный должен отслужить определенное время. Это было бы самым справедливым решением, и я убежден, что рано или поздно его примут. Страна, на которую зарятся закоренелые милитаристы, не обойдется одними добровольцами.— Фреди снова снял фуражку и вытер платком лоб.— Ну давай кончать наш диспут,— предложил он.— Я проголодался как волк. А что, если мы поднимемся выше, до трактира?

— Только в том случае, если платить буду я.

Он улыбнулся:

— Ладно, если ты в состоянии.

— В состоянии,— сказал я.— Впрочем, я не такой уж бескорыстный.

— Нет?

— Я надеюсь, ты мне кое о чем расскажешь.

— О чем же?

— О своей службе.

Мы сели на скамейку. Дагмар оперлась левым локтем на спинку и посмотрела на дома в долине, освещенные отблесками солнечного света, затем спросила:

— Он рассказал?

— Да,— ответил я.

— И на тебя это произвело впечатление?

— Некоторое.

— Я понимаю тебя,— заметила она.— Ты встречаешь того, кто в школе учился гораздо хуже тебя, но в жизни достиг большего. Все или, во всяком случае, большинство хотят быть там, наверху. Человеку обязательно нужна цель, к которой он стремится. Иначе нет смысла в жизни. У тебя сейчас нет цели. Да и раньше не было. Поэтому другие обогнали тебя, и притом значительно. Наверняка об этом ты тогда думал. Или нет?

— Возможно.

— Конечно, досадно, когда видишь, что другие, менее способные, добились в жизни больше тебя,— сказала она.

— Ты ошибаешься,— возразил я.— Так прямолинейно никто не думает. Многого человек вообще не знает. Конечно, есть люди, которые по любому поводу готовы высказаться. Но у них обычно вместо доказательств пустые слова.

— Не преувеличивай, пожалуйста,— попросила Дагмар.— Я уверена, что в моих суждениях есть зернышко правды.

— Может быть,— согласился я.— Впрочем, люди особенно не раздумывают, почему нужно сделать так, а не иначе.

— Конечно,— подтвердила она.— И все-таки нужно рассматривать все вопросы в тесной взаимосвязи. А иначе как же своевременно заметишь ошибку и исправишь ее?

— Изъясняйся понятней,— попросил я.

Дагмар взглянула на меня:

— Ты находился в тяжелом положении и, естественно, хотел выпутаться из него, но поторопился. А когда торопятся, возникает опасность, что выберут не совсем подходящее решение, а первое попавшееся.

— То, что я сделал, не ложное решение,—сказал я. А сам подумал: «Ты искал, где бы мог выстоять и самоутвердиться. Разговор с Фреди — последний толчок».— Это было мое собственное, и притом обдуманное, решение,— подчеркнул я.— И я не раскаиваюсь ни в чем.

— Не раскаиваешься? — спросила она с сомнением.— Так, значит, ты полностью удовлетворен своей солдатской жизнью?

«Она не даст покоя,— подумал я.— Иногда кажется, что она хочет все узнать обо мне, узнать любой ценой. Интересно почему? Беспокоится о своем престиже? Не думает ли, что раз она студентка медицинского факультета, то не имеет права ошибаться?»

— Я против громких слов.

— Ладно,— поправилась она,— спрошу по-другому: ты доволен?

— А вообще кто-нибудь доволен своей жизнью?

— Ты увиливаешь.— Она глубоко вздохнула: — Итак, ты счастлив?

— Да,— ответил я,— вполне.

Она улыбнулась, как мудрый человек, знающий больше своего собеседника:

— И ты совершенно в этом уверен?

Ее упрямство вывело меня из себя.

— Зачем все это? Так мы ни к чему не придем!

— Может быть, моя игра в вопросы действительно чудачество,— сказала Дагмар примирительно.— Вот так я когда-то портила нервы своему отцу, хотя он всегда терпеливо отвечал мне. И только однажды ему пришлось как следует поломать голову. Помнится, я у него спросила: «Что такое счастье?» Он долго думал, а потом сказал:

«Трудно найти ответ. Все хотят иметь его, счастье. За ним гонятся обычно долго и упорно, но в действительности оно достается лишь немногим». И рассказал мне такую сказку.

Давным-давно за большим лесом жила старуха с внуком. Ютились они в жалкой хижине, сквозь дырявую крышу которой комнату заливал дождь. С раннего утра до позднего вечера парень работал на маленьком поле. Он прилежно трудился: почва была каменистой и неплодородной. Так проходили безотрадной чередой неделя за неделей. Лишь иногда, по воскресеньям, парень позволял себе сходить в отдаленную деревню. Там он заходил в трактир, выпивал стакан вина, танцевал с самой красивой девушкой и был очень счастлив. После одного такого вечера он сказал бабушке: «Наш мир устроен несправедливо. Ведь как долго нужно мучиться и надрываться, чтобы иметь несколько свободных часов!»

Всю ночь она раздумывала над тем, как помочь внуку. На следующее утро она сказала: «Может быть, удастся изменить твою жизнь». «Каким образом? — спросил парень.— Научи!» «Что я хочу предложить — это опасно,— ответила бабушка.— От тебя потребуется большая смелость». «Смелости у меня хватит»,— пообещал внук. «Ладно, — сказала старуха. — Тогда слушай меня внимательно».

И она поведала ему о фее, которая обитает в лесной чаще, в гроте, под могучим дубом. В полнолуние она является к тому, кто вызывает ее заклинанием, и исполняет все его желания.

С этого часа парню стало казаться, что дни потекли слишком медленно, ночью он спал беспокойно, и снились ему сны о богатстве и счастье. Наконец месяц превратился в круглую и желтую луну, и внук собрался в дорогу. Парень далеко забрался в лес. Под его ногами громко трещали сломанные сухие ветви, шелестела старая пожухлая листва, противно кричали совы, вокруг сверкали глаза диких животных. По спине парня пополз холодок. Незадолго до полуночи добрался он до могучего древнего дуба и громко произнес заклинание: «Лесная фея, лесная фея, выйди на лунный свет, я не робею».

Вдруг затряслась земля и между узловатыми корнями дуба появилась трещина. Из нее выплыло призрачное существо со светлыми, как лен, волосами и остановилось перед парнем.

«Что хочешь ты?» — спросила фея. «Подари мне счастье»,— попросил парень. «Я не могу,— сказала она.— И никто не может. Человек должен сам найти его, потому что оно в нем самом. Я могу подарить тебе лишь земные блага». «Этого хватит,— решил парень.— Дай мне красивый дом и сундук дукатов. Да такой, чтобы, как только я зачерпну из него пригоршню монет, он снова бы наполнялся дукатами. И еще я хочу доброго коня, который бы вихрем несся». «Подумай как следует,— предупредила фея.— Все, что ты просишь, я могу тебе дать, но счастья ты не добьешься». «Это уже моя забота,— ответил парень.— Мне лучше знать».

Фея с сомнением покачала головой, но сделала все, что он просил. Когда парень вернулся к себе, вместо старой хижины увидел просторный и красивый дом — настоящий дворец. Он весь сверкал, а внутри был обставлен мебелью из черного дерева. Постельное белье — из нежного шелка, на мраморном полу — мягкие ковры. В углу стоял красивый сундук с дукатами, и каждый раз, когда парень брал несколько монет, их место с приятным позвякиванием тут же заполняли новые золотые монеты.

Теперь он мог делать все, что его душа пожелает. Он много ел, еще больше пил, скакал на лихом коне. Все чаще оставлял он свою бабушку, которая чувствовала себя одиноко в огромном доме и скорбела, что ее внук так бесполезно тратит время. Она быстро слабела от горя, и однажды вечером, когда парень вернулся домой, он нашел ее мертвой. Он купил роскошный гроб, но у ее могилы не пролил ни слезинки.

Каждый день парень ездил в деревню, но сейчас там у него не было друзей, как прежде. Когда он приходил в трактир, с ним все реже кто-нибудь из девушек танцевал. «Пусть они идут ко всем чертям,— думал он.— Мне никто не нужен».

От обилия еды и питья парень растолстел и стал ленивым. В конце концов он даже с трудом садился на коня. Однажды его вороной бежал рысью по лесной дороге. Угрюмый парень трясся в седле. На поляне он заметил трех дровосеков, которые споро махали топорами, да так, что щепки во все стороны летели. Наконец дерево наклонилось и рухнуло на землю. Дровосеки решили немного поболтать. Как видно, они рассказывали друг другу веселые истории, ибо то и дело раздавался хохот. Парню стало любопытно, и он подъехал к ним. «Вы так

весело болтаете, люди,— сказал он.— Мне кажется, вы счастливы». «А почему бы и нет? — произнес один.— Работа спорится у нас в руках». «А при каждом ударе топором,— заметил другой,— мы чувствуем, что здоровы и сильны». «Кроме того, мы приносим пользу другим,—сказал третий.— Ведь из бревен, которые мы заготовим, срубят ладные дома». «Сделают колеса или бочки»,— добавил первый. «Женщины жарко протопят очаги»,— сказал второй. «А угольщики выжгут хороший уголь»,— дополнил третий.

Крепко задумался парень, расставшись с дровосеками. А через несколько дней, когда на небе вновь засияла круглая желтая луна, он поехал на своем вороном в лес. Все было, как в первый раз: громко ухали совы, сверкали глаза диких животных. Почти без сил добрался парень до заветного дуба, произнес заклинание, и сейчас же перед ним появилась фея. «Ну что? — спросила она.— Счастлив ли ты?» «Нет,— ответил он.— Мне очень худо».— «Я предупреждала тебя».— «Да, и не зря,— сказал он.— Но теперь я знаю, как можно поправить дело».— «Как же?» — «Возврати мне мою прежнюю силу и ловкость,— попросил он.— Я хочу валить деревья в лесу, как и другие».

Все это Дагмар рассказала очень образно, а закончив, замолчала и выжидающе посмотрела на меня.

— Интересная сказка,— заметил я.— Сожалею, что она не опровергает мои мысли.

— А я имела в виду другое,— сказала она.— Может быть, ты иногда и чувствуешь себя счастливым. Но надолго ли это? Твоя служба продлится три года. А ты в армии только около трех месяцев. Чувство нового скоро исчезнет. Пройдет время, и ты скажешь себе: как жаль, что я потерял эти три года.

— Прежде я думал, как и ты. Тогда я был согласен с Анди, с его формулой: счастье для одного означает несчастье для другого. Эту мысль он мог подкрепить примерами, которые на первый взгляд казались убедительными. Если ты найдешь сто марок, говорил он, будешь чувствовать себя счастливым, а тот, кто потерял, естественно, будет злиться. Отобьешь у кого-нибудь невесту— это твой звездный час, а для обманутого — полное Ватерлоо. Он доказывал свой тезис десятками других примеров, некоторые из них были весьма оригинальны. Но все они на самом деле ничего не доказывали, ибо Анди ис-

ходил из неверной посылки. Твой отец добрался до самой сути. Истинно счастливым может быть только тот, кто постоянно приносит пользу людям. Не так ли?

— Правильно,— сказала Дагмар.— И все же не нужно отрываться от жизни. Вернемся к твоему сравнению. Если ты поднимаешься по косогору и еще находишься далеко от вершины, когда же ты сумеешь ее достичь?

Часть вторая

ИСПЫТАНИЕ

1

Последний, верхний отрезок косогора особенно крут. Ноги становятся пудовыми. Перестали попадаться тополя, но повсюду растут белые акации и терн. И лишь слева, метрах в пяти-шести, стоит дуб, мощные корни которого то тут, то там выпирают из земли. У него могучий ствол с грубой растрескавшейся корой. Ему, вероятно, лет триста. Ветви его тянутся вверх, листья отсвечивают на солнце. «Что значат для этого колосса какие-то шестнадцать лет,— подумал я,— что могут они изменить в нем. Для человека же шестнадцать лет — долгий срок».

Некоторые уступы покрыты мхом, дорога заросла терном. Очевидно, по ней ходят редко, чаще проселком, опоясывающим косогор.

Последние метры я преодолеваю с трудом. Наверху останавливаюсь, перевожу дыхание и осматриваюсь. Рядом небольшая стоянка для машин, где замечаю маленькую красную «Шкоду». За рулем сидит Мергельт. Он вылезает из машины и спешит мне навстречу.

— Хотел подвезти тебя,— говорит он,— но не получилось. Я подумал, что ты ждешь у подножия, ведь косогор крутой. Мне тут пришлось долго ждать тебя.— Он слегка ухмыляется и добавляет: — А ты, кажется, выдохся. Раньше ты брал подъемы легче. При первой попытке темп у тебя был близок к рекордному...

— Да, тяжеловато, — отвечаю ему, — но все же не так, как когда-то Брюлю.

Я вспомнил, что эту историю нам рассказывал Мергельт почти на том же самом месте. Он глядит на меня, и

его глаза — серые и чистые, как прежде. Кожа на лице гладкая, загорелая до самых корней густых темных волос.

— А ту историю-то ты помнишь? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я.— Некоторые вещи не забываются.

— Может, припомнишь и «Охотничий домик»?

— Ну разумеется...

— Так вот, сейчас мы туда и отправимся.— Он взял у меня дорожную сумку и сказал: — Садись в машину.

Мотор сразу заурчал. Мергельт включил первую скорость, затем прибавил газу и медленно выжал педаль сцепления. «Что-то он наверняка приготовил,— подумал я.— Он ведь всегда такой предусмотрительный». Это мне стало понятно с первых дней знакомства, особенно тогда, на мосту...

Мост был старый. Вода с силой ударяла в его деревянные опоры. Казалось, уровень ее неумолимо повышался, мощные волны накатывались и бились о мост. Обмундирование мое прилипло к телу, в резиновых сапогах хлюпало.

— Мы должны спасти мост,— сказал Мергельт.— Вы же понимаете, как важен он для известкового карьера.

Наше отделение получило задание укрепить средние опоры моста. Мы тащили длинные тяжелые кругляки — их доставили с карьера. Сзади меня шел Доблин. Я слышал его прерывистое дыхание. Бревно сильно давило на плечи, и я замедлил шаги.

— Быстрее! — приказал унтер-офицер.

Дул сильный ветер, мешая нам идти. Я упирался, крепче обхватывая бревно. Мергельт стоял у перил.

— Сюда! — распорядился он.— Опускайте вперед! Спокойно! — Он сложил ладони рупором и крикнул: — Стянуть двумя веревками, и покрепче! — Мюллер и Дудки обвязали веревками конец бревна, замотали веревки по насечкам, которые мы сделали топором, крепко затянули узлы. Доблин проверил прочность креплений. Веревки не должны были соскочить.— Поднять сзади! — скомандовал Мергельт. Мюллер и Дудки подняли конец бревна на плечи.— Переваливайте через перила! Осторожно! — Свая поползла, царапая неотесанные перила и отламывая куски дерева.— Держать крепче за веревки! — И вот свая повисла. Толстая, освещенная светом прожек-

тора, она нацелилась вниз, на бушующую воду. Ее тупой конец еще торчал над мостом.— Опустить! — Свая заскользила вниз, все ближе и ближе к бушующим волнам. Вдруг она дернулась, веревки натянулись. Свая болталась над водой, потом ее конец окунулся в волны, и они сразу стали как бы заглатывать бревно. Мы судорожно вцепились в него, изо всех сил упираясь ногами в рельсы и шпалы. Мергельт перегнулся через перила, крикнул:— Еще чуть, правее! — Мы ослабили веревки, Мергельт дернул за них.— Стоп! — крикнул он. Свая повисла вплотную к опоре моста.— Опускайте дальше! Быстро! — приказал Мергельт.— Хорошо! Пошла! — Веревки заскользили вниз через перила, свая вошла в воду, и нижний конец ее воткнулся в илистое дно. Мергельт еще раз взглянул вниз. Свая стояла рядом с опорой моста.— Есть! — сказал он.— Теперь надо скрепить их. Есть добровольцы?

Вызвались все. Мергельт помедлил, оглядел каждого, потом объявил:

— Пойдет товарищ Биляк.

Я закрепил пояс-страховку, который протянул мне Доблин, перелез через перила и, повиснув над бурлящей рекой, начал медленно спускаться по веревке вниз. Почувствовав, что первая волна ударила по сапогам, дернул сигнальный трос. Сверху сразу же перестали травить веревку. Я прижался бедром к свае, вбил в нее две железные скобы, а еще две — в опору моста. Затем продел в них тонкий трос, обмотал несколько раз вокруг сваи, завязал узлом и прочно закрепил его. Я с трудом переводил дыхание, руки ломило. «Не останавливаться! — приказал я себе.— Давай дальше!» Трижды я повторил эту операцию. И всякий раз выполнять ее было все труднее. Наконец я вскарабкался на край моста, перелез через перила. Ко мне подошел Мергельт.

— Ну как, порядок? — спросил он.

— Так точно, товарищ лейтенант!

Следующую сваю крепил Фабер, еще одну — Дудки. Вода в реке все поднималась. С крутого склона сбегали в овражек бесчисленные ручьи. Дождь лил уже третий день и все усиливался. По реке неслись оторвавшиеся где-то доски и бревна. Когда они ударялись об опоры, я чувствовал, как дрожит мост.

— Больше свай мы уже поставить не можем,— сказал

Мергельт.— Теперь необходимо положить мешки с песком, чтобы вода не размыла настил моста.

Вместе с другими отделениями мы образовали цепочку. Мергельт и Доблин встали в общий ряд. Лейтенант ловко захватывал мешки, бросал их Мюллеру, а тот — мне. Я укладывал их в ряды. Работали без передышки. Мне стало жарко. Прямо подо мной бурлила вода. Она била в мешки, перехлестывала через них, откатывалась назад. Мюллер не докинул мешок до меня.

— Сильней! — крикнул я.

«Разогнуться, поймать, сбросить». Кровь стучала у меня в висках.

— Поменяться местами! — скомандовал Мергельт.

Мюллер спустился вниз. Я увидел, что он побледнел. Выдержит ли? Я наблюдал за ним. Вдруг его движения стали замедленными, несколько мешков он не смог удержать. В этот момент волна швырнула в заслон из мешков бревно. Оно одним концом вклинилось между двумя мешками, другим утопало в воде. Мюллер нагнулся и попытался вытащить его. И тут мешок под его ногой рухнул вниз. Мюллер попытался отскочить — но поздно! Потеряв равновесие, он упал в реку.

— Человек в воде! — закричал я.

Мюллер хотел ухватиться за застрявшее бревно, но не дотянулся до него. На мгновение я окаменел. Застыли и все остальные. Первым опомнился Доблин. Он бросился на берег. В руках у него была веревка. Он раскрутил ее над головой, как лассо, и швырнул конец Мюллеру. Веревка шлепнулась в воду рядом с Мюллером. Тот судорожно уцепился за нее. Я поспешил к Доблину и ухватил веревку. К нам спрыгнули Фабер, Бале и Мергельт. Напрягаясь изо всех сил, мы тянули веревку. Наши ноги упирались в мешки с песком. Я подумал: «Только бы они выдержали!»

Мергельт командовал:

— И — раз! И — раз!

Веревка врезалась в руки, мы задыхались. Мюллер медленно приближался к берегу. Вода накрывала его с головой. Мы боялись, что он не выдержит и выпустит веревку из рук.

— Держись! — крикнул ему Доблин.

Мюллер старался изо всех сил. Мы тянули. Его накрывала одна волна за другой. И вот наконец он выбрался на вал. Обессиленный, повис на наших руках.

— К машинам! — приказал Доблин.

Мы вынесли Мюллера и положили его на сиденье.

— Всем продолжать работу! — сказал Мергельт.

Мы вернулись к мосту. И вновь полетели мешки с песком. Руки немели, но двигаться приходилось беспрерывно: поймать мешок, бросить его, вновь поймать и вновь бросить. Дождь хлестал, река бушевала. Волны ее разбивались об укрепленные сваи.

Мы работали долго. Свет прожектора поблек. Тусклый, серый рассвет занимался над косогором. Наконец Мергельт крикнул:

— Перекур!

Но из-за сильного ветра его никто не услышал. Тогда Мергельт сложил ладони рупором и крикнул еще раз:

— Пе-ре-кур!

Мы побрели к машинам. Мюллер сидел в кабине водителя и виновато улыбался.

— Я не выдержал, — сказал он,— выдохся полностью.

— Я тоже очень устал. Сейчас бы поспать, просто свалиться на пол и заснуть.

Закрыв глаза, я услышал голос Мергельта:

— Вы молодцы. Если еще немного постараемся, то заслон устоит. А сейчас мы малость подкрепимся. — Он порылся в своем вещевом мешке и вытащил флягу с водкой:— Только стаканов у меня нет.

— Ничего,— сказал Доблин,— мы все сейчас заражены одной болезнью.

— Да? Какой же? — спросил Мергельт.

— Жаждой, товарищ лейтенант.

Мергельт ухмыльнулся, отвинтил крышку и протянул флягу Мюллеру. Сделав глоток, он передал ее Дудки. Тот выпил с наслаждением, поморщился и прищелкнул языком:

— Давненько такие драгоценные капельки не щекотали мою глотку.

Пока фляжка шла по кругу, я наблюдал за ребятами. Алкоголь подействовал на всех, напряженные лица смягчились, оживились. Я почувствовал, что согрелся. Когда начал пить Зиги, мы вдруг услышали незнакомый голос:

— Кажется, здесь бражничают, вместо того чтобы работать.

Я обернулся и увидел Заваду, командира роты, который объезжал участки работы на мотоцикле. Зиги опустил руку с фляжкой.

— Товарищ капитан,— доложил Мергельт,— один глоток во время короткой передышки. Надо же им отдышаться хоть несколько минут — они работали как одержимые.

Завада заметил:

— Перекур — это хорошо, но не с водкой же. Вы на службе.

Мергельт возразил:

— Это я знаю. Но полагаю, что исключительные обстоятельства оправдывают нарушение правил.

2

— Ты такой неразговорчивый,— замечает Мергельт.— Размышляешь?

— Есть немного.

— Вы, писатели, интересные люди: или царапаете бумагу, или же обязательно должны мыслить.

— Ну не так уж обязательно. Но порой действительно не находишь покоя. Лезет в голову всякая всячина. Даже случаи, которые, казалось бы, давно забыты.

— Что же тебе пришло на ум?

— Да вот то дело на мосту. Помнишь?

— Еще бы, — отвечает Мергельт. — И даже очень хорошо помню. У меня ведь было продолжение той истории. Завада, как и положено, прочел мне нотацию и не наложил взыскания лишь потому, что мы действительно тогда здорово поработали.

— На мосту он очень разозлился,— сказал я. — А собственно, из-за чего?

— При виде водки он всегда выходит из себя, — пояснил Мергельт.— Он ведь абсолютный трезвенник и считает, что если хоть кто-то выпьет глоток водки, то вся рота потеряет боеспособность. А вообще-то он отличный командир: умный, настойчивый, справедливый. Но в отношении алкоголя — никакого компромисса. И женщин не очень жалует. Я думаю, что это вызвано какими-то неприятностями в его прошлом. Два года он сражался в маки. Дома его считали давно погибшим. Девушка, которую он любил, вышла за другого. Он, по-моему, и по сей день не забыл все это — и остался холостяком. Была бы его воля — он перевел бы на это положение всех офицеров.

— Ты прав, он слишком суров. И это приносит ему успех. Ты продвигался по службе более успешно и без ожесточения.

— Все зависит от обстоятельств, — сказал Мергельт.

Свернув на песчаную дорогу, где слева и справа рос кустарник с маленькими запыленными листьями, он продолжал:

— Нужно знать, до каких пределов можно требовать от солдат.

— Значит, ты не раскаиваешься в своих действиях тогда, на мосту?

— Нет, не жалею. Я никогда не принадлежал к тем, кто все делает по шаблону. Должна существовать возможность для проявления индивидуальности. Ты ведь тоже так думаешь? Или с тех пор что-то изменилось?

— Нет, — ответил я ему.— Только все оказалось сложнее, чем я предполагал.

— В армии просто ничего не бывает, — говорит Мергельт, — уже хотя бы потому, что она объединяет много людей с разными характерами. А это всегда создает проблемы. И офицер отвечает за то, чтобы они разрешались. Порой бывает очень трудно. Конечно, можно действовать приказным порядком. Но приказы должны быть правильными, а это зависит от кругозора и опыта командира. И еще необходимо тонкое чутье. Одинаковых ситуаций не бывает.

В то время я так не рассуждал. Каждый судит посвоему, но не каждому дано до конца понять другого. Фреди такое удавалось. Мне это стало ясно, когда я встретился с ним во время учебы. Он вместе со своей девушкой был у нас проездом. «Неужели,— сказал он тогда, на вокзале, — ты — и в форме?! Когда я получил твое первое письмо, просто поверить не мог». «Почему? — спросил я.— Порой кое-что воспринимаешь совсем не так, как оно есть на самом деле. Иногда для окончательного решения не хватает небольшого толчка. И его я получил тогда, на горе».

Мы спустились к Эльбе. Девушка Фреди шла между нами. Пройдя по берегу, мы уселись на скамью. Фреди оглядел меня. «Ну, рассказывай, — попросил он. — Как у тебя идут дела?» — «И так и сяк». — «Бывают огорчения?» — «Бывают». Я упомянул инциденты с Доблином и Рудлоффом. Фреди внимательно слушал. Потом сказал: «А не в тебе ли самом дело? Ведь каждая медаль имеет две стороны. Ты обязан попробовать понять людей. Не думай, что им легко командовать. Они должны строго спрашивать с себя, чтобы крепко стоять на ногах».

Позже он еще раз вернулся к этой мысли. Уже когда женился на той девушке. Они жили через несколько улиц от меня. Фреди был командиром саперов. Иногда мы встречались за кружкой пива. «Служба доставляет мне удовольствие, — говорил он.— Но она сложная. Дается мне с трудом. Не прослужи я на границе — вряд ли осилил бы ее. Нужно быть и командиром, и одновременно товарищем. Здесь-то и таится опасность: перейдешь рубеж — потеряешь авторитет».

...Мергельт включил первую скорость.

— Сомневаешься? Есть возражения?

— Прямых нет. Только думаю, можно ли всегда так действовать? Напряженное международное положение требует высокой дисциплины и ответственности. И это распространяется на всю армию, до взвода, до отделения включительно. Чтобы победить врага, мы должны исключить всякие неожиданности.

— Разумеется, — замечает Мергельт.— У каждого времени свои требования. И я должен к ним приспосабливаться.

Некоторое время мы едем молча. Дорога расширилась, кустарник сменили деревья. Мергельт выехал на стоянку за «Охотничьим домиком». С трудом найдя свободное место, он поставил «Шкоду».

— Думаешь, сумеем получить тут столик?

— Не торопись, — ответил Мергельт.

Гостиницу я еле узнал: с левой стороны — обширная терраса, крыша покрыта новой черепицей, все стены оштукатурены, окна сделаны на современный манер, и только над входом, как прежде, висят огромные оленьи рога. У дверей стоит очередь: ждут свободных мест. Мы проходим мимо нее. Навстречу спешит официант. Он ведет нас к заказанному столику. Пока мы рассаживаемся, он обмахивает салфеткой белую скатерть:

— Что желаете?

— Пиво пьешь? — спрашивает Мергельт.

— Да, теперь переношу его сносно.

— А как ты относишься к жаркому из кабана?

— Пойдет.

Мергельт говорит официанту:

— Нам пльзенское, колу и два куска кабана.

Официант быстро приносит напитки и желает приятного аппетита.

Я пью и говорю другу:

— Вкусно. Но пиво «Будвар» было лучше.

— Твоя память действительно феноменальна,— улыбаясь, замечает Мергельт. — Ты, конечно, вспомнил вечер после первых стрельб?

— Точно.

На поверке объявили имена лучших стрелков. Из нашего отделения кроме Дудки, Бале и Камберта были названы также имена Зиги и мое. Потом нас повезли в «Охотничий домик». По дороге Йорг пророчествовал:

— Ну и кутнем, братцы. Провалиться мне на этом месте, если там не будет девочек.

Он оказался прав. Не успели мы повесить в гардеробе свои фуражки, как подъехал автобус. Появилось почти три дюжины девчат — работниц с ближайшей ткацкой фабрики. Все уселись за двумя столами. Нам подали вкусные блюда и чешское пиво.

В одном из уголков зала сидели три музыканта и настраивали инструменты. Мне не хотелось слушать всякую муру, но Дудки, сидевший слева от меня, сказал:

— Надеюсь, они скоро ударят по струнам. У меня уже ноги не стоят на месте.

И как только раздались перые звуки музыки, он вскочил и пригласил на танец брюнетку. Вскоре танцоров оказалось полный зал.

Дудки танцевал превосходно. Партнерша не уступала ему. Бале же вел себя очень сдержанно, его фигура казалась столь прямой, будто он аршин проглотил. Среди танцующих он выделялся важной осанкой. У него все блестело: напомаженные волосы, новехонькая портупея, чувствовался резкий запах одеколона.

Через некоторое время Зиги заерзал на стуле. Я спросил его:

— Ты что, тоже хочешь танцевать?

— Мне не нравится, что не все девушки танцуют.

— Тогда давай потанцуй с ними. Твоя Регина ведь не увидит. К тому же танцевать никому не запрещается.

— Ты прав. Почему я должен скучать?

Танцевал он хорошо. «Наверное, учился в школе танцев»,— подумал я. Когда-то и я посещал такую школу, и воспоминания о ней остались неприятными. Из-за Ли-

велотты, очень хорошенькой собой. После выпускного бала по дороге домой она пригласила меня к себе, угостила превосходным кофе, вкусными пирогами. Но мне стало не по себе, когда она предложила немедленно обручиться. Больше мы не встречались...

Зиги с важным видом прошел мимо меня и ободряюще улыбнулся. Немного отпив из стакана, я заметил, что блондинка с соседнего стола пристально смотрит на меня. «Смотри себе на здоровье», — мелькнула у меня мысль.

Вернер Камберт плюхнулся на стул рядом со мной.

— Пиво — класс, — сказал он.— Чехи понимают в пивоварении. Надо бы организовать еще несколько бутылок да забраться в уголок. Как ты?

— Нет,— возразил я, хотя его предложение было не из самых худших.

Меня удержало то, что оно исходило именно от Камберта: я помнил все, что произошло в кафе на вокзале и на учебном полигоне.

— Ну а в чем дело-то? — настаивал он.

— Мы здесь все-таки при исполнении служебных обязанностей и принимаем гостей.

— Надо же, услышать такое именно от тебя! — издевательски осклабился он.— Или ты мало выпендривался?

— Именно поэтому, — парировал я.— Должен же когда-то быть конец.

— Ох,— удивился он, — и это ты плетешь, хотя и умираешь со скуки?

— Мне интересно смотреть.

— А мне — нет.

— Ну и топай, танцуй себе. В кафе на вокзале ты не пропустил ни одного тура.

— Там мне надо было.

— А здесь нет?

— Нет. Сегодня я хочу пить.

Танец кончился. Подошел Зиги.

— Ну вы, герои! — сказал он. — Сидите тут, как пытки, и ищете дырки в небе.

— Ты имеешь что-нибудь против? — спросил Камберт.

— Не очень-то хорошо вы выглядите.

— Ну если так, то я уступаю поле боя, — сказал Камберт.— Мне все равно нужно выйти.

Он осушил свой стакан и ушел.

— Что это с ним? — поинтересовался Зиги.

Я пожал плечами:

— Может быть, его расстроила девушка. Но я не думаю, чтобы она нашла себе другого.

— Это было бы скверно. Надо с ним поговорить.

— Не усложняй.

Зиги сделал несколько глотков, подержал стакан, рассматривая рисунок на нем.

— Может, ты и прав, — сказал он. — Подождем.

Он взболтнул пиво, пена стала медленно исчезать. Зиги наблюдал, как тают ее последние хлопья, потом взглянул на меня:

— А ты все еще не можешь забыть старую историю?

— Да, не могу.

— Я не хочу вмешиваться, — продолжал он, — но ты ведешь себя неправильно. Если ты разочарован в одной, ты не должен презирать других.

— Разве я так делаю?

— Так воспринимают твои товарищи. И это отражается на всем подразделении, ведь люди склонны к обобщению. Они считают хлыщами не Биляка или Камберта, а половину учебной роты.

— Перестань. Передо мной тебе не стоит строить из себя начальника: на меня это не действует.

С тех пор как Зиги стал секретарем организации Союза свободной немецкой молодежи, он считал себя ответственным за все. При этом часто попадал впросак.

Зиги закусил губу.

— Да я этого и не хотел,— примирительно сказал он.— Давай выпьем еще по бокалу.

— А я могу присоединиться? — спросил Мергельт, неожиданно появившийся сзади.

— Конечно, товарищ лейтенант,— сказал Зиги.

Мергельт пошел с нами к стойке.

— Как насчет водки? — спросил он. — Со времен плена я пью ее с большой охотой.

Его призвали в вермахт за несколько месяцев до конца войны, когда ему исполнилось семнадцать. Сначала он стрелял, как и другие, стрелял потому, что его приучили повиноваться. Но вскоре он понял, что не стоит рисковать жизнью: поражение было неизбежным. Через несколько дней он с двумя приятелями перебежал через Одер...

Мергельт прислонился к стойке и взглянул на нас.

— Против водки ничего не имею, — сказал я. — Водка — это всегда здорово.

— Тогда возьмем двойную порцию, — решил Мергельт. — Может, появится желание потанцевать. Или вы не пойдете?

— Вряд ли.

— Значит, танцевать желания нет?

— Что поделаешь, товарищ лейтенант.

Бармен поставил перед нами стаканы. Мы выпили.

— Жаль, — вздохнул Мергельт. — Солдат, который не танцует, получает лишь половину удовольствия. Но, может, это еще пройдет: вечер ведь длинный.

— Думаю, что нет.

— У него железный характер, товарищ лейтенант, — подшучивал Зиги.

— Не может быть, — сказал Мергельт. — Ахиллесова пята есть у каждого, нужно только ее отыскать.

И он нашел ее у меня. Когда я опять уселся за стол, объявили белый танец: дамы приглашают кавалеров. Мне сразу стало ясно, что тут не обошлось без Мергельта. Ко мне подошла блондинка, сидевшая за соседним столом. Я мгновение поколебался и пошел с ней танцевать.

3

— Так вот, — сказал Мергельт, отодвигая пустые тарелки и вытирая салфеткой губы, — я должен сообщить тебе кое-что не совсем приятное.

Он испытующе смотрит на меня.

— Ну не тяни, — говорю я ему.

— У нас тут случилось одно дело... — Он обрывает фразу и некоторое время молчит.

— Поссорился с Ингой? — спрашиваю его.

— Нет-нет, но наши отношения сейчас довольно натянуты.

— Из-за меня? — уточняю я.

— Чепуха. Как ты мог подумать такое? Дело совсем в другом: вчера после полудня неожиданно объявилась сестра Инги со своим мужем. Они отправляются на озеро Балатон и завтра утром уезжают.

— Ну тогда я переночую где-нибудь в другом месте. Ничего страшного.

Мергельт горячится:

— Ни в коем случае! Комната для тебя приготовлена. Я просто хочу уберечь тебя от утомительного вечера с ними. Они ведут себя заносчиво. Наверное, думают, что это соответствует их положению в обществе. Он торгует

сантехникой и водяными насосами. Зарабатывает бешеные деньги. Ты представить себе не можешь — чего только у них нет: дом в Берлине, дача в Тюрингии, две машины. Только что вертолёта нет. Детей тоже нет. У него лишь где-то есть взрослый сын от первого брака.

Моя свояченица познакомилась с этим насосным дельцом где-то на курорте. Мне кажется, они всю жизнь искали друг друга и нашли. Живут они интересно, часами могут говорить о своих путешествиях: Гавана, Альбена, Ленинград, Пицунда. Дома у них свой домашний зоопарк: от сиамской кошки до какаду. В квартире — я был у них в прошлом году — много ковров, а колец и перстней — целое состояние.

— В таком случае мне лучше не встречаться с ними. Хотя бы из-за моего хорошего отношения к Инге. Но как это сделать?

Мергельт предлагает:

— Я возьму твою дорожную сумку и дам тебе ключ от дома. Тебе приготовлена комната, где раньше жил заместитель по политчасти. Найдешь ее?

— Конечно. Пока светло, я пойду поброжу по окрестностям, а вечером махну еще бутылочку пивка, лучше засну.

— Я должен передать тебе приглашение. Тебя ждет Дудки — я же писал, что он живет теперь здесь.

«Мергельт вновь оказывается в роли посредника, — подумал я. — Но это ничего. Дудки, Йорг Дудки бабник, рубаха-парень, дружище. С ним интересно поговорить».

Дудки косит траву в садике. Ловки и сильны его движения. Заметив меня у забора, он тут же прекращает работу и идет навстречу.

— Рад тебя видеть, старый заяц. Как здорово, что ты пришел! Мы давно ждем тебя, — говорит он, открывая калитку.— Входи, Теле не кусается.

Лицо его почти не изменилось. Темные глаза блестят так же лукаво, как прежде, кожа гладкая и упругая, только темные волосы сильно поредели. Выглядит он, пожалуй, более приземистым, чем раньше, широкие плечи сутулятся, появилось брюшко.

Собака сидит под бересклетом, ногой чешет за ухом.

Дудки ведет меня по узкой, замощенной камнями дорожке.

— Гизела! — кричит он, не дойдя до дома. — Принимай гостей!

На пороге появляется женщина невысокого роста. Ее густые темные волосы коротки, гладко зачесаны.

— Добро пожаловать! — обращаясь ко мне, говорит она.

Рукопожатие ее крепко. Я протягиваю ей цветы, она чуть-чуть краснеет и быстро отступает в тень коридора.

— Входите, пожалуйста!

Квартира обставлена со вкусом. На столе три рюмки.

— Садись, выпьем.

Дудки наливает водку в рюмки, добавляет немного содовой. Рюмки становятся молочного цвета.

— Мастика, — говорит он. И уточняет: — Бутылка эта у меня уже два года. Приберег к важному случаю. — Дудки поднимает рюмку на уровень глаз: — За твое возвращение в Страпен.

— Да будет он благословен, — откликаюсь я.

Мы пьем. Водка немного отдает анисовыми каплями. Дудки задумчиво смотрит перед собой.

— Боже мой, — говорит он,— шестнадцать лет прошло с тех пор, как мы натерли сапогами свои первые мозоли.

— Да, целая вечность,— отвечаю ему. — А ты почти не изменился.

— Да что ты! — возражает он, озабоченно морща лоб. — Вон, голова совсем седая. Ты, вижу, теперь тоже вряд ли согласишься постричься «под ежик». Уж лучше наголо. А тогда у тебя не хватило смелости.

Когда мы прибыли на объект, нас уже ждал на плацу хауптфельдфебель Рудлофф, невысокого роста, узкоплечий; с нами он обращался довольно сурово. Когда мы сложили наши вещи в уголке, он приказал построиться по три.

— Живей, живей! — командовал Рудлофф. — Быстро двигаться — это первая заповедь солдата. Сначала будете пищать, но потом быстро станете счастливейшими из людей, потому что сердце будет отлично работать и живо гнать кровь по жилам.

Ворчать он любил, но был, как позже выяснилось, внимательным и душевным человеком.

— Будьте любезны, поторапливайтесь, ведь вы еле

поворачиваетесь. Уже трижды могли построиться. Дорога, по которой вы шли, хорошая и не могла вас измотать. Ну кончайте симулировать усталость! — ворчал он.

Мы забегали, выстраиваясь по ранжиру. Я пристроился около Зиги. Когда все встали по местам, Рудлофф скомандовал:

— Равняйсь!

Все мы повернули головы направо, выравнивая строй.

— Равнение на средину!

Хауптфельдфебель отступил шага на два-три в сторону и осмотрел строй. Уловив его взгляд на себе, я вытянулся насколько мог, но этого оказалось недостаточно. Рудлофф наморщил лоб и медленно подошел ко мне.

— Для этого места вы низковаты. Встаньте левее на два человека. Быстро, быстро!

Я выполнил его приказание. Теперь между мной и Зиги стояли Дудки и Камберт. Хауптфельдфебель сделал еще несколько перестановок, потом отошел немного назад и вновь осмотрел строй.

— Теперь нормально. Это уже похоже на строй. А когда вас остригут, — он указал на меня и Мюллера, — будет еще лучше. У нас в моде фасонная стрижка, судари мои. Волосы — короткие, затылок тщательно выстрижен и подбрит. А тут никаких уступок вам не будет. Понятно?

— Так точно, товарищ хауптфельдфебель! — закричали многие.

— Отлично! — похвалил Рудлофф. — Надеюсь, что здесь вы быстро повзрослеете. Армейская жизнь отличается от гражданской. К этому вы быстро привыкнете.

Толстый парень с прилипшими ко лбу прядями волос, который стоял сзади меня, выкрикнул:

— Только не я! — Его круглое лицо стало красным. В пути он хныкал и ругался, а сейчас протиснулся вперед и встал перед Рудлоффом: — Это дело слишком тяжелое для меня.

Парень прошел мимо хауптфельдфебеля, поднял чемодан и размеренным шагом покинул плац.

«Вот это выходка! — подумал я. — Даже Рудлофф растерялся. Очевидно, с таким парнем он еще не встречался». Рудлофф открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог произнести ни звука. И лишь тогда, когда толстяк исчез, Рудлофф пришел в себя.

— Сомкнись! — скомандовал он.— Эту дырку в наших рядах мы заткнем. Обойдемся без такого типа. Даже хо-

рошо, что он удалился. Нам нужны настоящие парни. Полагаю, что вам все ясно.

Мы были распределены по отделениям. Затем, взяв свои вещи, вошли в подъезд и разошлись по комнатам. Наша комната имела четыре окна, в ней стояли двухъярусные кровати. Первым в комнату вошел Дудки, остановился посередине, удивленно рассматривая потолок.

— Здесь господин барон, значит, гулял на праздниках, — произнес он.

— А почему, собственно, барон? — спросил Мюллер.

— Ну как же! — оживился Йорг. — Это же сразу заметно. Могу спорить, что здесь была резиденция представителей голубой крови. Именно они строили замки на возвышенностях, чтобы подчеркнуть свое превосходство над простым народом. У нас в деревне стоит одна такая громадина. Правда, в ней теперь размещается не казарма, а школа.

Мы стали располагаться. Зиги выбрал себе второй ярус, я же решил спать внизу. На кроватях были покрывала, белые наволочки, простыни. Рядом стояли одностворчатые шкафчики. Зиги забрался на кровать и растянулся на матраце.

— Годится, — сказал он.— Койка — важная штука. Как-никак, а треть жизни проводишь на ней.

И я тут же уселся на кровать, попробовал пружины. «Кажется, неплохо. Не особо мягко, но терпимо. На строительном участке тоже ведь комфорта было маловато».

Вдруг открылась дверь, вошел унтер-офицер. Зиги соскочил с кровати и крикнул:

— Внимание!

Большинство из нас отреагировали быстро: вскочили и приняли стойку «смирно». Я же поднялся медленнее других. Унтер-офицер заметил это и укоризненно посмотрел на меня.

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня зовут Доблин, я — командир вашего отделения. Некоторые из вас, кажется, еще окончательно не поняли, где находятся. Надеюсь, вы быстро разберетесь, что к чему.

Я понял, что это сказано в мой адрес. Стало обидно: уже второй берет меня на заметку. Ничего себе начало службы!

Унтер-офицер продолжал:

— Когда все пойдет нормально, каждый из вас будет

говорить, что я сносный человек. Поэтому предупреждаю сразу: мое требование — порядок. Без этого невозможна армейская служба. Вы должны знать, как заправляются постели, где должны лежать белье, тренировочные костюмы, тапочки для гимнастики и т. д. Все гражданское немедленно сложите в чемоданы и сдайте на склад.

На примере заправки кровати Мюллера Доблин показывал всем нам, как это делается. Затем он подошел к шкафчику Бале, освободил его от вещей и стал все складывать снова. Получалось у него ловко. Я обратил внимание на его тонкие ухоженные пальцы. Уложив вещи по-своему, он их еще раз критически осмотрел, потом сказал:

— Вот так. А теперь попробуйте сами.

Пробыл он у нас долго, разговаривал, поучал, давал советы, затем ушел.

К порядку меня не приучали. И с бытом не очень-то клеилось: не хватало терпения. Дома все делала мама, а на стройке я не очень обращал на это внимание. Да и тут, в казарме, я не стал особо утруждать себя.

«Плевать! — подумал я. — Зачем мне надрываться?» Закрыл дверцу шкафчика, плюхнулся на кровать и стал наблюдать, что делают другие.

Все, кроме Бале, были заняты делом. Бале стоял у открытого окна, причесывался. Усерднее всех возились Фабер и Циндель. Камберт же ворчал и ругался. У него ничего не получалось. Дудки после долгих мук со стоном опустился на табуретку.

— Эй, мальчики, не надрывайтесь! — крикнул он.— В конце концов, мы для того и пришли сюда, чтобы научиться порядку. От идеала нас отделяют минимум три месяца. По истечении этого срока мы будем укладывать наши вещи в шкафчик с закрытыми глазами.

Его высказывания подействовали, и все быстренько завершили приборку. Последним закрыл свой шкаф Гюнтер Гавенда, кряжистый парень с добродушной физиономией.

— Послушайте, ребята! — сказал он. — Я предлагаю свои услуги. После указаний хауптфельдфебеля они вам будут очень кстати. Если кто хочет почистить свои перышки, может за пять пфеннигов довериться моим искусным пальчикам. Я ведь цирюльник, правда не севильский, а из Нервитца, но это ведь неважно. — Он выпул

из футляра ножницы и защелкал ими в воздухе: — Итак, кто желает?

— Давай! — сказал я.— Разумеется, ты проявишь особую сноровку.

— Это еще зачем? — спросил он. — Ты думаешь, что мне не под силу обрезать твои вихры?

— Ладно, не торопись. Покажи, на что ты способен.

— Итак, на военный лад?

— Да, строго на военный.

— Хорошо, стригу покороче.

— Нет, не покороче, а наголо.

Он недоверчиво уставился на меня:

— «Под нуль»?

— Точно!

Гавенда поднял руки:

— Только без меня! Не хочу получать нагоняй.

— Трус! — бросил ему Бале и презрительно скривил рот.

— Ты позоришь себя! — съязвил Мюллер.— Какой же ты специалист?

— Нормальный. Это ты недотепа, — парировал Гавенда. — Хауптфельдфебель сказал же: по фасону, половину волос оставить.

— Вот такой ты и есть, — проворчал Дудки. — Как чуть что, так в кусты. Наверное, думаешь, что вывернулся?

Арно Хельвиг, механик по точным приборам, возмутился:

— Плевали мы на предписание! Что же, наши волосы микрометром измерять будем?

А Берт Рицке, длинноногий, немногословный парень, с чересчур длинными руками, добавил:

— Против «нулевки» нет возражений, я так считаю. Должны же оставить нам хоть немного свободы действий.

— Полностью согласен, — поддержал я и взглянул на Гавенду:— Ну что? Если сдрейфил, давай сюда ножницы, я сам остригусь.

— Ладно, сделаю,— согласился Гавенда.— Но на меня не сваливать, никакой ответственности не несу.

— Идет, — сказал я. — Начинай!

Дрожащими руками он приступил к стрижке. Прядь за прядью падала на пол. Ребята стояли рядом, смотрели на меня.

— Он действительно разделывает его «под нулевку»,— сказал Хельвиг. — Хауптфельдфебель глаза вытаращит. Будет лучше, если мы теперь все дадим снять с себя скальпы.

— Ну уж я-то не дам, — запротестовал Мюллер и провел рукой по своей огненной шевелюре. — Или вы думаете, что я позволю обезобразить свою голову?

Бале сказал:

— Как будто у тебя есть что безобразить.

А Циндель добавил:

— От тебя мы не требуем такой жертвы. Ты вызвал бы слишком шумный ажиотаж.

— Верно, — поддержал Дудки.— Для такой стрижки нужно иметь соответствующий котелок. — Он сдвинул брови и критически осмотрел меня: — Вот у него такой есть. Вы только взгляните на крутую филейную часть этого котелка! Готов поспорить, что с таким затылком он будет королем на танцплощадке.

Манипуляции Гавенды замедлились. Я воспринял это как тактику проволочек.

— Эй, чего копаешься! — проворчал я. — При таких темпах не заработаешь даже на кусок черного хлеба. Придется дать тебе марку на чай.

— Нет нужды, — ответил он. — Я уже заканчиваю. А может, сойдет и так?

Он посоветовал посмотреться мне в зеркало. Я с трудом узнал себя: шевелюры не было, осталась лишь мастерски подрезанная щетина. «Черт возьми, — подумал я,— отличная работа». Я с большим удовольствием оставил бы голову в таком виде, но это было бы воспринято как трусость.

Гавенда спросил:

— Годится?

— Нет, — ответил я. — Долой все волосы, наголо!

Он вздохнул и надул щеки.

— Ну-с, а что же дальше? — подтрунивал Хельвиг.

— Чего там! — уверял Бале.— У него уже дрожь в коленках.

Остальные тоже изощрялись в шутках, только один Зиги молчал. Он сидел на кровати, листал газету и время от времени посматривал на нас. Наконец он вскочил, подошел к нам и осмотрел мою прическу.

— Хватит, — сказал он, — не то нарвемся на неприятность.

Гавенда заколебался.

— Стриги дальше! — потребовал я.

Как только он вновь взялся за ножницы, открылась дверь, вошли Доблин и хауптфельдфебель.

— Смирно! — рявкнул Рицке.

Хотя я и вскочил мгновенно, но оказался в центре внимания. Оба начальника озадаченно смотрели на меня.

— Да что же это такое! — зашумел Рудлофф. — Вы что, не расслышали? Я же сказал — снять половину волос, половину! — Он сорвал с головы фуражку и показал на свои прилизанные щеткой волосы с пробором на левой стороне: — Вот так нужно. И не иначе.

«Эта прическа идет ему, — подумал я.— Ровный пробочик. Неужели он думает, что кто-то будет ему подражать?»

— Вам идет эта прическа, — возразил я.— А я бы выглядел как прилизанный.

— Ага, — сказал он и засопел. — Прилизанный, значит. Ваш командир выглядит как прилизанный. Ну что ж, это мы запомним.

Он оскорбился, но овладел собой. Осматривая комнату, он неоднократно выражал свое недовольство у кроватей и шкафов и наконец остановился около меня:

— Научитесь, пожалуйста, порядку, прежде чем дерзить. У себя дома вы можете расшвыривать вещи, а здесь обязаны соблюдать порядок и аккуратность.

«Люди всегда успокаиваются, когда за ними остается последнее слово», — подумал я.

Когда Рудлофф и Доблин вышли, Зиги спросил меня:

— Зачем ты его дразнил?

— Я не терплю опеки!

— Ну и зря, — сказал Зиги.

Тут в разговор вступил Дудки:

— Не разыгрывай из себя судью, а то у меня начнется аллергия.

— Успокойтесь, — примирительно сказал Бале. — Что, собственно, произошло? Если кто-то решил постричься «под ежик», не могут же за это его наказывать.

— Они могут представить все это как оскорбление начальства! — бросил Камберт. — Но хауптфельдфебель сам виноват. Из-за чего он злится?

Все замолчали и занялись уборкой кроватей и шкафов. Через некоторое время меня вызвали к Мергельту.

«Ну покажут они тебе, — подумал я. — Вправят моз-

ги ничтожному солдатику. И как можно основательнее, чтобы навсегда запомнил. Вляпался, браток, в историю. С Томом или Анди такого не случилось бы. — В холодном темном коридоре, пол которого был покрыт матовыми керамическими плитками, гулко раздавались мои шаги. — Все совсем не так, как рассказывал Фреди, — продолжал я размышлять. — Какие тут товарищеские отношения между начальством и подчиненными! Какие тут чуткие офицеры и фельдфебели! Все это из области сказок».

...Кабинет Мергельта был в конце коридора. Чуть помедлив, я постучал. Лейтенант быстро и громко ответил. Я вошел и встал у дверей. Он что-то листал и не смотрел на меня. «Тактика, — подумал я. — Нужно же тебе внушить, что ты букашка. Но этим он меня не проймет. Пусть пороется в своих бумагах». Немного погодя Мергельт закрыл портфель и бросил на меня взгляд.

— Слушаю.

— Солдат Биляк по вашему приказанию прибыл.

— Для начала доложили почти безукоризненно.

«Очень хитрым он считает себя, — решил я. — Сначала прикидывается приветливым, чтобы потом сильнее разнести. Старый трюк. Пусть надрывается».

Наступление — лучший вид обороны. Ну, теперь он себя покажет! Но Мергельт лишь усмехнулся, с интересом посмотрел на мою прическу — так, во всяком случае, мне показалось. Потом сказал:

— На границе нужны толковые парни. От недотепы больше вреда, чем пользы. Вы же меня радуете.

Он встал, подошел к круглому столу.

— Сядем. Сидя легче беседовать. — Пришлось сесть. Он вытащил из кармана пачку сигарет, протянул мне: — Хотите?

— Не курю.

— А я вот никак не могу отвыкнуть, хотя не раз пытался. — Он зажег сигарету и, затянувшись, продолжал: — Трудно избавиться от привычки. Хотя, конечно, можно. Наш хауптфельдфебель сумел. В прошлом году он выкурил последнюю пачку и с тех пор не притрагивается к сигаретам.

«Ну теперь перейдет к делу», — решил я и опять ошибся.

— Видимо, лучше всего курить бросать сразу, — продолжал он. — А как у вас получилось?

— Проще: я никогда не курил. Меня не тянуло.

— Серьезно? — переспросил он. — А ничего иного тут не примешивалось?

— Например?

— Может, это была своего рода уловка? Кажется, вы любите выделяться...

«Ну наконец-то, — подумал я, — он приближается к цели».

— С чего вы это взяли?

— Я помню поведение там, на подъеме. На последней сотне метров вы взбодрились и обгоняли одного за другим. Вы хотели прийти первым?

— Да.

— Ну а затем, — он посмотрел на меня и усмехнулся, — у вас необычная прическа. Вы отличаетесь от остальных.

«Попал в цель,— подумал я. — Верит он сам в это или только стремится, чтобы я расслабился?»

— Значит, моя прическа вам не нравится?

— Отнюдь нет, но меня интересует, что вас заставило это сделать? Есть ли еще какая-либо причина кроме высказанного мной предположения?

«Наврать ему что-нибудь? Сказать, что так посоветовал мне дерматолог? Но чего я этим добьюсь? Лучше сказать правду». И я выпалил:

— Я против унификации, которая простирается до кончиков ногтей.

— Ах вот что,— заметил Мергельт. — Так сказать, своего рода протест.

— В известной степени, — согласился я. — До сих пор я не знал, что людей классифицируют по длине волос. Я полагал, что главное в людях — их человеческие качества.

— Верно, — ответил Мергельт. — Хотя каждое явление следует рассматривать со всех сторон. Ваше же поведение можно истолковать по-разному.

— Как же?

— Как вызов. Такие прически носят американские наемники.

Мне стало жарко, и я спросил:

— Вы убеждены в этом?

Некоторое время он разглядывал меня, а я смотрел ему прямо в глаза.

— В общем-то нет, — ответил он.

— Скажу вам честно. Все получилось очень просто. Когда хауптфельдфебель вошел в казарму, прическа еще не была закончена. Я хотел постричься наголо. Только так можно достичь единообразия, которое столь мило сердцу нашего хауптфельдфебеля. Хотя со своим аккуратным пробором вряд ли он может рассчитывать на взаимность.

Мергельт чуть подался вперед, черты его лица оставались бесстрастными, но глаза улыбались.

— Язык у вас подвешен хорошо,— сказал он.

— Это недостаток?

— Наоборот, — возразил он. — Мне нравятся люди, умеющие говорить. Но важнее все-таки, что люди делают.

— Должен ли я это доказывать?

— Нет. Между прочим, у меня есть задание для вас. Конечно, если вы согласитесь. Речь идет о стенной газете. Тема: «Почему я стал солдатом». Нас интересуют побудительные мотивы у людей, понимаете?

— Что же тут не понимать?

— Возьметесь за газету? — спросил Мергельт.

— Согласен. Но не понимаю, почему именно я удостоен такой чести?

— Пока человек меня не разочаровал, я доверяю ему, — ответил он.

4

— Ты тогда был еще тот парень, — сказал Дудки.— Не только из-за своей сногсшибательной прически, но и вообще. Так быстро разделаться с хауптфельдфебелем и Доблином — это что-то значило. Притом ты все это провернул без особого напряжения — твои действия были прямо-таки вызывающими.

— Не думал об этом.

— Ей-богу! — подтвердил он. — Поэтому у некоторых ты сначала вызвал антипатию.

— И у тебя тоже?

Он выпил рюмку, подержал ее несколько мгновений между большим и указательным пальцами, потом отставил:

— Я долго колебался. Порой меня тянуло к тебе, порой отталкивало.

— И что тебе мешало?

Дудки еще дальше отодвигает рюмку, разглаживает руками скатерть и смотрит на меня.

— Я чувствовал, что у тебя не все гладко, что ты чем-то неудовлетворен.

— Неудовлетворен? Чем?

— Это трудно объяснить, — ответил он. — Я тогда еще не все мог понять. Ты был крайне неуравновешенным, не имел твердой точки зрения, с трудом подчинялся приказаниям. Если что-то не отвечало твоим представлениям, ты начинал возмущаться. И протест этот в конце концов обращался против тебя.

— Ты так думаешь?

— Да. Правда, это не прошло впустую: помогло твоему совершенствованию. Одно цеплялось за другое, приводило в действие какой-то механизм, который действовал на каждого из нас. При этом Мергельт был своего рода пультом управления. Он держал в руках все нити, знал точно, когда кого нужно наказать или поощрить. Наряду с Зиги он, наверное, рассмотрел тебя лучше других. И уделял тебе много времени. Больше, чем половине отделения...

Дудки берет рюмку, замечает, что она пуста, и ставит ее на стол.

— Я не знаю, насколько это правильно, — продолжает он. — Но есть и другая сторона, которую нельзя не учитывать. Очевидно, Мергельт должен был больше заботиться о других солдатах. О Камберте, например. Как знать, может, все повернулось бы по-иному... А Мергельт сосредоточил все свое внимание на тебе. А вот почему он так сделал, этого я до сих пор не понимаю. Меня это всегда раздражало.

— Почему?

— Мне казалось, что ты будешь злоупотреблять его терпимостью, чтобы бравировать перед нами. Особенно сильно это ощущение было в первый день, когда ты отправился к Мергельту. Все видели, что тебе не по себе. Мы предполагали, что он тебя основательно пропесочит. И вдруг ты возвращаешься, чуть не повизгивая от радости, а на вопрос Хельвига: «Как, обошлось?», услышали: «Ничего особенного. Просто мы с ним малость поболтали». Мы не могли ничего понять. «Врет,— подумал я.— Он и сам не верит своим словам». Но ты продолжал гнуть свое, мы заколебались, и Мюллер однажды у тебя спросил: «И у него нет претензий к твоей прическе?» — «Нет, он находит ее оригинальной. Наверное, он посоветуется с высшим начальством и ее объявят нормой». — «Ну теперь он совсем заврался»,— решил я. И другие решили так же.

В те минуты никто и не предполагал, что ты попал в любимчики Мергельта.

— Ты преувеличиваешь.

— Нет-нет, — доказывает он. — Так было. И ты это знал. Поэтому ты и мог выпендриваться.

«Неправда, — думаю я. — Когда я вернулся от Мергельта, я чувствовал себя скорее неуверенно, чем заносчиво. Я только не хотел признаться в этом».

— Ты заблуждаешься, — говорю я.— Но в одном ты прав: без Мергельта все могло бы быть иначе.

— Он берег тебя, как наседка своего цыпленка, — говорит Йорг. — Ему ты обязан всем.

— А ты — нет?

— Конечно, — соглашается Йорг. — Да и остальные тоже. И Завада, и Пельцер, и Доблин. — Он воодушевляется:— За их здоровье! За всех, кто помогал нам двигаться вперед!

Мы чокаемся и пьем. Дудки морщится:

— Пиво теплое. Я притащу похолоднее.

Он приносит четыре бутылки пива.

— С ужином небольшая задержка, — сообщает Дудки. — Когда Гизела готовит закуски, у нее вдруг рождается всякая фантазия. На это требуется время. Хлопнем пока еще по кружечке.

— Мне налей половину, — говорю я.

— Каким ты был, таким остался, — констатирует он.— Тогда ты тоже пил не особо много. Только в кафе на вокзале сделал исключение. Помнишь?

— Помню. Вы тогда нас здорово напоили.

— Было,— соглашается он.— Кому-то пришла в голову такая идея.

— Кому же?

Он пожимает плечами:

— Не помню. Ей-богу, не помню. Мы все имели на тебя зуб. Зиги влип заодно с тобой только потому, что, захмелев, уже не в состоянии был воспринимать то, что мы ему объясняли...

Я удивленно смотрю на Дудки:

— Что же вас так разозлило?

— Стенгазета, — отвечает он.

— И вы обиделись на меня?

— Да. Тебя это удивляет?

Я решил выяснить: что же заставило ребят добровольно надеть солдатскую форму и сколько времени им потребовалось, чтобы решиться на это?

Мне лично после разговора с Фреди хватило на это одного дня и двух ночей. Через день я отправился на вербовочный пункт. Часовой направил меня в кабинет на первом этаже. Там за письменным столом сидел обер-лейтенант средних лет.

— Я хотел бы вступить в пограничную полицию, — сказал я ему.

Глаза его оживились, он взглянул на меня с интересом.

— Почему вы пришли ко мне? Вас никогда не вербовали на службу?

— Было,— сознался я. — Но тогда я не хотел. Не люблю, когда на меня давят. Это должно идти от себя, от души, так я считаю.

— И теперь как раз тот самый случай?

— Да, — ответил я ему.— Иначе я не пришел бы сюда.

— Условия вам известны?

Я кивнул.

— Порядок. Тогда выполним некоторые формальности. Кто вы по профессии?

— Модельщик по дереву.

— С какого предприятия?

— Ни с какого.

Он пристально посмотрел мне в глаза и шумно выдохнул сигаретный дым.

— Из производственного кооператива?

— Нет.

— Значит, работаете частным образом?

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда откуда же?

— Из дома. В данный момент я безработный.

— Как так?

— Я уволился.

— Когда?

— Три недели назад.

— И что делали с тех пор?

— Ничего. Вынужденный перерыв.

— Понятно. Так сказать, небольшой дополнительный отпуск.

«Ошибаешься, — подумал я.— И вообще ты ничего не

понял. Ну почему всегда подразумевают что-то неладное? Что же, каждый, кто увольняется, сразу уж и бездельник?»

— Мне кажется, что при таких обстоятельствах я не представляю для вас интереса,— заключил я и собрался встать.

— Минутку! — сказал он и примял сигарету в пепельнице. — К чему такое нетерпение? Если у вас ничего плохого на совести нет, можете на следующей неделе явиться. Мы не копаемся в старых грешках, для нас важно, как человек покажет себя здесь. Во всяком случае, от каждого мы ожидаем лишь одного — доброй воли. Это обязательное, непременное условие.

Я еще не придумал, как получше начать дело со стенгазетой, но мне помог случай.

Мы улеглись спать, как только закончился вечерний обход. Доблин бросил на меня подозрительный взгляд, но не решился проверить, нет ли на мне под пижамой трусов, как он учинил это с другими. Выходя от нас, он погасил свет и сказал:

— Желаю всем вам спокойной первой здесь ночи.

Как только мы остались одни, Циндель заявил:

— Он меня забавляет. Стоит нам уснуть, они объявят учебную тревогу.

Бале возразил:

— Ну вряд ли, у нас нет даже формы и сапог.

— Мне лично насчет сапог не страшно, — объявил Мюллер.— Я захватил их с собой, из отличной кожи, с голенищами в обтяжку.

— Ого! — удивился Хельвиг. — Откуда у тебя такие?

Дудки спросил Бале:

— Ты что, был охотником?

— В лучшем случае, загонщиком,— съязвил Камберт.

— Не-е-ет, ребята, — откликнулся Гавенда, который еще не простил Мюллеру, что тот усомнился в его профессиональном мастерстве. — Нет, конечно. Его наверняка приняли за лиса и всадили в зад целый заряд дроби.

— Ты еще и насмешничаешь,— проворчал Мюллер.— Именно ты, у кого не хватает извилин даже для того, чтобы постричь наголо. Я-то, по крайней мере, владею своим ремеслом.

— Каким?

— Сапожным.

— Только этого нам не хватало! — воскликнул Дудки.

— Ты ничего не понимаешь, — защищался Мюллер.— Мы изготовляли по мерке. Туфли-лодочки, например. Труднейшее дело, скажу я вам, чистая головоломка.

Он разгорячился, сел на постели и попросил Цинделя, кровать которого стояла около дверей:

— Эй, приятель, включи-ка свет.

Когда зажглись лампочки, он указательным пальцем правой руки нарисовал в воздухе контуры дамской туфли.

— Вот такие вещи мы делали, с утонченным каблуком-шпилькой. Блеск, одним словом. И если бы вы видели, как девочки эти туфельки натягивали на ножки, у вас бы слюнки потекли.

Свои слова он сопровождал жестами и мимикой. При этом он так вертелся на постели, что Рицке, койка которого была внизу, это надоело:

— Послушай, дай покой.

— Успеешь,— бросил ему Мюллер. — Морской болезнью ты, надеюсь, пока не страдаешь.

Он перегнулся через край койки и посмотрел вниз, на Рицке. В этот момент Рицке с силой пнул ногой снизу в его матрац, который вздыбился под Мюллером. Тот замахал руками, потерял равновесие и полетел на пол. Но тут же вскочил на ноги и в ярости предстал перед Рицке.

— Ты, дылда! — разозлился Мюллер. — В следующий раз я тебе так врежу!

— Только попробуй,— добродушно предупредил Рицке, — забудешь как тебя зовут.

— Боюсь я тебя, как же! — презрительно усмехнулся Мюллер и опять залез на свою койку.

Пока Циндель гасил свет, Рицке пророчил:

— Подожди, у тебя тут повырывают перышки из хвоста. Сидел бы уж лучше со своими сапожными колодками дома.

Мне стало ясно, что обстоятельства подкинули мне такую возможность, которая дается один раз в жизни, и я спросил Мюллера:

— Почему же ты бросил работу?

— Из-за хозяина мастерской, — ответил он. — Старик всегда старался придраться ко мне, обзывал халтурщиком, у которого лапы не так приделаны. Он прижимал меня в заработке.

Мюллер никак еще не мог успокоиться, я чувствовал это по его голосу. Он продолжал:

— А ведь без меня дела в его мастерской шли бы вдвое хуже. Я крутился как белка в колесе. А когда я изготовлял пару ботинок, хозяин выставлял их в витрине, чтобы все прохожие любовались ими. Я был по горло загружен работой, а он никогда не давал мне лишней марки. И однажды я сказал себе: «Очень тебе надо терпеть такое надувательство! Да в любом другом месте тебе будет лучше, чем здесь». И потому еще, что хотел выбраться из той захолустной дыры, я пошел в пограничную полицию.

— Глянь-ка, какой р-р-революционер! — сострил Бале.

— Не насмехайся,— сказал Гавенда. — Я могу его понять. Моя история похожа на его. Мой хозяин был такой же скупердяй, «охотник за пфеннигами», как говорится. Он делал деньги из всего, разбавлял даже туалетную воду для бритья, не говоря уже о том, что бумажные салфетки он использовал по нескольку раз. А по вечерам он трижды пересчитывал пфенниги. Похоже, он хотел присвоить даже мои чаевые. Да, наверное, так и делал. Это он умел. Его жена сидела за кассой, а теща разводила домашнюю живность — кроликов, кур и индюшек. В нескольких вольерах он выращивал экзотических птиц, которых за бешеные деньги сбывал горожанам. Можете понять, ребята, что меня ничего не удерживало у этого скряги? И я подумал: закиснешь ты тут, найди-ка себе другое местечко. Мне все противнее становился запах помады и разбавленной туалетной воды. Нет, подумал я, хватит с меня, мир ведь не кончается на окраине нашего городишка, надо кое-что в жизни повидать. Пойди-ка в пограничники, там ты сможешь почувствовать свежий ветер.

— Свежим ветерком тут вряд ли обойдешься, можно попасть и в бурю,— заметил Дудки.

— Это само собой, — сказал Гавенда.— Иначе скучно было бы жить.

После этого все замолчали. Один из нас даже заснул, тихо похрапывая. Кажется, это был Камберт.

— Да, вы пошли служить по странным причинам,— сказал вдруг Хельвиг.

Его отец, как я узнал позже, был майором в транспортной полиции.

— А ты почему оказался здесь? — спросил Хельвига Мюллер.

Тот ответил:

— Да чтобы те, которые за нашей границей, не очень шебуршились.

— Тогда тебе надо бы стать артиллеристом. Или радистом, — откликнулся Гавенда.

— Пожалуй, — согласился Хельвиг. — Но я думаю, что на границе это осознаешь лучше, чем в других войсках.

— Точно, — подхватил Рицке. — Когда у нас появились вербовщики в погранполицию, я сразу решил, что мне делать. В танкисты я не гожусь, сказал я себе: куда мне в танк с такими длиннющими ногами и руками. Мотопехота, саперы, зенитчики привлекают меня еще меньше. Пойду в пограничники. Получится? Получилось, как видите... Ну ладно, братцы, кончай разговоры. Всхрапнемка малость: утро вечера мудренее.

Он повернулся на бок, кровать под ним скрипнула, а потом наступила тишина. «Этот знает, чего хочет, — подумал я. — Хельвиг — тоже. У Мюллера и Гавенды приход в погранполицию выглядит как бегство от чего-то. Если человеку где-то плохо живется, он ищет лучшей доли. Так ведь было когда-то и со мной».

По окончании девятого класса я начал обучаться профессии. Последовал совету моего деда, который много лет простоял у токарного станка.

— Стань модельщиком по дереву,— сказал он. — Солидная профессия.

Мои школьные отметки были хорошие, и меня приняли в ученики. Сначала работа мне не нравилась: пилить, строгать, долбить, орудовать рашпилем. Однообразие раздражало меня. Результаты работы не оправдывали усилий. Я обдирал щепу с досок, что доставляло радость Габриэлю, моему мастеру, маленькому краснощекому человечку лет за пятьдесят. Только я не ощущал никакой радости. И, не скрывая этого, начал ворчать. Габриэль ругал меня, грозил какими-то неприятностями. Но на меня это впечатления не произвело.

Он заваливал меня трудными заданиями. Вскоре я уже мог конструировать модели. Из досок и брусков возникали детали сложной формы, сделанные с миллимет-

ровой точностью по чертежам, которые я закреплял рядом с верстаком на стойке, чтобы было удобнее читать их. Это мне понравилось, и я работал изо всех сил.

Меня заметили, выбрали в руководство организации Союза свободной немецкой молодежи. Времени не хватало. Мы проводили много всяких мероприятий. Кроме того, иногда я разгружал вагоны. Один знакомый взял меня в бригаду грузчиков. Там можно было хорошо подработать. И все же я должен был жить экономнее, чем те, кто получал поддержку из дому. Поэтому я был рад, когда обучение закончилось.

«Теперь, — подумал я, — ты будешь прилично зарабатывать». Однако Кунерт, мастер, самодовольный человек, имел на сей счет другие планы. Он ввел нам почасовую зарплату, что означало одну марку сорок пять пфеннигов в час.

— Хватит с вас, шпендрики,— сказал он.— Мы живем еще не в стране с молочными реками и кисельными берегами.

В общем у нас выходило по три сотни марок в месяц. Больше половины я отдавал матери. «И для такой жизни ты три года учился, — думал я. — Да любой подсобный рабочий имеет больше. Ну этого ты не потерпишь!» Я поговорил с мастером, но, так как он не прореагировал, пришлось обратиться в профсоюзную организацию. Другие из-за трусости со мной не пошли. Мне удалось добиться, чтобы мы работали сдельно. Четыре или пять месяцев я зарабатывал вдвое больше, чем при почасовой оплате. Потом заработки вновь упали. Кунерт заставил меня выполнять ремонтные работы, а не модели. За это полагались более низкие расценки, без дополнительной оплаты. Я ничего не сказал. «Потерпим немного», — подумал про себя. Так прошло несколько недель. «Ну, с меня достаточно»,— решил я. Кунерт был иного мнения. Он подбросил мне совсем не стоящую работу.

— Поручи ее кому-нибудь другому,— сказал ему.

— Это почему?

— Я уж слишком много возился с этим дерьмом.

— Ничего лучшего нет, — возразил он. — И вообще запомни: работу распределяю я.

— Твое дело,— ответил я ему. — Только справедливость должна быть.

— Спрашиваю, будешь делать?

— Нет. Среди нас есть такие, которым совсем не поручаются ремонтные работы.

— Для этого есть причины. Ими не могут заниматься более старшие и опытные.

— А почему ты считаешь, что не могут? Что они, лучше других?

— У меня нет времени объясняться с тобой.

— А я требую.

— Я повторяю: не сейчас! — Глаза его сузились и зло смотрели на меня. — Забирай свои наряды и катись отсюда!

— Еще чего!

— Так ты отказываешься?

— Да.

— Тебе это даром не пройдет! — пригрозил он.

Я снова обратился в профсоюзную организацию. Председатель вызвал Кунерта. На этот раз он подготовился и начал говорить о перебоях в производственном процессе, о том, что формовочному цеху необходимы модели для выполнения экспортных заказов, что люди, в том числе и я, должны понимать важность этого дела.

— Чтобы преодолеть трудности на производстве, нужна согласованность в действиях, — сказал председатель профкома. — Нельзя только требовать, коллега Биляк.

На сей раз я проиграл. Уже за дверью меня догнал Кунерт.

— Мог бы обойтись без скандала! — съехидничал он. — Не будешь лезть не в свои дела.

— Нет, — ответил ему,— не выйдет. Я увольняюсь.

На следующее утро мы узнали, что выдача обмундирования задерживается. Все наличные силы пограничного отряда были введены в действие в связи с переходом через границу группы вооруженных бандитов, рвавшихся к Западному Берлину. Они засели в сарае и были захвачены лишь после длительной перестрелки.

Поэтому у нас оказалось много свободного времени. Мы бродили по объекту, занимались на гимнастических снарядах, загорали на лугу. У гранитной стены, которая, наверное, уже лет сто окружала расположенные здесь здания, я встретил Дудки. Согнув ноги, он сидел на стене почти в метр шириной и смотрел на дорогу, круто поднимавшуюся к деревне. Подойдя к нему, я спросил:

— Можно сесть рядом?

— Пожалуйста, стена большая.

— Вчера вечером хауптфельдфебель прогнал отсюда некоторых, потому что это якобы раздражает население.

— Не обращай внимания, — сказал Йорг. — Многие поначалу важничают, но со временем это обычно проходит.

— А ты-то откуда знаешь?

— По опыту.

— А чем тебя привлекла армейская служба?

— Прежде всего, мне нужно было сменить обстановку. Дело в том, что я поссорился со своей девушкой. Мне трудно понять, почему многие из них спешат выйти замуж. Сегодня познакомились, через четыре недели, глядишь, обручились, три месяца спустя бегут в загс расписываться, а через год уже разводятся. Я предпочитаю не торопиться с женитьбой, пока не найду настоящую подругу. Я был знаком с одной молодой темпераментной вдовушкой. Некоторое время она вела себя спокойно, но как только заговорила о браке, я дал деру.

— Здорово ты перетрусил. Или к тому же у тебя еще были нелады с начальством?

— Нет, с работой у меня полный порядок. Бригада у нас была веселая. Мы много работали и зарабатывали неплохо. С мастером сложились отличные отношения. Хороший был парень, никогда не терял чувства меры и достоинства. Когда я уходил, он сказал на прощание: «Нам будет не хватать тебя, Йорг. Но ты все же правильно поступил: кто-то из нас должен охранять границу».

— Значит, все заварилось из-за девушки?

— Ну не только из-за нее. Меня влекут приключения.

— Это ты мог поискать и где-нибудь в другом месте. Одновременно и мир мог бы посмотреть. Например, если бы ты пошел во французский иностранный легион.

— Не горячись, я не пошел бы в легион.

— А почему?

— Я родом из мест, жители которых известны революционными настроениями. Все мои предки без исключения — пролетарии. Я ненавижу тех, кто угнетает других.

— Ого! — сказал я. — Можно подумать, что ты уже собрался в поход против них.

— И пошел бы, — подтвердил Дудки.— Если до этого дойдет, ни секунды медлить не буду.

У него был такой решительный вид, что я ничуть не усомнился в его словах. А что? Наверняка так поступили бы и другие. Зиги — это точно. И Хельвиг. Рицке — тоже. А я сам? Не отстал бы от них.

Дудки пристально вглядывался в деревню. Он наклонил голову немного вперед и прищурил глаза. Посмотрев в ту же сторону, я заметил девушку в светлой юбке и красном свитере.

— Разволновался из-за девочки? — съязвил я. — Но ее же отсюда не разглядишь.

— Я ее уже видел. Она не так давно тут проходила. По пустой сумке в руке я понял, что она идет за покупками. А так как мне все равно делать нечего, я решил подождать ее возвращения.

— А тебе-то это зачем? Она же топает мимо, не удостаивая тебя даже взглядом.

— Не торопись, — сказал Йорг.

Девушка подходила все ближе. Сумка была, по-видимому, очень тяжелой, потому что через каждые пятнадцать — двадцать шагов она перекладывала ее из одной руки в другую. Йорг не отрываясь смотрел на нее. Она показалась мне слишком ядреной. Когда девушка поравнялась с нами, Йорг крикнул:

— Эй, фройляйн! Не нужен ли помощничек?

— Неплохо бы, — ответила она. — Так ведь вам нельзя.

— А кто нам может помешать?

— Устав.

— Ну сейчас он на нас не действует. Если солдаты помогают населению, то этого никто не может запретить.

Он спрыгнул со стены и поспешил к девушке. Она сначала пожеманилась, но потом охотно отдала сумку. Я наблюдал, как они шли рядом вверх по дороге. «Шальной парень», — подумал я. Через несколько минут Йорг вернулся и вновь забрался на стену. Из-под спортивной куртки он вытащил кулек, вынул оттуда булку с маком и стал аппетитно жевать ее.

— Это твой гонорар?

— Угадал. Впрочем, я не хотел брать, но она насильно сунула мне.

В это время появился Рицке.

— Где дают? — спросил он.

— У пекарей, — ответил Дудки. — Но для этого нужно иметь покупательницу.

— А у тебя уже есть?

— А ты как думал! Иногда они слетаются ко мне стаями. И я ничего не имею против.

Затея со стенгазетой не давала мне покоя, и каждый удобный случай я использовал для беседы с ребятами. Причины поступления на службу Бале и Циделя мне были понятны. Бале хотел получить профессию и после службы стать инженером-электриком. Циндель же при вербовке из-за своей трусости не смог увильнуть от службы. Неясно мне было только с Камбертом. Он уходил от моих вопросов.

— Ну зачем об этом толковать? — говорил он.— Главное — я здесь. Привела меня сюда несчастная любовь или мне просто опротивело работать на гражданке, какое это имеет значение. Большинство здесь из-за того, что им все осточертело и просто необходимо сменить обстановку. Или ты веришь, что все такие уж патриоты?

Мне оставалось поговорить только с Зиги, но я нигде его не мог найти. Некоторое время я постоял у стены, а потом разлегся на лугу. Трава благоухала. Я закрыл глаза. «Итак, ты здесь уже сутки, — подумал я. — Начало было трудным. Сегодня немного полегче. Может, ты слишком рано начал смотреть на все через черные очки? Надо попривыкнуть, Фреди тоже так сказал. Конечно, всем нелегко: и тебе, и другим. Тяжелее, наверное, Бале и Мюллеру. Но больше всего, пожалуй, Камберту. У него что-то не так. Надо бы узнать, и чем скорее, тем лучше».

Какая-то тень скользнула по мне. Я открыл глаза и увидел Зиги.

— Хочешь заработать солнечный ожог?

— Так быстро не получится. Кожа у меня дубленая.

— Неужели? Она у тебя сильно покраснела.

Он опустился рядом. На нем была спортивная куртка.

— Тебе в ней не слишком жарко? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Если бы ты знал, какая жарища в цеху — это да. Иногда просто невыносимая.

— Но ведь ты ушел оттуда не из-за жары.

— Конечно нет.

— Меня бы это тоже удивило: ты ведь не из тех, кто уходит по такой причине. Я тебя заметил еще около вокзала, а потом наблюдал за тобой, когда мы шли по косогору. И поразился твоей невозмутимости.

— Я привык к дисциплине, — пояснил он. — В этом главное.

— У тебя, наверное, строгие родители?

— Нет,— сказал он. — Совсем нет.

Он обломил стебелек, сорвал с него метелку, пропустив через пальцы, и задумчиво уставился в пространство.

— Мой отец погиб на войне. И мать тоже. — Он чуть помедлил и продолжил: — Ну ладно, это дело давнее.

...Отец Зиги, кузнец, участвовал в спортивном рабочем движении. Сначала он пробовал свои силы в тяжелой атлетике, а потом в боксе. Он боролся даже с Зееленбиндером, но проиграл ему, правда уступил не сразу. На демонстрациях перед началом тысяча девятьсот тридцать третьего года многие товарищи охотно шли рядом с ним, потому что полицейские не очень отваживались набрасываться на него.

Мать Зиги тоже во всем полагалась на мужа. А когда он не вернулся с фронта, она все чаще приходила в отчаяние, теряла почву под ногами. Она стала посещать всякие забегаловки, знакомилась со случайными людьми, путалась с ними.

С одним из таких она сбежала на Запад. Из Гамбурга от нее пришло несколько писем, три или четыре посылки. Каждый раз она писала, что возьмет Зиги к себе. Но кончилось тем, что весточки от нее перестали приходить, а одно письмо к ней, посланное дедом, вернулось с пометкой: «Адресат выбыл».

Сначала Зиги жил у бабки с дедом. Через два года, когда они умерли, ему пришлось переселиться в детдом.

— Это было трудное время в моей жизни, — говорит Зиги. — Я попал в комнату, где жило еще двадцать ребят. Тому, кто не умел себя защитить, приходилось плохо. Неписаный закон требовал, чтобы каждого новенького основательно лупили. В первый же вечер они, как волчата, окружили мою кровать, стащили с меня одеяло и начали дубасить. Трех или четырех я сбил с ног. Остальные, разъяренные, навалились на меня и обрушили град ударов. Когда прибежал директор, они разбежались по своим постелям, оставив меня, избитого, на полу.

Директор попытался выяснить, кто участвовал в избиении, но Зиги молчал, боясь мести. Да Зиги и не мог указать на кого-либо, потому что в большой комнате было темно и он никого не запомнил.

— Директор обозвал меня трусом, — рассказывал по-

том Зиги. — Но мальчишки признали меня своим. Правда, и позже не все шло гладко.

Он немного помолчал, отбросил смятый стебель и сорвал новый.

«А вот со мной такого не было,— подумал я. — Моя мать хоть и любила поговорить, особенно в свободное время, но никогда не бросала меня в беде. Да и отец мой вернулся живым с войны».

— Ты не можешь себе представить, — продолжал Зиги,— насколько сумасбродными становятся в таких заведениях ребята. Мне пришлось пережить тяжелые случаи. Конечно, многое зависело и от директора. Порой он даже сам себя ненавидел. Вот, скажем, раздражает его муха на стене, а он на ребятах срывает зло. Он шпынял нас как только мог. Хуже всего было, когда он напивался. А пил он очень часто. Его уличили в неблаговидных поступках и выгнали.

Новый директор был одноруким (руку потерял из-за ранения осколком мины). Он требовал от нас, учеников, покончить со старыми порядками и решать все дела совместно.

Жизнь в приюте изменилась. Это стоило директору значительных усилий. Он не жалел их для нас, детей, был доброжелателен, и мы это чувствовали. Для нас новый директор стал образцом. И для меня тоже. Многие пишут ему и по сей день.

Зиги обхватил руками колени и глядел вниз, в долину, где видны были разрозненные, стоявшие между деревьями домики. Они казались маленькими на фоне горы, темная вершина которой уходила в небо.

«Итак, у Зиги есть пример для подражания, — думал я. — Это нужно каждому, даже обязательно. Хотя бы на некоторое время. Когда хотят подражать кому-то, становятся такими, как этот человек, или хотя бы похожими на него».

Для меня таким эталоном долгое время был Печина. Во время учебы я часто заходил к нему и брал книги. Когда я их возвращал, мы обсуждали прочитанное. Он уделял мне много внимания, отвечал на многие мои вопросы и всегда был честен со мной.

Ему я доверил первые свои стихи. Он всегда помогал понять ошибки и вселял надежду на их преодоление.

— Я иногда заезжаю в детдом, — сказал Зиги. — Понимаешь, это ведь здорово, когда ты уверен, что тебя го-

товы слушать и что совет, который тебе дают, весóм. Последний раз я был в детдоме перед военной службой. У вербовочной комиссии я попросил время, чтобы подумать. Моя девушка была против ухода на военную службу. А с тобой такого не было? Рассчитываешь на понимание, а наталкиваешься на сопротивление. Вот и ломаешь голову: как поступить?.. Сказал об этом директору. А он в ответ: «Решать должен ты сам. То, что военная служба — гражданский долг, ты и сам понимаешь. На границе нужны такие парни, как ты. Кто же еще должен идти служить? Три года — это, конечно, долгий срок. И трудности будут. Если твоя Регина не понимает этого и отворачивается от тебя, то это не потеря, а, скорее, твое счастье — избавишься от глупой особы».

Вечером я начал работать над заметками для стенгазеты. Подходящее место нашел в гладильной. Сначала быстренько записал все, что казалось важным, потом зачеркивал, дополнял, изменял.

Незадолго до вечернего обхода улегся спать. Сон был беспокойный, несколько раз просыпался. «Что скажут ребята, когда прочтут мое творение? — думал я.— Может, у них будут возражения? Но тогда никогда не доведешь дело до конца».

После завтрака еще раз просмотрел записи, поправил стиль, дополнил их новыми мыслями. Потом переписал все начисто и прикрепил листки на деревянном стенде, обтянутом красной материей, что стоял рядом с клубом.

Первые читатели моей газеты ругались, только Зиги оставался невозмутимым.

— Какой болван сочинил это? — спросил Мюллер.

— Видимо, кто-то из нашей комнаты, — предположил Хельвиг.

— Достанется ему от меня, — сказал Камберт.

Я стоял в стороне. Ко мне подошел Дудки.

— Зачем ты растрепался о моих историях с женщинами?— упрекнул он меня. — Надеешься таким образом заработать авторитет у начальства?

Ответить Йоргу на его упрек я не смог. Мимо проходил Мергельт. Он остановился, подошел поближе и пробежал глазами одну из заметок.

— А почему вы возмущаетесь? — спросил он. — Здесь, как я думаю, все правильно.

— Газета получилась неплохая,— вспомнил Дудки.— Только вел ты себя тогда неправильно.

— Может быть,— ответил я ему. — Видимо, глупо было писать в стенгазете о сокровенных вещах. Этим я осложнил себе жизнь.

— Верно, — подтвердил Дудки. — Но многие задумались, потому что твои заметки позволяли им взглянуть на себя как бы со стороны, глубже понять причины, по которым они стали воинами пограничных войск. Все это нам было полезно. Но нужно было сделать по-другому.

— Может быть, ты думаешь, что я должен был выложить все наперед? Тогда ваши ответы были бы приглажены.

— Не все.

— Но у большинства, в том числе и у тебя. Или ты все равно рассказал бы о своей девушке?

— Наверное, нет, — отпив немного пива, сказал он.— История выпуска стенгазеты оказалась поучительной. В ней стали участвовать солдаты из других отделений, а Пельцер предоставил в ней слово даже офицерам и унтер-офицерам. Люди лучше узнали друг друга, то есть стенгазета выполнила свою основную функцию. Очень часто бывает, сунут в газету несколько фотографий или несколько банальных заметок — и газета готова. Но ведь это окрошка. Такую газету, которая никого не радует, никто и не читает. Или взять историю с лозунгами. Ведь придумал же когда-то какой-то мудрец каждому предприятию свой лозунг. Зачем? Планы, что ли, от этого лучше выполняются? Как бы не так!

— Знаешь, друг, хватит рассуждений. Расскажи о себе. Много ты бродил по свету?

— Посмотрел полдюжины стран.

— Откуда у тебя деньги? Наследство получил или в лотерею выиграл?

— Ни то и ни другое. Был монтажником, заработал.

— Значит, бродишь по планете. Был ли ты в Алжире?

— Побывал. На легионеров я, правда, не наткнулся, но следы того, как они там свирепствовали, видел. Это ужасное зрелище.

— А как тамошние девушки?

— Внешне — очаровательные.

— Романов не заводил?

— После женитьбы на Гизеле с девушками не встречаюсь.

Открылась дверь, и фрау Дудки внесла закуски. Она рассказала об Улан-Баторе, где провела с мужем почти год.

— Тебе, Йорг, можно позавидовать. Сколько ты успел повидать!

— Да, кое-где бывал. Испытал и трудности: далеко от семьи — она была со мной лишь в Монголии,— непривычный климат, а иногда и неурядицы в работе. И все равно я не отказался бы поездить еще.

— Да, это увлекательно: многое увидел, познакомился с интересными людьми. Но, конечно, чувствовал иногда одиночество?

— Такого ощущения у меня никогда не возникало. Все дни были загружены работой, а вечерами, особенно в конце недели, встречался с приятелями или ходил на какие-либо представления. Случалось, что встречал знакомых. В Будапеште, например, видел Рицке с женой. Помнишь ту брюнетку, которая иногда навещала его в казарме?

— Смутно. Многое забывается. Хорошо, что я приехал сюда. Слишком мало знаю о других. После окончания службы большинство потерял из виду. Чтобы быть справедливым в отношении их, нужно знать, что с ними стало. Но как? Все они рассеялись по свету. Невозможно же съездить к каждому! А что делает Рицке? Где он сейчас работает?

— Он был бригадиром, но осенью собирался пойти на курсы мастеров.

— О других ты что-нибудь слышал?

— В прошлом году сюда приезжал Мюллер с семьей. У него прелестная жена и пятеро детей. И все до единого — парни. Кажется, там все в порядке. Он переквалифицировался. Стал мастером по изготовлению чемоданов. Зарабатывал он неплохо. Малыши, во всяком случае, одеты прилично.

— У меня есть связь с Зиги.

После учебы нас послали в пограничный отряд. Его заставы расположены километрах в тридцати одна от другой. Получилось так, что мы оказались в тот день свободными от службы. Встретились где-то на полпути меж-

ду заставами. Первый раз мы бродили по городскому парку. На деревьях желтели листья, многие ветви уже были голые.

— Как у тебя дела? — спросил Зиги.

— Неважно.

— Неприятности?

— Да, с моим командиром взвода. И с ротным тоже.

— Они небось ведут себя не так, как тебе хотелось бы?

— Как тебя понимать?

— Ты меришь всех на свой аршин. Так нельзя. Нужно уметь приноравливаться.

Ну это я слышал уже не раз. От отца. От Фреди. От Печины. И от Мергельта тоже. Наверное, есть в этом какой-то резон. Но попробуй-ка приноровись, если это против твоей натуры.

— Я так не могу.

— Ну-ну! — заметил Зиги.— Нужно только по-настоящему захотеть.

Это мне было трудно. Служба многим отличалась от учебы. Во время учебы кое-что представлялось как игра, на службе же все было всерьез. Тут проходила передовая. На границе прятаться было не за кого. Нас было лишь двое: старший наряда и постовой. И один зависел от другого. Один должен быть уверен в другом. Полностью. Это означало, что на многие часы надо было собрать все силы, сконцентрировать все свое внимание. Ни минуты послабления. Следить за любым движением, слышать каждый шорох, преодолевать усталость. К тому же много всяких обязанностей по роте: политинформации, спорт, проверки. Время от времени надо было помогать крестьянам в производственно-сельскохозяйственном кооперативе. И, кроме того, отдохнуть, поспать. Когда днем, когда ночью. Я к этому привык. Только от некоторых переживаний я не мог отделаться. Они мучили меня, не давали покоя. «Дальше так нельзя, — думал я.— Надо что-то предпринять».

И я принялся записывать то, что волновало меня. Сначала вел дневник, потом начал писать стихи, рассказы. И постепенно мне многое становилось понятным. Даже мои слабости. Я поговорил обо всем этом с Зиги, показал ему свои записи.

— Продолжай, — посоветовал он.

Я, собственно, и не собирался бросать. Это стало для меня необходимостью. Когда мои соседи уходили в наряд,

я часто засиживался за столом до поздней ночи. Как-то в такое время зашел Рюгер, заместитель командира по политчасти. Я не слышал его шагов. Кажется, он некоторое время стоял у меня за спиной. И лишь когда он кашлянул, я оторвался от работы и вскочил. Хотел встать по стойке «смирно», но он предупредил, чтобы я не делал этого.

— Что же вы пишете? — спросил он.

— Да ничего особенного, — замялся я.

— Можно взглянуть?

Я протянул ему тетрадь. Он полистал, прочел несколько страниц.

— Вы могли бы стать корреспондентом солдатской газеты. Скоро состоится конференция в газете «Пограничник». Хотите принять участие?

— Подумаю.

— Только не бойтесь. Тогда дело пойдет.

Он привел кое-какие примеры. Мы разговорились. Беседовали обо всем. Но он упрямо возвращался к своему предложению. И мне стало ясно, что это будет полезно и для заставы, и вместе с тем для меня. Он обладал способностью убеждать. И я подумал: «Попробовать-то можно».

— Ну так как?

— Поеду, товарищ обер-лейтенант.

Через неделю в газете появилась моя первая статья. Ничего особенного в ней не было. Короткий репортаж о боевых стрельбах. Тем не менее я обрадовался. Я приберег газету до следующей встречи с Зиги. Когда показал ему, он сказал:

— Поздравляю.

Он, оказывается, прочитал статью еще раньше. И опять я заметил в его глазах скрытую усмешку.

— Угощаю обедом, — предложил я.

— А я ставлю вино, — поддержал он.— У меня, собственно, тоже имеется повод.

— Какой?

— Мне предложили поступить в офицерское училище.

...Мы переписывались довольно часто. Я посылал Зиги свои рассказы. Он читал их внимательно, хвалил или критиковал, но всегда вселял в меня уверенность. Все стихи и рассказы, которые я предложил редакции газеты, возвратили обратно. Сопроводительные письма начинались одинаково: «Мы познакомились с Вашей рукописью и дол-

жны, к сожалению, сообщить...» И очень редко они начинались так: «Мы с интересом прочли Вашу работу, но у нас есть возражения...» Такое обращение оставляло во мне надежду. Но все же я, наверное, бросил бы писать, если бы не Зиги, Мергельт и Печина. Они призывали меня держаться. Уверяли, что я осилю сию премудрость. Печина предложил мне даже попробовать поступить в литературный институт.

И я продолжал писать, тщательно работал над текстом. В результате через несколько месяцев окружная газета опубликовала два моих небольших рассказа. Это подбодрило меня. Однако для выпуска первой книги мне понадобилось пять лет. Она вышла из печати незадолго до свадьбы Зиги.

— Зиги теперь майор, ты же знаешь.

— Да, — подтвердил Дудки, — от Цинделя. Мы с ним виделись два месяца назад. Он приезжал сюда. Снова работает фрезеровщиком. Рассказал мне, что Гавенда переквалифицировался в дамского парикмахера и накручивает локоны клиенткам. Кажется, зарабатывает неплохо. Приобрел «вартбург» и раскидывает тонкие сети, чтобы поймать невесту.

Дудки берет стакан, взбалтывает пиво, пока не поднимается густая шапка белой пены.

— Потом я узнал от Цинделя кое-что и о Бале.

— Он, кажется, стал инженером.

— Был. Даже дипломированным.

— А теперь?

Дудки доливает бокал и выпивает его.

— Умер. Вот уже два года. От рака желудка. Его оперировали, но поздно. Вот так: ограничиваешь себя в чем-то, приноравливаешься к чему-то, потому что хочешь чего-то достичь в этой короткой жизни, и, когда ты уже на полдороге к успеху, тебя выкидывают из игры.

«Надо же, именно Бале! — подумал я. — Он был крепким на вид».

— С другими болезнями, такими, как рахит, туберкулез, диабет, научились справляться, — говорит Йорг, — а вот против рака люди пока бессильны. Об этом ты пишешь в своем романе о студентах. Я имею в виду историю с доцентом. Кажется, его звали Зиммек. Он обладал необыкновенной стойкостью: зная о своей неизлечимой болезни, не сдавался, продолжал работать. Когда читаешь о нем, надеешься, что произойдет чудо. Но, увы, чудес не

бывает. И Зиммек знал об этом. И, несмотря ни на что, сохранял достоинство, остался сильным до конца. Это, по-моему, наиболее удачное место в книге. Ну а то, как ты описываешь студентов, мне понравилось меньше. Может быть, оттого, что их жизни я не знаю. Но у меня создалось впечатление, что в них слишком много фрондерства. Директор в твоем романе чем-то напоминает мне Мергельта. Он тоже порой бывал недостаточно суровым. Вот Доблин — другое дело. Он действовал более жестко. Так надо было. Этого требовали условия.

— В какой-то степени да. Но не всегда.

Дорога круто шла вверх. Двигатель грузовика завывал. Мы теснились на узком сиденье. Мимо мелькали деревья, далеко внизу виднелись отдельные домики Страпена.

— Это из-за пушки, — ворчал Мюллер.— Хорошо еще, что потом дорога пойдет вниз. А то нам пришлось бы толкать машину.

— Возможно, — согласился Камберт. — Этот металлолом весит дай бог.

— Сколько обмундирования выдадут нам, товарищ унтер-офицер? — спросил Гавенда.

— Сколько положено, — ответил Доблин. — Но вам лично достаточно одной формы.

— Хлопчатобумажная? — спросил Дудки.

— Да, — подтвердил Доблин. — Вы ведь явились сюда, чтобы пройти учебный курс.

По городу мы ехали узкими, кривыми переулками. Плоские длинные здания пограничного отряда расположились у подножия холма. Грузовик остановился у вещевого склада. Мы слезли.

— Надеюсь, там найдется мой размер,— сказал Рицке и вытянул свои длинные руки.

— Что-нибудь они тебе подберут, — сказал я.

— Эй, слушайте! — обратился ко всем Бале. — Я все-таки думаю, что одежду должен каждый подобрать по себе. Неохота выглядеть забулдыгой.

— Вот именно,— поддержал его Циндель.

— Не волнуйтесь, — посоветовал Доблин. — Сейчас вас обслужат.

Мы сгрудились у широкого раздаточного окна, за которым стояли фельдфебель и два штабс-ефрейтора. На

высоких полках виднелись фуражки, сапоги и другие вещи.

— Первый, подходи! — приказал фельдфебель.

Вперед выступил Рицке.

— Размер?

— Один метр восемьдесят восемь сантиметров.

— Да не рост, а размер одежды, — объяснил ему фельдфебель.

— А я не знаю, — сказал Рицке. — Надо узнать у моего портного.

Фельдфебель прищурил глаза и несколько секунд рассматривал Рицке. Потом он повернулся и указал на одну из полок:

— Там.

Штабс-ефрейторы быстренько достали и приволокли узел. Фельдфебель вынул китель, расправил его, приложил к Рицке:

— Подойдет!

Штабс-ефрейторы хватали вещи и бросали их Рицке так быстро, что он еле успевал их ловить.

— Следующий! — крикнул фельдфебель.

Подошел Хельвиг.

— Следующий!

Это был Бале.

— Приемчики! — ругался он. — Швыряют обмундирование прямо в лицо. А если оно не подойдет?

— Подойдет, — успокоил его Доблин.

В казарме Бале натянул на себя обмундирование, надел фуражку.

— Нормально,— сказал я ему.

— Правда?

— Отлично, — подтвердил Дудки. — Выглядишь как генерал.

Подошел Доблин:

— Уберите вещи в шкафы. И побыстрее. Времени мало, только до полудня.

— А что потом? — спросил Мюллер.

— Начнем занятия.

— Я думал, что с завтрашнего дня, — вмешался Камберт.

— Для вас — уже с сегодняшнего, — сказал Доблин.

— Это почему?

— Потому что я так решил. Тренировка — это все. Чем раньше начнете, тем лучше.

Мы вышли на спортплощадку, к гимнастическим снарядам.

— У вас есть время освоиться со снарядами,— сказал Доблин.— Теперь можете показать себя.

— Ну что ж, пусть удивляется, — прошептал Мюллер.

Мы подошли к висевшим канатам.

— Подтягиваться только на руках, — объяснил Доблин. — Ногами помогать нельзя.

Он продемонстрировал.

— Начинай!

Рицке, Хельвиг и Фабер поднялись по канату без труда. Бале и Дудки — с напряжением. Камберт достиг лишь половины.

— Выше! — приказал ему Доблин.

Камберт подтянул ноги, попытался лезть выше, но силы изменили ему, и он шлепнулся на землю. Следующим был я. Первый захват мне удался легко. Но затем я почувствовал, что тело стало тяжелым, руки ломило. Я завис, посмотрел вниз и приказал себе: только не проявлять слабости. Ухватившись покрепче, так, что сильно напряглись мускулы, а ладони горели, я подтягивался все выше и выше. Еще три захвата. Еще два. Еще один. Добрался до перекладины, крепко ухватился за нее, перевел дух и спустился вниз. Когда я встал в строй, кровь стучала в висках. Мюллер и Гавенда добрались лишь до половины каната, Циндель осилил его до перекладины.

— Ну что ж, — сказал Доблин, — могло быть и лучше. Посмотрим дальше.

Вслед за ним мы подошли к турнику. Доблин выполнил сравнительно простое упражнение. Труднее был так называемый подъем в упор разгибом. Он дался ему с трудом.

— Турник — это мое слабое место, — сказал он. — У вас должно получиться лучше.

— У меня это выйдет, — прошептал Мюллер.

Фабер, Рицке и я работали на турнике увереннее, чем унтер-офицер. У Хельвига и Цинделя тоже шло хорошо.

— Неплохо, — похвалил Доблин.— Попробуем на брусьях.

Он показал упражнение.

— Делаем упор на согнутые руки. Норма — десять раз.

Зиги удалось выжать двадцать раз, причем без особого труда. Я же, выполняя это упражнение до двенадца-

ти раз, был еще полон сил. Однако дальше почувствовал, что силы убывают. Дыхание стало прерывистым. Доблин считал: семнадцать, восемнадцать, девятнадцать... Я соскользнул вниз, судорожно обхватил брусья. Держись! Тело отяжелело, мускулы ныли. Еще раз! Я выпрямился, прижал локти. Они дрожали. Осилил!

Спрыгнув на песок, я услышал тихий голос Доблина:

— Отлично. В заключение немного побегаем. Для начала, полагаю, достаточно тысячи метров.

— Это многовато, — посетовал Дудки.

— Ничего, — возразил Доблин, — скоро привыкнете.

Мы побежали по проселочной дороге. Некоторое время унтер-офицер был рядом с нами, затем вырвался вперед. К повороту он обогнал нас уже метров на тридцать. «Быстрее! — подгонял я себя. — Еще быстрее!» Я ускорил темп и вырвался вперед. Рядом со мной бежал лишь Зиги. Мы настигали Доблина. Я видел его узкую спину, согнутые в локтях руки, длинные мускулистые ноги. Он наращивал темп. Я тоже попытался увеличить скорость, но не получилось. Зиги обошел меня.

— Жми! — выдохнул он мне.

Расстояние между нами увеличивалось: три метра, четыре, пять. Собрав все силы, я побежал быстрее. Но меня уже настигали другие. Осталось сто метров. Шестьдесят. Сорок. Доблин достиг финиша. За ним Фабер. Потом я. Последним оказался Дудки. Он намного отстал.

Унтер-офицер посмотрел на часы.

— Неважно пробежали,— сказал он.

— В следующий раз буду бежать быстрее, — сказал Дудки.

— Надеюсь, — ответил Доблин.

В казарме Мюллер заявил:

— Мне кажется, унтер изощряется.

— Ничего, он поутихнет,— заметил Дудки.

— Я не уверен в этом, — высказался Рицке.

— Посмотрим, — заключил Хельвиг.

На следующий день Доблин повел нас на скалистое плато, прорезанное лощинами. Оно поросло травой, кустарником и кривыми березками.

— Нравится вам здесь? — спросил он.

— Чудесно, — ответил Гавенда.

А Мюллер добавил:

— Вид отсюда прекрасный.

Далеко внизу изгибалась Эльба, ее поверхность была

гладкой и блестела, как фольга. На другой стороне, за узкой прибрежной полосой, поднимался косогор. Между деревьями виднелись домики.

— Мы будем часто бывать здесь,— сказал Доблин. — Мне нравится проводить занятия на воздухе.

Нам разрешили сесть. Доблин остановился у скалы и посмотрел вниз с обрыва.

— С этого часа началось ваше обучение, — сказал он.— Будет нелегко. В ближайшем будущем вас ожидает опасная и очень ответственная служба. И к ней мы должны вас подготовить. Не теряйте зря времени! Того, чему вы научитесь, должно хватить на три года. Или больше. Я требую от вас полной отдачи сил. Служба есть служба. Поблажек не ждите.

Мы начали изучать пограничное дело. Доблин объяснял умело, говорил образно. Немного позже он познакомил нас с различными служебными инструкциями.

— Это не столь увлекательный материал, — заметил он, — но знать его вы обязаны.

Обычно во время занятий он стоял неподвижно на бугорке, как будто врастал в него. Свое место он покидал только во время перерывов.

Около двенадцати он посмотрел на часы.

— Времени в обрез. Надо спешить.

Когда мы подошли к дороге, Доблин приказал перейти на бег. В таком темпе мы двигались до самой казармы.

В душевой Мюллер задал вопрос:

— Ну как он вам сегодня понравился?

— Больше, чем вчера, — ответил Циндель.

— Башка его соображает, — сказал Фабер.

— Но все-таки он суров, — заметил я.

— Он еще обкатается, — заверил Дудки.

— А я сомневаюсь, — заявил Бале.— Поглядим, что будет после обеда.

Наш взвод марширован к учебному полю. Оно было огромное — метров девятьсот в длину и примерно шестьсот в ширину. Почва была твердая. Большая часть поля поросла травой. С одной стороны оно граничило с проселочной дорогой, с другой — с огромным ржаным полем, за которым поднимался большой густой лес. Отделения заняли исходные рубежи. Доблин увел нас на самый дальний участок.

— Тактика — предмет очень важный и трудный, — сообщил нам Доблин. — Она требует не только умения от отдельного солдата, но и тесного взаимодействия подразделений. Особое значение я придаю отработке атаки. Надо освоить каждый элемент, каждое движение. Я объясняю вам это для того, чтобы вы поняли, почему не буду щадить вас на этих занятиях. Давайте начнем.

Он показал нам способы передвижения: во весь рост, в согнутом положении, на четвереньках, по-пластунски. Мы продирались сквозь траву. Пятьдесят метров. Восемьдесят. Сто.

— Надо скользить, товарищ Мюллер! — крикнул Доблин. — Скользить, а не барахтаться!

Он замечал у нас все новые и новые ошибки.

— Еще раз. Быстрее! Быстрее!

Мне стало жарко. Я чувствовал, как из-под фуражки струится пот. Недалеко от меня полз Дудки. Он рукавом утирал лоб.

— Вот издевательство, — промолвил он.

— Быстрей! — приказывал Доблин. — Еще быстрей!

Позже он разрешил перекур, который был короче, чем в других отделениях. Пока мы, измученные, сидели на опушке леса, он объяснил нам, как движется стрелковая цепь.

— Сейчас попробуем, — сказал он.

Мы рассыпались в цепь, бежали вперед, ползли, скользили, шли согнувшись.

— Ложись!

И я бросаюсь на землю. Неровная почва дышит жаром. Стебель травы щекочет мне шею. Солнце печет затылок.

— Окопаться!

Я вытаскиваю лопатку, втыкаю ее в землю. Почва почти не поддается, лезвие лопатки отскакивает от нее.

— Резать дерн! — командует Доблин. — Наискосок резать!

Я втыкаю лопатку, крепко держа рукоятку. Мускулы напрягаются, китель становится узок. Когда нажимаю посильнее, лопаются швы на кителе. Доблин заметил это. Подошел поближе.

— В казарме зашьете, — говорит он. — Вечером проверю!

Мюллер устроился на койке и смотрит на меня. Вдев нитку в иглу, я взял китель, положил его на колени и нерешительно осмотрел лопнувшие швы.

— Дай-ка! — обратился Мюллер. — Я зашью.

Он уселся у окна и быстро зашил швы. Причем сделал это так ловко, что ничего не было заметно.

— Унтер-офицер останется доволен, — сказал Мюллер. — Китель выглядит как новый. Но если мы и дальше так будем ползать по земле, то я тебе приличный вид формы не гарантирую.

— Именно так и будет продолжаться, — подтвердил Зиги. — Может, даже хуже.

— Да не верю я, — вступил в разговор Дудки. — Когда-то он же утихомирится.

— Он — нет, — сказал я. — У меня на таких нюх.

Стукнула дверь, вошел Доблин. Гавенда заметил его первым и крикнул:

— Встать!

Мы вскочили. Унтер-офицер сделал знак:

— Продолжайте!

Он подошел поближе, оглядел комнату, заметил на моей табуретке иголку с ниткой.

— Ремонтируетесь?

— Так точно, товарищ унтер-офицер.

— Покажите, как у вас получилось.

— Пожалуйста.

— Безукоризненно. Это вы сами?

— Нет. Зашивал товарищ Мюллер.

Доблин слегка приподнял брови, вытянул губы и чуть заметно кивнул:

— Смотри-ка, уже рождается нечто вроде товарищеской взаимовыручки.

— Каждый делает что может,— заметил Мюллер.

Доблин медленно подошел к моему раскрытому шкафу, заглянул в него и вновь повернулся к нам.

— В остальном все в порядке? Мозолей еще не натерли?

— Нет, товарищ унтер-офицер!

— Как измочаленные,— добавил Камберт.

— Это бывает,— успокоил Доблин. — Все дело в привычке.

Шли дни. Все они были очень похожи. Каждое утро, когда у дверей раздавался пронзительный свисток дежур-

пого, мы быстро вскакивали с кроватей, одевались и шли на политинформацию, учебные стрельбы, строевую и физическую подготовку. После обеда, как правило, изучали тактику и занимались погранслужбой. По возвращении в казарму нас ожидали другие обязанности: приведение в порядок оружия, час чистки и штопки и, конечно, картошка. Покоя мы не знали ни минуты. Одно задание следовало за другим.

Доблин требовал от нас больше, чем другие унтер-офицеры от личного состава своих отделений. Даже на утренней зарядке он гонял нас дальше всех вдоль широкой лесной дороги. Часто он задавал такой бешеный темп, что на опушку, где мы занимались зарядкой, прибегали взмыленные. А порой он по утрам так затягивал зарядку, что в казарму мы возвращались последними, не успевали даже побриться до поверки и дважды выходили на плац небритыми. Нередко Рудлофф устраивал неожиданные проверки. От его глаз ничего не могло укрыться — ни несвежий подворотничок, ни плохо вымытая шея, ни недобритые щетинки.

— Да вы же грязнули! — кричал он, и мы мчались в умывальню, хотя рота уже строилась.

После завтрака мы обычно заходили в комнаты, чтобы взять письменные принадлежности или снаряжение. Мы замечали, что Доблин проверяет заправку наших кроватей. На моей кровати он каждое утро поправлял одеяло, хотя я изо всех сил старался убирать кровать как можно аккуратнее. Но все мои усилия не устраивали Доблина. Я перестал тщательно заправлять кровать. Зиги понял меня и однажды сказал:

— Ты мог бы и постараться.

— Это уж мое дело.

— Не совсем.

— Почему?

— То, что происходит в нашей комнате, касается всех. Все-таки мы представляем собой коллектив. Или, точнее, хотим им стать. А каждое сообщество определяет свою силу по самому слабому звену.

— Прибереги свои премудрости для политчаса, — посоветовал я. — На меня они не действуют.

— Значит, не желаешь?

— Нет. Все равно бессмысленно.

— Почему же?

— Потому что Доблин имеет на меня зуб.

— Ну это мы еще посмотрим, — сказал Зиги.

На следующий день он сам заправил мою кровать. Тщательно расстелил простыню, ровно сложил одеяло, расправил все складочки до последней. Я, наблюдая за ним, язвил:

— Жаль твоих стараний.

— Посмотрим.

После завтрака я первым прибежал в комнату. Кровать была нетронутой. Зиги подошел ко мне:

— Ну что скажешь?

— Я ошибался. Но все равно Доблин — это надсмотрщик.

Особенно тяжело проходили занятия по тактике. Доблин заставлял нас так часто ползать, атаковать, копать одиночные окопчики, что мы начали роптать. Еще труднее стало, когда жару сменил холод с ветром, с частыми ливневыми дождями, от чего иссохшая земля становилась сначала влажной, затем вязкой и, наконец, похожей на трясину. Редко Доблин разрешал нам надевать плащ-палатки. Обычно же он устраивал так, что мы должны были окапываться либо в грязи, либо в огромных лужах. Во всяком случае, мне так казалось.

Всякий раз, лежа на грязной земле, вновь и вновь втыкая лопатку в почву и выбрасывая комья, я вспоминал слова деда о солдатской службе. «Солдатская служба вреда тебе не принесет, — говорил он мне.— Именно там становишься настоящим мужчиной. Но обрати внимание на унтер-офицеров: это сторожевые псы в роте». Вспоминал я и рассказ отца о Ригеле, который в годы его солдатской службы слыл самым жестоким унтер-офицером. Поводом послужила фотография Ригеля в газетах, на которой он был изображен в полковничьих погонах, помещенная в связи с поступившими в печать скандальными сведениями о нечеловеческой муштре солдат в западногерманской армии — бундесвере. На учениях там солдат так мучили, что четверых доставили в госпиталь без сознания.

— Этот гад,— сказал отец, — с тех пор ничуть не изменился. Еще в учебной роте он изобретал одну каверзу за другой. Особенно тяжко бывало при преодолении заграждений из колючей проволоки. В таких случаях он держал карабин с примкнутым штыком острием вниз. Штык касался наших спин, когда мы пролезали под проволокой. «Ниже! Ниже!» — приказывал он. Мы прижи-

мались к земле изо всех сил. Но сталь царапала портупею, рвала нам штаны, а порой и кожу на спине.

Я выворачивал из грязи глыбу за глыбой и наваливал их одну на другую. Передо мной быстро вырастал земляной вал. Я устал, на мне не было сухой нитки. Непрерывно лил дождь. По затылку текли ручейки. «Ну хватит! — подумал я. — Сколько можно терпеть!» Но засомневался. Доблин, конечно, не был гадом, но требовал почти невозможного. Он беспощадно гонял нас по местности и заставлял непрерывно отрабатывать различные приемы. Даже во время ливней, когда солдаты из других отделений прятались под деревьями, он не разрешал нам набросить плащ-палатки.

— Вперед! — приказывал он. — Немножко водички вам не повредит. В серьезных делах вам все это пригодится.

Я продолжал копать землю. В это время на дороге затормозил грузовик. Водитель несколько раз просигналил, из машины вышел Мергельт.

— Перекур! — скомандовал Доблин и поспешил к машине.

Мы собрались на опушке под буком. По его листьям стучали крупные капли дождя.

— Проклятая погода! — ругался Дудки. — Я промок до костей!

— А мы, думаешь, нет, — сказал Циндель.

— Устроил нам Доблин опять «отдых», будь здоров.

Я снял фуражку, стряхнул с нее воду и пригладил мокрые волосы. Мюллер стоял, прислонившись к дереву, смотрел на меня и зубоскалил:

— Для такой погодки твоя прическа не годится.

— Это что! — вмешался Дудки. — Если бы ты постригся «под нуль», тебе нужно было бы лишь иногда стирать пыль с головы.

— На вашем месте я молчал бы, — сказал я.— Или вы не из-за трусости сделали себе прилизанные прически? И когда Доблин возвратится, чтобы снова гонять нас, вы разве не прикинетесь пай-мальчиками?

— Ну-ну! — усмехнулся Гавенда.— Ты не имеешь права так думать. Я не из таких.

— Я тоже, — заявил Бале. — Но что мы можем сделать?

— Да ничего, — поддержал его Хельвиг. — Служба есть служба, а не гулянка.

— Никель, он был моим мастером, выразился бы по-иному, — произнес Рицке. — Он сказал бы: нужно повиноваться, иначе толку не будет.

— Нет, это не для нашего случая, — вмешался Зиги. — Рональд прав: Доблин перегибает палку. Всему есть предел. Мы не должны терпеть каждый его выкидон.

«Ну и ну, — подумал я. — Зиги-то! Есть еще чудеса на свете».

— Надо что-то предпринять, — потребовал Дудки.

— Есть мысль, — сказал Зиги. — Я приглашу его на собрание нашей организации Союза свободной немецкой молодежи. Там мы с ним можем поговорить откровенно.

— Пустое это, — сказал я. — Нужно не болтать, а действовать.

— А как? — осведомился Дудки.

— Протестовать. Просто не выполнять его распоряжений.

— Во голова! — воскликнул Гавенда. — Зря я ему так укоротил вихры.

Мюллер добавил:

— Не каждый раз годятся старые поговорки. В данном случае наоборот: короткий волос, да длинный ум...

— Помолчал бы ты, — заворчал на него Дудки, который еще, видимо, не забыл историю с горчицей в шоколаде. — Предложение мне по душе. Я полагаю, что такая шуточка здорово отрезвит Доблина.

— О шуточке ли речь? — сказал Хельвиг. — Дело слишком серьезное.

— Мы хотим всего лишь поменяться ролями, — сказал Дудки. — До сих пор Доблин испытывал наше терпение. Теперь его очередь. Мы просто изменим тактику. Это же справедливо. Или нет?

— Еще один полоумный,— вмешался Гавенда.

А Рицке спросил:

— Что, соскучились по гауптвахте?

— Что там сомневаться, — проворчал я. — Смелость города берет. Надо решиться на что-то одно: или будем труса праздновать, или дадим отпор.

— А в общем, Дудки прав, — сказал Бале.

— Конечно, — заметил Рицке. — Но приказ есть приказ.

— Это верно, — подчеркнул Камберт.

— Ну так что же? — спросил Дудки.

— А то, что приказы надо выполнять, — твердо сказал Зиги.— На то мы и солдаты.

— Без меня, — сказал я.

— Подумай хорошенько, — посоветовал Хельвиг.— Это ведь не в бирюльки играть.

— Ты, наверное, опять хочешь провернуть какую-нибудь важную штуку, — уколол меня Циндель, намекая на стенгазету. — Но только не за наш счет.

— Только попробуй! — пригрозил мне Камберт.— А то мы прочистим тебе мозги.

— Возьми себя в руки, — потребовал от меня Зиги.— А потом мы поговорим с Доблином.

— И не сбивай нас с толку, — сказал Дудки. — Болтуны мне противны.

Зиги засунул большие пальцы под ремень, чуть наклонил туловище и сказал:

— Опомнитесь! Хватит!

— Трусишь? — бросил я.

Зиги повернулся и посмотрел на меня. Его глаза потемнели.

— Нет, — ответил он.— Просто смотрю немного дальше.

— Ну это любой может сказать, — пробурчал Дудки. — Ты вот докажи!

— Нам надо не мудрить, а действовать, — сказал я.

— Вы действительно собираетесь довести дело до крайности? — спросил Зиги.

— Собираемся. И доведем, — заявил Дудки.

— Кончай трепаться,— предупредил Бале. — Доблин идет.

Зиги оглянулся. Унтер-офицер находился в сотне метров от нас.

— Присоединяйся, — сказал я Зиги.— Не упускай благоприятную возможность.

— Нет, — ответил Зиги. — Я — за собрание.

— Нужно собрание, — поддержал его Хельвиг.

— Трусы, — проворчал Дудки. — Тогда мы все сделаем одни, без вас.

Зиги хотел что-то возразить, но в это время под дерево уже шагнул Доблин. Он вытер мокрое лицо и сказал:

— Внимание, товарищи. Приказ командира роты: учения прерываются в связи с ненастной погодой. Отправляемся в казарму.

— Такой приказ мне по душе, — обрадовался Гавенда.

Дудки скривил рот.

— Жаль, — сказал он. — Я бы с удовольствием заработал воспаление легких.

— Но пока мы дойдем до дороги, повторим по пути все упражнения, — сказал Доблин.

Вот так-то. Жмет до предела. Везде и всегда. Выведет это остальных из себя или нет?

Доблин приказал привести в порядок обмундирование и снаряжение, взять оружие на ремень и выступать. Я взглянул на лица солдат — они были угрюмы, и лишь Дудки подмигнул мне.

Мы шли к плоской низине. Там Доблин объяснил нам дальнейший путь.

— Сначала надо добраться до двух кустов, проход между ними вы закроете проволочным заграждением.

Мы развернулись в цепь и стали передвигаться короткими быстрыми перебежками. Грязь чавкала под сапогами. Краем глаза я наблюдал за остальными. Они крепко держали оружие. Лица у многих были напряжены. Доблин скомандовал:

— Ложись!

Я не двинулся с места. От неловкого движения ноги мои разъехались по грязи. Я забалансировал руками. Восстановив равновесие, огляделся. Большинство лежало на раскисшей земле. Только Бале и Дудки стояли.

Доблин удивленно посмотрел на нас, затем схватился за воротник, как будто ему стало душно.

— Приказ относится и к вам.

Мы не шелохнулись. Ветер свистел над полем и бросал нам в лицо капли дождя.

— Вы отказываетесь выполнить приказ? Вы отдаете себе отчет, к чему это приведет? — Его лицо исказилось: — Выполнять!

«Ну это мы еще посмотрим», — подумал я.

Он подошел ближе:

— Опомнитесь, товарищи. Вы, очевидно, забыли, что на вас военная форма?

Бале взглянул на меня, затем плюхнулся на землю. Доблин подошел еще ближе. Его лицо побледнело, но глаза уже выражали торжество.

— Это относится и к вам, — обратился он ко мне.

«Ни за что! — подумал я. — Меня ты не сломаешь».

— Стало быть, зачинщик вы. Очевидно, за счет дру-

гих вы хотите прослыть сильным человеком? Ваше поведение бросает тень на все отделение.

Едва он произнес эти слова, как вскочил Камберт и бросился ко мне:

— Выполняй приказ! Быстро! Выполняй немедленно, иначе я за себя не ручаюсь!

— Заткнись ты, подхалим!

Его лицо исказилось, он схватил меня за плечи и попытался прижать к земле.

— Отпусти!

Я сбросил его с себя. Когда он еще раз попытался схватить меня, я ударил его. Мой кулак пришелся ему в подбородок, сильный удар отбросил его вправо, он зашатался и рухнул на землю.

Доблин подступил ко мне:

— Это вам даром не пройдет. Придется отвечать.

В тот же вечер за мной закрылась тяжелая, обитая железом дверь. Я очутился в тесном (приблизительно два на три метра) помещении, с кирпичным полом, шарообразной лампой под потолком, зарешеченным окном и подтянутой к стене узкой откидной койкой.

Прислонившись к холодной шершавой стене, через железные прутья решетки я увидел красноватое небо.

После возвращения на объект Мергельт вызвал меня к себе. Разговор был коротким. Он хотел знать причину моего поступка. Но я сказал:

— К чему объяснения? Главное — факты. Посадите меня под замок — и дело с концом.

— Следовательно, вы признаете свою вину?

— Никак нет, товарищ лейтенант. Приведись мне снова оказаться в подобном положении, я бы действовал так же.

Он немного наклонился вперед и задумчиво оперся подбородком на кулак правой руки. Некоторое время он сидел неподвижно, шевеля только большим пальцем правой руки и медленно поглаживая кожу на щеке. Казалось, Мергельт забыл обо мне. Наконец он выпрямился и посмотрел на меня. Взгляд его был необычно холодным.

— Идите.

Взыскание было объявлено на вечерней поверке: три дня строгого ареста. Дудки получил выговор.

Я подошел к окну и ухватился за металлические прутья. Отсюда я хорошо видел округлые вершины по ту сторону деревни. Облака над ними уже окрасились в фиолетовый цвет.

«Ты, конечно, никак не мог себе представить, что все так кончится, — думал я. — Ну что ж, теперь ничего не изменишь. Как-нибудь выдержишь. Но как себя будет вести Доблин, когда ты выйдешь отсюда? А как все отделение? Камберт, конечно, страшно зол на тебя. И Зиги тоже. А Дудки?»

В двадцать два часа появился дежурный и опустил койку. Он не обмолвился со мной ни словом, так как в дверях стоял унтер-офицер. Но я заметил, что дежурный, оправляя постель, сунул записку под одеяло. Я с нетерпением ждал, когда солдат уйдет. Наконец он закрыл за собой дверь и щелкнул выключателем, который был установлен в коридоре. Свет в камере погас. Я ощупал постель, нашел сложенный в несколько раз листок бумаги и шагнул к окну. Но и здесь было темно. На небе слабо светилось несколько звезд, а месяц напоминал тусклую коптилку. И все же в конце концов мне удалось разобрать — нет, буквально расшифровать — текст, написанный печатными буквами: «Пока ты будешь там, состоится собрание. Й. и З.». Йорг и Зиги. Они думают обо мне. И дело уже дошло до объяснений...

Я долго стоял у окна и смотрел на долину. В темноте то здесь, то там играли светлые блики. Мимо прошел часовой, тяжело ступая по громко шуршавшему под его сапогами щебню. Когда все снова стихло, я разорвал записку и бросил крошечные клочки за окно. Ветер подхватил их и мгновенно развеял.

Я улегся на койку. Постель была жесткой, грубое одеяло царапало кожу. «У тебя еще никогда не было такого жалкого ложа,— подумал я. — Даже на стройке ты жил комфортабельнее. Хорошо, что тебя не видят ни Том, ни Анди. Ну, книжный червь, сказали бы они, ты не особенно продвинулся вперд, и фолианты тебе не помогли. Лучше бы ты был такой, как мы. Зря ты сбежал от нас. Вот и попал из огня да в полымя».

Я повернулся на бок и уставился в стену. «Здесь тебе приходят в голову сумасшедшие мысли, оставь их, — приказал я себе. — Оставь и думай о чем-нибудь другом. Неважно о чем, все равно». И я попытался представить себе далекие времена, девятнадцатое столетие и испанскую

цыганку Кармен, о которой написал француз Проспер Мериме новеллу. За день до моего отъезда на военную службу я нашел на полу покрытую пылью книжку. Видимо, она упала с полки, когда я доставал чемодан. Я хотел положить книжку на место, но тут вспомнил, что когда-то Печина говорил о ней, и прихватил с собой.

Внизу послышались шаги часового. Они то приближались, то удалялись.

«Напишешь ли ты Фреди обо всем, что случилось? — подумал я. — Что он ответит? Может быть, так: «Хотя ты и стал старше, но отнюдь не поумнел. Если ты считаешь хорошим тоном получить трое суток ареста, то глубоко ошибаешься». С тех пор многое изменилось. Нет, Фреди, конечно, не смог бы тебя понять».

Я поднялся и опять подошел к окну. Небо стало темным, на нем холодно светились звезды. «Зиги прав, — думал я. — Надо было сначала поговорить с Доблином».

Часовой вернулся. Внизу громко прозвучали его шаги. Это был единственный шум, который доносился до меня. В деревне стояла тишина. Окна светились в немногих домах. Почувствовав озноб, я улегся на койку и натянул до подбородка одеяло. Спал беспокойно. Под утро мне приснился сон, будто я полз через проволочное заграждение. Вокруг туман. Из него вынырнула какая-то фигура. Ее очертания были расплывчаты, я отчетливо видел лишь штык. Он был нацелен прямо в мою шею. Вот он все ближе и ближе, уже царапает кожу, вот вонзился в меня. Показалась кровь. Я зажал рану рукой, но кровь текла и текла... Я проснулся. Часто билось сердце, на лбу выступил пот. Был еще совсем ранний час, но уже рассвело. Я положил руки за голову, уставился в потолок, вытянулся и сделал несколько глубоких вздохов. И вдруг мои мысли вновь вернулись к новелле Мериме... Я вспомнил Гудрун. «Она — как Кармен, — подумал я. — Такая же беспокойная, непостоянная. Наверняка она меня уже забыла. А за новым поклонником дело не станет. При ее внешности это не проблема».

Незадолго до нашего разрыва в одно из воскресений мы поехали в областной центр. Мы бродили по торговым улицам, зашли в музей, потом в церковь и наконец поднялись на ближнюю гору. Там находился ресторан, в котором мы пообедали.

Потом мы лежали рядом на маленькой лесной поляне. Гудрун закрыла глаза. Ее рука была мягкой и теплой.

— Как хорошо здесь! — сказала она.
— Очень.

Она подняла голову, подперла ее рукой и некоторое время глядела на долину.

— Видишь дома там, внизу? — спросила она.
— Конечно.
— Они совсем новые.
— Как будто.
— А в них прекрасные, удобные квартиры, с ванной и туалетом. Мои родители осенью получат такую же. И мы могли бы иметь свое гнездышко.
— Так просто?
— Но сначала мы должны пожениться.
— Ах вот оно что.
— Ты, видимо, не хочешь?
— Это так неожиданно. Неужели ты не понимаешь?
— Понимаю.

Я смотрел через зарешеченное окно на низкое свинцово-серое небо, с которого опять полил дождь. «Мой ответ отнял у Гудрун надежду,— думал я.— В принципе я был не против женитьбы. Мне только не хотелось спешки. Нужно было подождать год, а может быть, только полгода. Но ведь она не могла ждать».

«Почему ты все еще думаешь о ней?— продолжил я мысленный диалог с самим собой.— Все это в прошлом. И хорошо, что так случилось. Тебе она не нужна. Здесь тебе живется лучше, потому что ты ни с кем не связан. У тебя нет таких забот, как, например, у Зиги, у которого осталась девушка. И нет опасности, что такие, как Пельцер, будут обсуждать твои личные дела».

...Это было на политучебе.

— Пограничники, — сказал обер-лейтенант, — никогда не должны забывать, что они — пограничники. Они должны быть предельно бдительными не только когда находятся в наряде, но и когда идут в увольнительную. Даже своим любимым девушкам, невестам или женам пограничники не должны говорить о служебных делах. У классового врага везде есть уши. Запомните это хорошенько. И знайте, что служба — это одно, любовь — другое, но первое должно быть главным.

Пельцер часто пользовался необычными сравнениями. На его занятиях никогда не было скучно, и никто на них не дремал — всем было интересно. Он не ограничивался изложением материала, данного в учебнике, он пытался

глубже разобраться в каждом вопросе, найти убедительные примеры. При этом обер-лейтенант не жалел ни сил, ни времени.

В одно из воскресений Пельцер вместе с нашим взводом был на экскурсии в крепости Кенигштейн. То, что он рассказал нам во время осмотра, мы бы не услышали, пожалуй, даже в целом цикле лекций по истории. Почти два часа водил он нас от экспоната к экспонату, и мы даже не заметили, как пролетело время. Каждый раз, когда он спрашивал: «Может быть, достаточно, товарищи?», мы дружно отвечали: «Нет, товарищ обер-лейтенант, продолжайте, пожалуйста».

И Пельцер рассказывал дальше, причем с большим знанием дела. Во время экскурсии мы услышали об узниках, томившихся здесь. Это Бетчер, Бебель, Ведекинд. Пельцер рассказал о грандиозных пиршествах, которые устраивал король Август для своей феодальной своры, в то время как народ бедствовал. Но особенно нам запомнились забавные истории из жизни королевской знати.

— Однажды ночью в замке устроили очередную попойку, — рассказывал Пельцер. — В ней участвовал один паж. Он пил, как и все, но быстро опьянел. Ему захотелось спать, и он решил подняться в свою комнату на верхнем этаже. Но спьяну в дверь не попал, а вылез в окно прямо на бруствер, высеченный в скале. Паж принял бруствер за свою кровать, преспокойно растянулся на нем и заснул. Кто-то увидел его в таком виде и доложил курфюрсту. А у того возникла идея: он приказал связать крепко спящего пьяницу, а затем привел к этому месту компанию своих собутыльников. Когда все собрались, хозяин приказал инсценировать страшный шум, чтобы разбудить пажа.

— Вот, наверное, бедный малый перепугался, — сказал Дудки.

— Если на самом деле все это было так, то он, конечно, мог бы даже умереть со страху, — согласился Пельцер.— Но знаете, есть и другой вариант этого анекдота. Говорят, в крепости жила любвеобильная камеристка. Паж бывал у нее иногда. И вот однажды, когда он навещал свою возлюбленную, в дверь постучали и курфюрст вошел в покои. Паж отнюдь не горел желанием встретиться со своим господином и бежал через окно на выступ скалы. Курфюрст надолго задержался у камеристки. Бедный

паж устал, и ему не оставалось ничего другого, как заснуть на этом неудобном ложе.

— Тогда полно было всяких необычайных происшествий, — сказал Гавенда.

— Наверное, потому что уж такие были нравы,— вставил Бале.

А Мюллер добавил:

— Ребятам тогда нечем было заняться.

На обратном пути Пельцер приказал нашей колонне остановиться перед трактиром.

— Что, товарищи, устали? Как насчет того, чтобы передохнуть?

— Хотим, товарищ обер-лейтенант, — раздались голоса.

— Тогда привал.

Мы быстро отыскали свободные места за столиками, расставленными прямо в тенистом саду. Пельцер сел к нам, Дудки принес четыре кружки пива.

— Я пью за то, чтобы у нас никогда не было власти господ, — сказал он. — Мой отец мне много рассказывал о них. Особенно я запомнил рассказ об одном бароне, который почти до конца войны жил в замке. Это тот, что находится в наших краях. Теперь там школа. Наша казарма тоже принадлежала подобному типу.

— Да, барону,— подтвердил Пельцер. — Он осенью сорок четвертого удрал и укрылся в своем имении на Западе, где-то в Вюртемберге.

— Там он может жить спокойно, — сказал Йорг. — Единственное, что его, наверное, злит, — так это то, что замок заняли под наши казармы.

— Его проклятия нас не волнуют.— Обер-лейтенант сделал несколько глотков, затем взглянул на меня и Зиги: — Что это вы сегодня молчаливы?

— Только что, — ответил Зиги, — я расстался со своими мечтами. Мальчишкой я часто говорил себе: «Ты родился поздно. Слишком поздно. Наш земной шар уже весь исследован. Задолго до тебя это сделали Колумб, Гумбольдт, Барт, Ливингстон, Амундсен... На карте больше нет белых пятен. Что осталось открывать? Как говорится, прошли те времена». И все же я втайне надеялся, мечтал: что-нибудь выпадет и на мою долю. Сегодня я окончательно понял: все мои надежды напрасны.

«Ты потерял их давно, зато приобрел другое», — подумал я, а вслух сказал:

— Мне стало ясно, как мало знает человек.

— Знать много или мало зависит от самого человека, — возразил Пельцер. — От того, как мы сами стараемся, сколько сил вкладываем. Если у вас, например, есть желание после службы пойти в университет, то вы можете это сделать. У меня не получилось, хотя я был способным к наукам и очень любил историю. Но что поделаешь: шесть младших сестер дома и отец-инвалид после серьезной операции желудка — надо было подумать о них. Потом началась война, и только тогда, когда я вернулся домой, представилась возможность наверстать упущенное...

«Если судить по его рассказу, с ним ничего особенного не случилось», — подумал я. От Мергельта же мы знали, что это не так.

Пельцер хотел перейти на сторону Советской Армии. Это было на Украине. Он посвятил в свой план еще четырех солдат, но один из них оказался предателем, и Пельцер попал в штрафной батальон. Здесь ему, конечно, было гораздо труднее выполнить свое намерение, но он не сдался и ждал благоприятного момента. Темной осенней ночью вместе с товарищем ему удалось бежать. Рискуя жизнью, они сумели добраться до партизанского отряда...

— Но с университетом ничего не вышло, — продолжал Пельцер. — Отец умер в сорок третьем, а мать была не в состоянии поставить на ноги моих сестер. Мне пришлось помогать им. Я пошел на стройку, чтобы больше зарабатывать. Через некоторое время попал на шахту «Висмут». «Может быть, скоро мне удастся начать учебу», — подумал я. Но тут мне предложили пойти служить в пограничную полицию. «Кому же быть пограничником, как не тебе!» — сказали мне. Я знал, что это действительно нужно. Но и историю я все же не бросил. Изучаю ее заочно, без отрыва от службы. В будущем году рассчитываю сдать выпускные экзамены.

Шершавая стена давила на мои плечи. Я выпрямился, пересек несколько раз камеру и остановился у окна. Дождь усилился; казалось, небо вплотную опустилось на казарму.

«Они снова на полигоне, — думал я. — Интересно, изменил ли Доблин свое поведение? Он совершенно не зна-

ет психологии людей, не интересуется тем, что их волнует. К нему никто не относится с теплотой, с ним никто не откровенен. Может быть, он не придает этому значения? Или ему трудно найти подход к нам? До сих пор он серьезно не пытался сделать это, более того, просто не хотел. Иначе почему бы ему не пойти с нами на экскурсию в крепость? Или еще куда-нибудь. И не изображать из себя старшего начальника. Тогда появилась бы возможность поговорить задушевно, лучше узнать друг друга. Он имел такую возможность, когда сопровождал нас в увольнение. Но в городском кафе Доблин оставался за нашим столом недолго. Он пересаживался к какому-нибудь своему знакомому и даже не замечал, когда Зиги и я покидали кафе.

«Нет, — подумал я, — он действительно не хотел понять нас, он был занят только собой и службой — обучением новобранцев. Так пусть хоть теперь потолкует с нами».

Собрание организации Союза свободной немецкой молодежи состоялось в помещении офицерской столовой. Единственным вопросом повестки дня было происшествие во время тактических занятий.

— Мы хотим выяснить причины происшествия, высказать свое мнение о нем и, самое главное, исключить повторение подобных явлений в будущем, — сказал Зиги. — Бюро организации занималось этим вопросом и решило вынести его обсуждение непосредственно в отделение. Отказ выполнить приказание командира и драка двух солдат на занятиях — проступок, подобных которому у нас до настоящего времени не было и, надеюсь, не будет. Дудки и Биляк, мы требуем, чтобы вы дали оценку своему поведению и сказали товарищам, как намерены вести себя в дальнейшем.

Я увидел Доблина. Он сидел за узким столом, и его худое лицо при свете лампы казалось еще более осунувшимся. На левой стороне под нагрудным карманом у него сиял золотой спортивный значок.

Выступил Дудки:

— Конечно, мы с Рональдом поступили нехорошо. Но мы не собирались устраивать драку. Рональд зашел слишком далеко. Но товарищ унтер-офицер тоже в известной мере виноват. Скажу честно, служба дается мне

легко. Разозлили меня лишь тактические занятия в поле. Действительно ли необходимо заставлять нас падать в каждую лужу? У командира отделения это стало любимым занятием.

Слова попросил Камберт.

— Мне кажется, — сказал он,— ты рисуешь события в чрезмерно мрачных тонах. Не исключено, что унтер-офицер иногда перегибал палку. Но это никому не наносило ущерба.

Мергельт оперся ладонями о стол и внимательно окинул нас взглядом:

— Товарищ Дудки, судя по вашим словам, вы хотите свалить всю вину главным образом на Доблина. Имели место невыполнение приказания и драка. Виновные должны быть наказаны.

Попросил слова Хельвиг.

— Причины происшествия, — утверждал он, — кроются в самой группе. До сих пор мы не обращали внимания на отдельных солдат, которые вели себя как им заблагорассудится!

— Называй фамилии! — потребовал Дудки.

— В первую очередь я имею в виду тебя и Биляка. Мы не допустим, чтобы вы продолжали бесчинствовать и самовольничать. Мы здесь на службе и должны придерживаться строгой дисциплины. Иного быть не может!

— Товарищи! — начал Доблин. Он стоял по стойке «смирно», не шевелясь. — Дисциплина и боевая готовность, стремление к выполнению служебного долга неотделимы. Без них не мыслится военная служба. В основе моих методов обучения — требовательность. Может быть, я иногда требую слишком многого. Может быть. Но все это необходимо. В работе с прошлым призывом я доказал, что умею обращаться с солдатами. Мое отделение было лучшим во взводе. Солдаты проявляли такое рвение к службе, что далеко превышали средние показатели. А у вас возникли осложнения лишь потому, что я не считал нужным менять свои методы!

— Люди не одинаковы, — возразил я, — в том числе и солдаты. Вы, товарищ унтер-офицер, должны видеть в них людей, знать их проблемы, их заботы, их стремления. Вы же слишком мало думали об этом и лишь пользовались правом своего служебного положения.

— Вы хотели, чтобы с вами было особое обращение?— спросил Гавенда.

А Циндель добавил:

— На твоем месте я бы помалкивал. Веди себя как положено солдату, и к тебе не будет никаких претензий.

Я почувствовал, что у меня пересохло в горле, и подумал: «Они все, видно, возненавидели меня».

— Прежде чем другого в чем-либо обвинять, нужно посмотреть, прав ли ты сам, — промолвил Мергельт, и его голос прозвучал жестко. — На службе, товарищ Биляк, имеются средства, которыми можно исправить и ваш характер. Вы солдат, как и все другие! Вы должны понять раз и навсегда: кто противопоставляет себя командиру, неизбежно будет наталкиваться на неприятности.

— Это правильно, — подтвердил Зиги. — Рональд допустил ошибку. Но не только он один, а все мы. Я считаю, что командир и подчиненные должны действовать единым фронтом и только так мы сможем добиться высоких показателей в боевой подготовке.

Он посмотрел в зал:

— Заключительного слова не будет. Имеются другие мнения?

— Все ясно, — заметил Рицке.

Зиги обернулся к Доблину:

— Хотите что-нибудь сказать, товарищ унтер-офицер?

— Нет, ничего.

— Собрание считаю закрытым.

Доблин встал и первым, не сказав ни слова, вышел. Когда я ставил свой стул на место у стола, меня задержал Мергельт. Остальные постепенно вышли. Мюллер закрыл дверь.

— Садитесь, — предложил лейтенант.

Я сел.

Мергельт закурил, немного помолчал, потом сказал:

— Ну как вы считаете, после такого обсуждения все будет в порядке? Признания — это полдела. Все зависит от того, докажете ли вы своим поведением, что извлекли должные уроки из случившегося.

Я молча кивнул. Слов было действительно достаточно, и мне хотелось, чтобы все осталось позади.

А Мергельт продолжал:

— Я слышал, вы любите читать.

— Да.

— Какую же последнюю книгу вы прочитали?

— «Кармен».

— Понравилась?

— Очень. Действующие лица показаны мастерски, сюжет великолепен.

Мергельт встал:

— Задумываетесь над тем, что читаете?

— Конечно.

— Мне кажется, вы очень требовательны.

— Это плохо?

— Как раз наоборот. Это хорошо. Но мне кажется, вы рассматриваете некоторые явления односторонне. Так у вас вышло и с унтер-офицером Доблином.

— Возможно, — согласился я. — Но каково может быть впечатление о человеке, который нас игнорирует?

— А вы пытались побеседовать с ним?

— Нет.

— Попытайтесь. Кстати, у меня имеется для вас поручение. Как вы смотрите на то, чтобы вместе с товарищем Доблином организовать для нашего взвода обсуждение книги?

Мергельт, несомненно, заметил на моем лице удивление. Я спросил:

— Какую книгу вы имете в виду?

— «Кармен». Это будет очень кстати. В Дрездене как раз идет опера по этому сюжету. Вы слушали ее?

— Нет, товарищ лейтенант.

— Не страшно. Вы обсудите новеллу, и товарищи получат представление о спектакле. У нас будет возможность посетить оперу. Правда, либретто несколько отличается от произведения, но содержание весьма близко. Ну и как?

— Согласен, товарищ лейтенант.

6

Фрау Дудки вошла в комнату, поставила на стол бутылку с водкой и бесшумно вышла.

— Ты думаешь, Доблин слишком много требовал от нас? — спросил Йорг.

— Дело не в этом,— возразил я.— Он не совсем правильно действовал. Не теми методами.

— Может быть. Но не является ли это какой-нибудь каверзой? Для меня главный вопрос: «Кому это выгодно?»

— Тут дело в другом: часто одни и те же результаты, а то и большие достигаются не путем давления, а с по-

мощью мастерства и умения. Мергельт обладает этими качествами. Поэтому я предпочитаю его.

— Их трудно сравнивать,— утверждал Йорг.— Унтер-офицер проводит работу непосредственно в отделении, постоянно находится с солдатами. Став командиром взвода, он, мне кажется, выступал бы уже в другом качестве. Кто знает, добился бы Мергельт на месте Доблина тех же результатов. Это не умаляет его достоинств. В своей области он специалист. В этом у нас единое мнение. Я вспоминаю посещение театра. Здесь он показал себя как отличный организатор.

— Меня удивляет, что ты запомнил только это. Сам спектакль произвел на тебя меньшее впечатление.

— Ты и это знаешь? — спросил он.— Об этом ты тоже хочешь написать?

— Конечно. Это же имеет прямое отношение к нам.

После ужина все мы побрились, потолкались в умывальной комнате перед зеркалом, тщательно причесались, особенно Бале. Он массировал голову кремом, опрыскивал лицо всевозможными одеколонами, пока Дудки не сказал:

— Ну хватит, а то сидящий рядом задохнется.

Точно в назначенное время подъехал специальный автобус. Все, чем занимался Мергельт, работало, как часы. Кроме него в машину сели все унтер-офицеры и солдаты нашего взвода, а также обер-лейтенант Пельцер со своей женой.

За полчаса до начала представления автобус подъехал к театру. Мы имели возможность погулять в фойе, поговорить друг с другом, посмотреть развешанные по стендам фото отдельных сцен из спектакля.

В зале Дудки сидел рядом со мной. Едва началось представление, как он задремал. Я ущипнул его за бок. Он спросонок взглянул на меня, буркнул что-то, протер глаза и уставился на сцену. Но вскоре вновь опустил голову. «Пусть спит,— подумал я.— Главное, чтобы не храпел».

Остальные внимательно слушали. Особенно Мюллер и Циндель.

Наискось от меня сидел Доблин. Иногда я видел его лицо. Оно казалось еще более осунувшимся, чем раньше. Отчетливо выступали обтянутые загорелой кожей скулы.

Утром мы бежали на зарядку, затем спешили в казарму и едва успевали к построению.

После завтрака строем отправлялись к скалам. Доблин, как всегда, стоял на возвышении, подавшись вперед. Он говорил монотонно, и его взгляд скользил поверх наших голов.

После обеда проводилось тактическое учение. Солнце висело над лесом, было тепло, почва после дождей почти просохла. Мы тренировались в преодолении штурмовой полосы. Доблин проявлял меньшую требовательность, чем раньше, но все же большую, чем другие командиры отделений. Он подавал краткие приглушенные команды. Только иногда голос его повышался.

— Каблуки прижать к земле! — кричал он.

Или:

— Ниже голову! В боевых условиях вас бы уже давно убили!

Остальные дни проходили по-прежнему. На четвертый вечер, почистив оружие, я присел на скамейку за плацем для построения. Немного погодя ко мне подсел Доблин.

— У меня просьба,— сказал он.— У вас сохранились статьи предыдущей стенной газеты?

Я их сохранил, и они лежали у меня в папке для писем.

— Да.

— Я бы хотел на них взглянуть.

«Зачем это ему понадобилось?» — подумал я.

— Наверное,— предположил Дудки,— хочет перехитрить нас, как это он уже пытался сделать.

— Я не думаю,— возразил Фабер.

— Ну а зачем?

— Несомненно, он хочет что-то о нас узнать.

— Поздно,— сказал Бале.

— Конечно,— добавил Фабер.— Но лучше поздно, чем никогда.

Несколько дней спустя, когда мы вновь были на скалах, Доблин спросил:

— Не хотите ли вы прокатиться на пароходе?

Некоторое время все молчали. Предложение удивило нас. Мюллер пришел в себя первым:

— В воскресенье?

— Конечно.

— И куда?

— В Бад-Шандау.

— Почему же нет? — ответил Гавенда.
— Неплохая идея,— поддержал Циндель.
А Хельвиг спросил:
— И там мы немного погуляем?
— Я — за,— ответил Доблин.
Вечером мы еще раз обсудили эту тему.
— Похоже на смену курса,— заметил Камберт.— Как вы думаете?
— Прежде всего тактики,— откликнулся Дудки.
— Нет-нет, — возразил Гавенда, — он, безусловно, меняется!
— Мне не верится,— вмешался я.
— А я думаю, что это возможно,— сказал Фабер.
— Зачем гадать? — заключил Рицке.— Поживем — увидим.

Пароход разрезал воду. Она омывала его нос, клокотала и пенилась. По обе стороны поднимались образовавшиеся при движении волны. Они доходили до отлогих берегов и откатывались обратно.
Мы с Фабером и Дудки стояли у поручней и смотрели на косогор, заросший кустами и небольшими деревьями.
— Там скалы,— сказал Зиги.
— Они выглядят как наклеенные на стену,— произнес я.
— Точно,— подтвердил Йорг.— И поднимаются высоко. Мне всегда бывает немного смешно, когда я приближаюсь к ним.
Вскоре к нам подошел Доблин.
— Вам что, внизу не нравится? — спросил он.
— Нам хочется побыть на свежем воздухе,— ответил я.
— И полюбоваться ландшафтом,— добавил Зиги.
— Я здесь вырос,— промолвил Доблин,— и до сих пор не могу привыкнуть к жизни в долине.
В Бад-Шандау мы сошли с парохода. Доблин показал нам город. Затем поехали на трамвае через Кирницшталь, посмотрели на водопад в Лихтенхайне, поднялись на Куншталь. Обедали в кабачке.
— А теперь бы немного размять ноги,— сказал Хельвиг.
— Было бы неплохо,— поддержал его Рицке.
— Это еще впереди,— заключил Доблин.

Мы пошли по длинному ущелью. Среди деревьев было пасмурно. В некоторых местах сквозь скалы пробивались ручьи. Но вот склоны ущелья раздвинулись и на правой стороне перешли в массивную прерывистую цепь вершин. Солнце висело над двумя скалистыми хребтами. Оно было почти белым, слепящим. Доблин остановился и показал вверх:

— Видите купол, завершающий плато? Оттуда открывается отличный вид.

Гавенда поднес руку к глазам:

— Мы доберемся туда?

— Это опасно.

Когда мы подошли ближе, то заметили, что примерно до половины горы в камнях выбиты ступени. Далее подъем становился тяжелее, хотя выступы и выбоины давали возможность останавливаться для отдыха.

Сверху открывался чудесный вид. Горы простирались до горизонта. Большая их часть была покрыта лесом. Только изредка проглядывали голые скалы. В долинах расстилались поля и луга.

— Там, вдали, граница, — сказал Доблин. — Она проходит по виднеющейся закругленной вершине.

Он посмотрел некоторое время в указанном направлении, затем сел.

Мы тоже присели. Камни были теплыми.

— Для меня эти скалы имеют особое значение,— произнес Доблин.— Здесь я решил стать пограничником. Мне было в ту пору четырнадцать лет.— Он секунду помолчал, поджал ноги, опустил голову и сцепил руки под коленями.— Это не было внезапное юношеское желание. И не стремление к приключениям. У меня был хороший пример.

...Отец Доблина был коммунистом. В 1933 году его арестовали. После освобождения он продолжал нелегальную партийную работу. В качестве курьера поддерживал связь с немецкими товарищами, жившими в Чехословакии.

— Он знал местность, как никто другой,— продолжал Доблин.— Много раз он успешно переходил границу, пока не был задержан патрулем и застрелен при попытке к бегству. Это было за два месяца до моего рождения.

Доблин встал, подошел к краю обрыва и посмотрел на закругленную вершину.

После спектакля, когда мы ждали автобуса, к нам подошел Мергельт и спросил:

— Каково впечатление?

— Мне понравилось,— ответил Мюллер.

— Мне тоже,— подтвердил Циндель.

— Особенно музыка,— включился в разговор Гавенда.— Только теперь я ощутил вкус к опере. А до этого, можно сказать, я никогда и не слушал ее.

Дудки держался в стороне и молчал. В автобусе он сел напротив меня и вскоре заснул, слегка похрапывая.

— Он просто оригинал,— сказал Зиги.

Все мы тогда так и восприняли поведение Дудки, хотя догадывались о его ночных похождениях.

По комнате двигалась тень. Пол слегка скрипел. В призрачном лунном свете я узнал Дудки. «Что с ним?» — подумал я. Он осторожно закрыл за собой дверь.

Я повернулся на спину и уставился в потолок. Дудки не вернулся. Может быть, он решил выкурить сигарету? Наконец я встал и пошел в туалет. В помещении было темно. В нем никого не было. Я подошел к окну. Одна створка была открыта, и я посмотрел вниз. Ветви бука касались стены дома. Если пробраться немного по широкому выступу стены, можно достать ствол. Неужели Йорг?.. Я лег и заснул. Проснулся, лишь когда Дудки вошел в комнату. Я посмотрел на часы. Было около двух. Где он так долго пропадал?

Я решил понаблюдать за ним. На следующий вечер, борясь со сном, я всматривался в темноту, которую с трудом рассеивал слабый лунный свет. Когда я уже решил, что Дудки никуда не пойдет, заметил, как он выполз из постели, постоял некоторое время неподвижно, а затем кошачьими движениями направился к двери. Как только он вышел, я последовал за ним. Пройдя коридор, он исчез в туалете. Я поспешил к входу, проник в маленькое темное помещение, высунулся в окно и заметил, как Дудки шел по выступу стены, держась левой рукой за ветки бука. Правой он схватился за ствол дерева. Одет он был в темную рубашку, короткие штаны и спортивные тапочки. Когда он хотел ступить на сук, я вполголоса окликнул его:

— Стой!

Он вздрогнул, посмотрел через плечо и узнал меня.

— Ах это ты,— промолвил он с облегчением.

— А ну-ка карабкайся обратно! — потребовал я.

Дудки помедлил, затем подвинулся ближе к стене и скользнул в окошко. Он закашлялся, подойдя ко мне.

— Ты что, удивлен? — спросил он.

— Немного.

— Я, должно быть, лунатик. Если светит луна, я выхожу из себя. Меня тянет на улицу.

— И для этого ты так предусмотрительно надеваешь гражданскую одежду?

— Совершенно верно, — подтвердил он. — Что ж мне, в ночной пижаме путешествовать?

— Кончай трепаться! Ты что, думаешь, я поверю? Лунатик! Не смеши! Ты ходишь к той, в красном джемпере. Что, не правда?

— А если ты знаешь, зачем спрашиваешь?

— Я не слышу подтверждения!

— Теперь ты его имеешь. Ну а что дальше?

— Так не пойдет. Здесь не может каждый делать то, что хочет.

— А кому я, собственно, мешаю? — спросил Дудки.

— Нам,— ответил я.

— Ах! — удивился он.— И почему?

— Что, тебе действительно нужно объяснять?

— Побереги силы. Но скажи, должен я это понять как предупреждение?

Я ухмыльнулся:

— Могу тебе обещать, что это останется между нами, если ты выполнишь одно условие.

— Какое?

— Прекратишь свои экскурсии.

— Я попытаюсь.

Просыпаясь ночью, я каждый раз смотрел, на месте ли Дудки. Постепенно постоянные наблюдения меня утомили. На пятые сутки меня разбудило уже не чувство внутреннего беспокойства, а сигнал тревоги. Он звучал пронзительно и долго. И тем не менее я проснулся лишь тогда, когда Зиги был уже на ногах. Я вскочил, посмотрел на часы. Было начало третьего. Сбросив пижаму, я натянул обмундирование. О Дудки я не думал. Но когда Циндель воскликнул с удивлением: «Йорга нет!», я вздрогнул.

В коридоре он встретился нам с всклокоченными волосами, задыхающийся. На нем были короткие штаны и черная рубашка. Встретившись со мной взглядом, он отвел глаза в сторону. Дудки последним примчался на плац и протиснулся в строй. Как обычно, это была учебная тревога. Нас только два раза выводили на короткие ночные марши. Капитан Завада невысоко оценил нашу боевую готовность. Построение длилось слишком долго, а в боевых условиях дорога каждая секунда, поэтому он потребовал более ревностного отношения к службе. Он не намеревался отчислять флегматиков. Это в конце концов подорвало бы авторитет учебного подразделения. Он, наоборот, пытался доказать, что мы можем добиться лучших показателей.

Вернувшись в казарму, все молчали. Наконец Фабер спросил Дудки:

— Тебе нечего нам сказать?

— Ты что, меня спрашиваешь? — ответил вопросом на вопрос Дудки.

— Понятно, тебя, кого же еще! — крикнул Мюллер.

— Где ты был? — поинтересовался Рицке.

— Конечно, у девушки,— предположил Гавенда.

— Это правда? — допытывался Фабер.

— Да,— признался Дудки.— Ну и что?

«Зачем скрыл тогда? — подумал я.— Теперь знают все».

— Слушайте, слушайте! — закричал Хельвиг.— Он шляется к своей Мици, подводит все отделение и еще, видите ли, недоволен, что мы не кричим ему «ура»!

— Это тебе так не пройдет,— пообещал Бале.— Мы не допустим, чтобы ты нас подводил, а мы из-за тебя выглядели в худшем свете.

— Что вы от меня хотите? — спросил Йорг.— Что я должен делать? Посыпать себе голову пеплом, пасть на колени? Этого вы не дождетесь. Ну что ж, допустил ошибку. Это случилось впервые, и теперь уже ничего не изменишь. И вообще, что делать, если меня тянет к этой девушке?

— Ходи на свидание со своей Джульеттой, когда у тебя увольнительная,— заключил Мюллер.

А Камберт добавил:

— Если она будет часто с тобой встречаться, ты ей надоешь.

— Помолчите со своими советами! Я в них не нуждаюсь! — вскипел Дудки.

— Тем лучше,— заметил Фабер.— Нам нет дела до твоих взаимоотношений с Мици. Речь идет о другом — об отношении к учебе. Поскольку из-за расхлябанности некоторых из нас страдают все, мы должны не только говорить об этом, но и принимать меры. С расхлябанностью нужно кончать. У нас нет еще настоящей сплоченности. Подумайте над этим, друзья! — Он внимательно посмотрел на каждого из нас. Никто не возражал. Даже Дудки молчал, сжав губы.— Давайте, ребята, возьмемся за дело! — призвал Фабер.

Дудки прекратил свои ночные путешествия. Несколько дней он был молчалив и угрюм. «Здорово мы его разозлили»,— подумал я. На четвертый или пятый день вечером мы с ним пошли в подвал, где одно из помещений служило для чистки обуви. Там мы застали Уве Циндселя, который старательно начищал сапоги. Перед ним стояло еще семь пар, тщательно смазанных кремом, а также несколько выходных ботинок. На крюке висело три поясных ремня. Один был немного шире остальных и сильнее блестел. Я знал, кому он принадлежит.

Некоторое время Дудки смотрел молча, затем спросил:

— Денщиком работаешь?

Уве посмотрел снизу вверх:

— С чего это ты взял?

— Потому что ты драишь чужие сапоги. Или они все твои?

— Нет,— признался Циндель,— половина принадлежит Клаусу.

— Ну! — усомнился Йорг.— Неужели?

— Точно,— подтвердил я,— вон висит его ремень из первоклассной кожи. Бале заказывал его у скорняка.

Дудки вновь посмотрел на Уве:

— Стало быть, выступаешь в роли лакея?

— Я к работе привычен,— сказал Уве.— Со мной ничего не случится, если я почищу чужие сапоги.

— И ты это делаешь безвозмездно?

— Не совсем. Он мне иногда дает деньги на пиво или на сигареты.

— Ты балда! — сердито сказал Йорг.— Чистишь другим за милостыню. Как же так? — Он поставил свои и мои сапоги в угол и коротко бросил: — Пошли!

В комнате Бале не было. Йорг прикрыл дверь:

— Я знаю, где он околачивается.

Его предположения подтвердились. Клаус стоял в умывальной комнате перед зеркалом. Он поливал голову одеколоном и тщательно массировал ее.

— Кончай прихорашиваться! — крикнул ему Йорг.— У тебя имеются более важные дела.

— Какие?

— Чистить свое снаряжение.

— Что? — Бале смотрел с недоумением.

— Чистить ботинки и сапоги,— пояснил я.

— Это делает Уве.

— С этого момента он не будет за тебя работать,— сказал Дудки.

Бале медленно завинчивал колпачок на флаконе.

— Хотите поссориться? Какое, собственно, вам до этого дело? Если он мне помогает, это касается только его. Наконец, я за это плачу.

— Мы знаем,— возразил Йорг.— Кружкой пива или сигаретами. И Уве по глупости безропотно потакает твоей лени. Но мы не позволим, чтобы здесь у нас завелись эксплуататоры.

— Мне бы ваши заботы,— промолвил Бале.— Проваливайте и оставьте меня в покое.

Он отставил флакон и начал причесываться.

Глаза Йорга потемнели, ноздри раздувались. Он подошел к Бале.

— Немедленно прекрати прихорашиваться! — потребовал он.— Ты отправишься сейчас вниз и вычистишь свои сапоги. Быстро!

Клаус понял, что выхода нет.

— Старик! Ты раскраснелся, как индюк! — Он кисло улыбнулся.— Чтобы тебя не хватил инфаркт, я лучше пойду.

После этого происшествия Дудки стал вновь разговорчивым и по вечерам часто рассказывал различные истории. Но о девушках он больше не говорил ни слова. Особенно заметным стало его усердие во время тревог, которые объявлялись почти каждую ночь. На построение он выходил в числе первых. Остальные тоже подтянулись. Мы делали все возможное, чтобы сократить время готовности к построению, и наше отделение часто выходило на плац одним из первых. Видя, что это опять всего лишь учебная тревога, многие расхолаживались. Я иногда тоже

говорил себе: «Зачем бежать сломя голову, если через несколько минут все вновь будут лежать на своих койках?» Так как на плацу нас никто не проверял, я решил схитрить. На ночь снимал пижамные штаны, надевал трусы, расстегивал ночную рубашку, с тем чтобы при первых звуках сигнала тревоги сбросить ее, натянуть обмундирование, сунуть босые ноги в сапоги, надеть фуражку, застегнуть ремень со снаряжением и мчаться на построение. Мне и Дудки удавалось почти одновременно выскочить на казарменный двор. Очень редко там уже кто-то стоял. В большинстве случаев проходили секунды, прежде чем появлялась основная масса солдат. Только Камберт обычно следовал за нами по пятам.

Поскольку все проходило быстро и каждый, вскочив спросонок, был занят своими мыслями, наши увертки оставались незамеченными...

Вечером мы сидели вокруг большого котла и чистили картофель. Ощущая страшную усталость, работали медленно. Беседа не клеилась. Даже песня, затянутая Дудки, не вдохновляла. Лишь некоторые подтягивали вполголоса.

— Вы что носы повесили? — спросил я.

— А что? — отозвался Мюллер.— Не у всякого такая воловья натура, как у тебя.

— Своими тревогами,— сказал Гавенда,— они нас замучат. Только приляжешь — вставай. Я как побитый.

— Ну-ну! — вступил в разговор Бале.— Пока еще не так плохо.

— Конечно, не так плохо, но тем не менее... — возразил Циндель.

— Вот именно,— поддержал Цинделя Рицке.— И самое главное, что все это никому не нужно. Когда только все кончится?

В этот момент вошел Доблин. Он слышал нашу беседу, однако спросил:

— Как дела?

— Работаем, товарищ унтер-офицер,— ответил Гавенда.

— У нас много дел,— добавил Мюллер.— Может быть, вы нам поможете, товарищ унтер-офицер?

— Охотно,— согласился Доблин.— Есть у вас нож?

Дудки протянул ему перочинный нож. Унтер-офицер взял картофелину и очистил ее. Его пальцы двигались очень быстро. Он снял кожуру одной спиралью, не раз-

рывая ее, подержал в руке, как бы демонстрируя свое мастерство, затем бросил в ведро для отходов.

— Черт возьми! — воскликнул Мюллер с удивлением.— У вас золотые руки, товарищ унтер-офицер!

— Тренировка,— ответил Доблин,— ничего больше. Когда я пришел в казарму, я был таким же, как и вы.

— Тогда у нас еще не все потеряно! — обрадовался Рицке.

Он схватил другую картофелину и начал ее чистить с большим старанием. Мастерство Доблина и его деловитость заразили всех. Некоторое время солдаты молчали, углубившись в работу, затем Хельвиг выпрямился, посмотрел на Доблина и спросил:

— Говорят, товарищ унтер-офицер, что вы срочную службу тоже здесь начинали?

— Точно.

— После этого сразу поступили в унтер-офицерскую школу? — спросил Бале.

Доблин кивнул.

— Тяжело было? — допытывался Мюллер.

— Немного.

— Расскажите,— попросил Циндель.

Доблин был с нами до окончания чистки картофеля. Поднявшись, он сказал:

— Я хотел вам посоветовать не воспринимать все ночные тревоги как ненужную затею. Когда-нибудь последует настоящая тревога с выходом из казарм. В этом можете быть уверены.

Когда звуки шагов Доблина затихли, Дудки произнес:

— Ерунда. Он поучает нас, чтобы мы все время находились в напряжении.

— Я не уверен,— возразил Фабер.— Мне кажется, что это затишье перед бурей. Кто знает, может быть, уже сегодня ночью все будет по-настоящему.

В четыре часа прозвучал сигнал тревоги. Я проснулся при первых звуках сирены. Вскочил с койки, сбросил пижамную куртку. Все остальное проделывалось быстро, в установленном порядке: натянуть форму, босиком скользнуть в сапоги, надеть фуражку, на ходу застегнуть снаряжение и сломя голову бежать на плац.

В коридоре я чуть не столкнулся с Доблином, и мне вспомнилось его предупреждение: когда-нибудь последует настоящая тревога с выходом из казарм. Унтер-офицер крикнул:

— Получить оружие!

Что это? На этот раз серьезно? Пустяки! Сколько раз мы забирали оружие и оставались тем не менее в казармах. Но у меня было нехорошее предчувствие, и я задержался. В этот момент на меня налетел Дудки. Я даже пошатнулся, а он, схватив меня за плечи, закричал:

— Быстро, старина, давай-давай скорее!

Это возымело свое действие. Я поспешил за ним, схватил карабин и побежал вниз.

Йорг уже стоял на своем месте.

— Пахнет жареным,— заметил я.— Мне кажется, что-то затевается.

— Ерунда,— возразил он.— В непогоду наш начальник не высунет носа.

— Маленький дождик вряд ли удержит его.

— Ничего не будет, вот увидишь,— сказал он.

Йорг ошибся.

Мергельт подал команду «Смирно» и стал разъяснять задачу.

Выступление командира роты было коротким. Я услышал слова «итоговый марш», и меня бросило в жар. «Итак, вот оно,— подумал я.— Наконец-то ты попался».

Дудки проворчал:

— Ну, счастливого пути.

Двигаясь маршем по горе в сторону деревни, я с ужасом подумал о своих голых ногах. Мы прошли строем по одной из улиц. В некоторых окнах уже горел свет, вдали пропел петух...

Выйдя на шоссе, мы услышали команду «Бегом». «Сейчас они нам покажут,— подумал я.— Обязательно!» Такого оборота мы не ожидали.

Через несколько сот метров я почувствовал в ступнях жжение, которое затем перешло в боль. Я надеялся, что объявят привал и я смогу обернуть ноги портянками, которые лежали в вещевом мешке. Но мы шли все дальше и дальше. Справа и слева раздавались команды: «Штурмовики слева», «Танки справа». Мы развертывались, падали в кюветы, прижимаясь к влажной травянистой почве, вскакивали и, тяжело дыша, устремлялись вперед.

Дождь усилился, над лугом поднялся туман. Воздух

похолодал, и ветер бросал в лицо струи дождя. Но мне было жарко, со лба катился пот. Боль в ступнях усиливалась, становилась невыносимой.

Я закусил нижнюю губу и мысленно приказал себе не думать о боли. Только двигаться, просто двигаться вперед.

Немного погодя начал хромать Камберт, затем Дудки. Что они, тоже?.. Это меня не утешило. Я усилием воли заставлял себя двигаться. Но как долго еще идти? Впереди в тумане показалась крепость. Она вырисовывалась чудовищным темным колоссом, который подпирал небо своими мощными зубцами. Было видно, что сразу же за крепостью завеса тумана рассеялась, разорвалась на отдельные куски, и показались отвесные скалы. Все понимали, что, обойдя этот массив, мы совершим весьма длительный марш. Казалось, что так и произойдет. На развилке мы сошли с главного шоссе и повернули на дорогу, которая круто вела в лес.

Камберт и Дудки хромали все сильнее. Несколько раз я слышал, как они приглушенно ругались. Мне тоже каждый шаг причинял нестерпимую боль. Я думал: «Будет ли наконец отдых?» Но ничто не предвещало его. Командиры отделений и офицеры шагали так, будто только что вышли из казармы. Даже Рудлофф, Пельцер и Завада, которые редко ходили на полевые занятия, выглядели бодрыми. Командир роты слегка втянул голову в плечи и, подавшись вперед, уверенно шагал. Он казался мне ниже ростом и несколько неуклюжим, но проявлял удивительную выносливость. Человек вдвое старше, а держится лучше меня. Нужно собраться с силами и выстоять. Я не хотел, чтобы кто-то знал о моих стертых ступнях.

Ноги скользили по асфальту. Сырая, матово поблескивавшая поверхность его казалась бесконечной. Сколько километров мы прошли? Десять, пятнадцать или еще больше? Я не мог определить. Меня занимала одна мысль: «Лишь бы дойти!» Крепость осталась справа. Таким образом, горы мы обходили. Ноги с каждой минутой болели все сильнее. Мне казалось, что в сапогах находятся гвозди, которые становятся все острее.

Каблуки застучали по булыжнику. Дорога стала хуже. Я морщусь от боли. Пот стекает со лба, но я иду и иду.

Камберт начал спотыкаться. Он сбился с ноги, и ему стоило больших усилий вновь включиться в общий темп

движения. Через несколько сот метров ему стало плохо. Он вышел из строя и прислонился к дереву. Для него марш закончился. Спустя некоторое время он уже карабкался на санитарную машину, следовавшую за колонной. Меня подмывало последовать его примеру. Выйти из строя, залезть на грузовик — и всем мучениям конец.

Я выдвинулся несколько вперед и шел за Дудки. Он сильно хромал. Движения его рук не соответствовали темпу ходьбы. Волосы на затылке взмокли. Остальные солдаты выглядели не лучше: Рицке, Гавенда, Мюллер, даже Хельвиг. Только на Фабера марш не подействовал. Откуда он брал силы?

Из отделения справа один выскочил на обочину. За ним через некоторое время другой. Я подумал: «Как хорошо, что мы не захватили противогазов и касок».

Иногда я слышал хриплое дыхание Дудки. Ругаться он уже был не в состоянии.

Дождь ослабевал. Тучи рассеивались. Изредка еще падали дождевые капли, но уже проглядывало солнце. Оно постепенно поднималось над крепостью и было похоже на красный шар.

«Большой отрезок пути остался позади»,— думал я. После очередного подъема покажется деревня и на горизонте появится маленькое пятнышко казармы. Оттуда мы начинали марш.

Иногда казалось, что командиры отделений и офицеры тоже устали. Завада глубже втянул голову в плечи и больше наклонился вперед. Я глядел на затылок Дудки. «Это твоя точка, на которую ты должен не отрываясь смотреть,— сказал я себе.— Уставься на нее и иди. Передвигай ноги, как и все: левой, два, три, четыре, левой...» Боль сверлила по-прежнему, но казалось, что чем ближе мы подходим к казарме, тем меньше я ее чувствую. Я, как и остальные мои товарищи, еле тащился, задыхаясь на последних подъемах. По прибытии в военный городок я с трудом выдержал построение на плацу, где капитан Завада несколько охрипшим голосом объявил, что он в основном доволен маршем, хотя и были отставшие.

Медленно поднявшись по лестнице в комнату, я свалился на кровать. Дудки тоже упал со стоном на свою койку.

Теперь засну как убитый!

— Что так? — поддел Мюллер.— И никаких мыслей о девушках?

Йорг махнул рукой и со стоном снял сапоги. Я увидел, что портянок на его ногах тоже не было. Ступни распухли, покрылись пузырями и во многих местах кровоточили.

Вошел Доблин. Он усмехнулся, увидев нас на кроватях.

— Ну что, я преувеличивал трудности? — спросил он.

— Преуменьшали, товарищ унтер-офицер, значительно преуменьшали,— возразил Дудки.

— То, что мы сегодня показали, не является достижением,— заявил вечером Фабер.— Еще несколько километров — и у многих бы подкосились ноги.

— Но мы все же вынесли,— сказал я.

— Правда, с некоторым усилием,— заметил Рицке.

— Ну и что? — возразил Бале.— Главное — мы выдержали. Все уже позади и забыто.

— Да, позади,— согласился Фабер,— но не забыто. Это был первый продолжительный марш. За ним последуют еще более трудные. Что тогда? Я полагаю, мы должны быть упорнее. Упорнее и закаленнее. Пограничная служба не конфетка. Всегда нужно быть хитрее противника.

— Тебе все легко,— заявил Мюллер.— Напряжение на тебе не сказывается. То, что для тебя игрушка, для других — мука. Предел достижения не одинаков для всех. Здесь у каждого своя граница.

— Согласен,— заметил Фабер.— Но такой марш должен осилить каждый. Здесь важно не только физическое состояние, но и воля. Нужно найти правильный режим. Каждую учебную тревогу рассматривать как боевую. Некоторые заблуждаются, стремясь любой ценой показать только быструю готовность к построению. Что из того, что они станут первыми на плацу? Важнее, что они покажут в последующем. Кто ищет обходные пути, тот обманывает сам себя.

— Мы все поняли,— сказал Дудки.— Ты сказал предельно ясно. Кроме того, мне обо всем этом напоминают пузыри на ногах. Этого больше со мной не повторится.

— Со мной тоже,— заметил я.

— Будем надеяться,— подытожил Фабер.— Еще будет возможность доказать это.

Через неделю наш взвод был направлен на учения. Мы двигались в восточном направлении. Прямо над нами висело громадное солнце. Его закрывала облачная дымка. «Опять будет жара»,— подумал я.

Дорога привела к развилке. Мы держались правой стороны. Примерно через четыреста метров начался лес, где по колено росла трава. С былинок и листьев спадала роса. Доблин скомандовал:

— Стой! — и доложил Мергельту о готовности отделения к учениям.

— Товарищи! — сказал лейтенант.— Сегодняшние учения являются предварительной проверкой. Они покажут, насколько вы преуспели в вопросах пограничной службы. Поэтому в учения введены различные элементы боевой подготовки. От вас потребуется максимум отдачи сил, напряжения. Надеюсь, что вы постараетесь.

Мы двинулись дальше. Иногда лучи солнца пробивались сквозь ветви деревьев и над землей поднимался пар. Его тонкие струйки устремлялись вверх.

Доблин скомандовал:

— Бегом марш!

Сапоги зашлепали по сырой земле, лужам, разбрасывая грязные брызги. Голубое небо, проглядывавшее сквозь кроны деревьев, казалось, пришло в движение... Оно скользило над нашими головами, как прозрачный поток с зелеными берегами. Я закашлялся. Вокруг меня все тоже кашляли. Казалось, что из громадного баллона толчками выпускают воздух.

Рядом с Рицке бежал Мергельт. Внешне он был полон сил и энергии. Однако, перейдя на шаг, я заметил, что дышит он тяжело. Но это быстро прошло. Вскоре он выпрямился и пошел легко и уверенно.

Лес поредел, начался пустырь. Песок под ногами шуршал, скрипел на зубах. Потом грунт стал тверже. И вскоре справа и слева уже простирались волнистые луга. Кое-где росли деревья. Нам пришлось пробежать достаточно большой отрезок маршрута, постоянно выполняя всевозможные вводные: по ходу движения появлялись штурмовики, танки, снайперы. Мы развертывались, прыгали в укрытия, вскакивали, вновь строились и двигались дальше.

Солнце поднималось все выше и выше. Следующее испытание — преодоление водных преград. Ими стали два

больших болота, покрытых зеленой тиной. Переходили мы их не в строю, а поодиночке.

Передние пошли медленнее. Доблин крикнул:

— Не поднимайте ноги, как журавли! Нет никаких оснований для беспокойства! Почва лишь слегка колеблется!

Стебли камыша закачались, как будто подул ветер.

Тропинка спускалась круто вниз и переходила в дно своеобразного корыта. Затем поднималась вверх, и откосы по обеим сторонам этого «корыта», поросшие сосняком, поднимались все выше и становились все круче. Между соснами кое-где проглядывали лиственные деревья.

Вскоре мы вышли к долине, по которой протекал широкий ручей. Холодная прозрачная вода, журча, быстро текла и отбрасывала к берегу белую как снег пену.

Остановившись у ручья, мы почувствовали сильную жажду.

Ноги были как свинцовые. Очень хотелось отдохнуть. Мюллер сел на камень, закинул руки за голову и потянулся.

— Встать! — приказал Доблин.— Не поддаваться усталости! Сейчас пойдем дальше.

Я посмотрел вокруг. Окружающая местность казалась непроходимой. Скалы доходили почти до ручья и поднимались вертикально. Другой берег, пожалуй, был несколько удобнее для движения. Но как же мы будем переходить ручей?

Доблин вытащил из рюкзака, который мы несли поочередно, аккуратно сложенный канат. На его конце находилась петля. Унтер-офицер схватил конец веревки, покрутил им, как лассо, над головой, затем сильно размахнулся и бросил. Канат со свистом перелетел через ручей, скользнул по дереву на противоположном берегу и упал на землю.

«Напрасная попытка,— подумал я.— Это не так просто сделать».

Унтер-офицер вновь собрал канат и опять завертел им над головой. Петля засвистела, охватила дерево и зацепилась за сук. Доблин натянул над ручьем канат длиной около двенадцати метров и закрепил другой его конец за выступ скалы.

— Мы переправимся через ручей поодиночке,— сказал унтер-офицер.— Как только первый окажется на том берегу, начнет переправу второй.

Он подошел к берегу, схватился за канат, подтянулся. Доблин двигался быстро и без заметных усилий. Достигнув противоположного берега, он поспешил к дереву, проверил, крепко ли держится петля, надежнее укрепил ее и только после этого поднял руку. Следующим был Мергельт. Он также переправился очень быстро.

Наше отделение переправлялось первым. Рицке, Хельвиг, Фабер, Дудки очень быстро очутились на противоположном берегу. Камберту это удалось с трудом.

За ним наступила моя очередь. Я подготовился: карабин закинул за спину, фуражку засунул за ремень. Пошел! Подтянувшись, я пополз по канату. Веревка была жесткой и натирала ладони. Добравшись до середины, я едва не коснулся воды, так как канат провис и начал раскачиваться. «Вперед, вперед»,— говорил я себе. Руки сжимались сильнее. Упираясь ногами в канат, я двигался вперед. Готово! Спрыгнув на землю, я заметил, что Мюллер уже находился на канате. Он переправился без труда. Неудача постигла Гавенду. Сначала все шло благополучно. Но, преодолев треть пути, он вдруг остановился и с ужасом посмотрел вниз.

— Вперед! — кричал ему Доблин.

Гавенда согнул руки и подтянул туловище. Его движения стали порывистыми. От этого канат начал еще сильнее раскачиваться. Руки двигались все нерешительнее, ноги казались бессильными. На середине пути они неожиданно соскользнули с каната и оказались в воде. Он судорожно цеплялся за канат.

— Подтягивайся! — приказал Доблин.

Но Гавенда только болтал ногами.

— Держись! — крикнул Мергельт.

Он подскочил к канату и стал быстро пробираться к Гавенде. Оказавшись рядом, помог Гавенде подтянуться.

— Давай двигайся, друг!

Гавенда поднял ноги и после нескольких попыток зацепился каблуками за канат, который под двойным грузом угрожающе провис.

— Медленно! — сказал Мергельт.— Совсем медленно!

Постепенно они приближались к берегу. Казалось, к Гавенде вернулись силы. И вот уже осталось три, два, один метр. Мергельт спрыгнул и помог спуститься Гавенде. Тот был белый как полотно.

— Я вдруг почувствовал себя плохо,— проговорил он.

— Закружилась голова?

— Да! Казалось, поток завертелся... Но сейчас уже проходит.

— Садитесь! — приказал Мергельт. — И глубже дышите!

Балс и Циндель переправились без происшествий, так же как и солдаты двух других отделений.

Доблин приказал построиться, Мергельт объявил:

— Сейчас нам предстоит выполнить главную задачу. Обстановка такова. Прорвались два нарушителя. По пологому берегу проходит контрольно-следовая полоса. Нарушитель прошел тридцать минут назад. Это значит, что он преодолел три-четыре километра. Мы допускаем, что он знает местность или пользуется подробной картой... Первым нарушителем будете вы, товарищ Фабер. Второго выбирайте сами.

Зиги вышел вперед, посмотрел на товарищей и сказал:

— Товарищ Биляк!

Я встал рядом с ним. Мергельт вручил нам карту и компас. Мы подпоясались и засунули фуражки за ремни. Доблин взял мой карабин, а Мергельт — Зиги.

— Вперед! — скомандовал он и посмотрел на часы. — Через три минуты начнем погоню.

Мы карабкаемся по прибрежным зарослям, пересекаем каменистую, поросшую молодыми буками поляну. На следующем подъеме Зиги остановился. Он развернул карту, определил наше местонахождение, затем показал на точку в ней и сказал:

— Мы должны пройти к этим скалам.

— Должны? — спросил я.

— Да, таков приказ.

Мы пробирались через заросли. Зиги шел все быстрее. Я с трудом поспевал за ним.

— Почему ты не побежал сразу? — спросил я его.

Он не ответил и помчался дальше, изредка на ходу сверяя наш маршрут с картой.

Ландшафт постоянно менялся: за лесом был луг, затем болото. Зиги умел находить сухие тропинки. Только иногда под сапогами чавкала грязь. Увидев большую чистую лужу, я нагнулся, зачерпнул воды и плеснул себе на разгоряченное лицо.

— Пошли! — торопил Зиги.

Я снова побежал за ним. Почва становилась все тверже, каменистее, и, когда мы вышли из зарослей, я увидел скалы. Они были беспорядочно разбросаны вокруг и спра-

ва казались несколько пологими, слева — крутыми, а наверху раскинулось плато.

Зиги заметил, что я отстаю.

— Быстрее! — Он махнул мне рукой.

Я побежал быстрее и нагнал его уже около скал.

— Что дальше? — спросил я.

— Полезем наверх.

«Только этого не хватало»,— подумал я. Мы поднялись на скалы со стороны, где были многочисленные впадины и выступы. Выше находился сплошной массив с небольшой площадкой посередине. Местами ее покрывал мох. Мы расположились на ней. Зиги развернул карту, положил рядом компас и сказал:

— Ну теперь у нас есть время.

— Мне кажется, немало. Вряд ли нас здесь кто-нибудь найдет.

— Посмотрим.

Солнце безжалостно жгло лицо, но я лежал спокойно, не двигался. «Все, что ему поручают, он делает на совесть,— подумал я.— Так ты никогда ни к какому делу не относился и, может быть, поэтому мало чего достиг».

Когда лицо стало гореть, я перевернулся со спины на живот, подперев голову руками.

— Тебе можно позавидовать,— сказал я.— Ты точно знаешь, что тебе нужно, и поэтому тебе все удается.

— Не все,— возразил он.— Есть вещи, которые только силой и волей не достигнешь.

— Регина?

— Да. Мне кажется, она не выдержит.

Я смотрел перед собой. По мху карабкалась божья коровка, потом, подняв крылышки, она полетела. Я наблюдал за ней до тех пор, пока она не исчезла.

Вдруг я услышал какой-то шум: по скалам карабкались. Затем вниз сорвался камень. Кто-то вполголоса выругался. Это был Дудки. Я прошептал:

— Они пришли.

— Да,— сказал Зиги.— Молодцы.

Он засмеялся.

Дудки разливал водку. Мы сидели вдвоем. Жена его давно легла спать. Было около двух часов ночи.

— Это последний стакан,— сказал я.— Больше не могу, мне пора идти.

— Кто тебя гонит? — спросил Йорг.— Можешь безмятежно спать здесь. Если хочешь, прямо на этой кушетке.

— Нет-нет, меня ждет Инга.

— Как хочешь.

Я засмеялся.

— Выпьем за твою удачу,— предложил Йорг.

Мы опорожнили стаканы, и я поднялся.

— Ты действительно хочешь обо всем написать?

— Конечно.

— Н-да... От Гизелы придется скрыть твою книгу.

— Не беспокойся, опасности нет. До книги еще далеко.

В саду пахло цветами и свежим сеном. Когда мы шли по узкой тропинке, Йорг поддерживал меня за руку. Мы прошли через разрытый участок, и он показал свой дом:

— Мы здесь всего год. Дом получили в наследство после смерти тещи. Детям здесь лучше, чем в городе. Но для приведения его в порядок придется немало потрудиться.

Мы пошли дальше. У калитки Дудки остановился, посмотрел на меня и сказал:

— Скоро сюда вернется Дагмар. Она будет заведовать амбулаторией.

— Я знаю.

— Ты придешь?

Пожав плечами, я сказал:

— Может быть.

Часть третья

ИСКУШЕНИЕ

1

В первый раз я увидел Дагмар в гастхаузе «Под липой». В ту пору это был самый большой кабачок в деревне и находился он на перекрестке главных дорог.

В восемь часов мы заняли угловой столик. Не было только Зиги и Йорга...

На построении перед увольнением мы были все вместе. Хауптфельдфебель Рудлофф тщательно осмотрел нас. Он обращал внимание на все: как побриты, пострижены,

как повязан галстук, имеется ли носовой платок, расческа, начищены ли пуговицы, есть ли складка на брюках, в каком состоянии ботинки. Каждому из нас он делал какие-нибудь замечания.

— В небрежном виде вы не должны появляться в общественном месте,— заявлял он.— Вы не должны меня подводить. Я не выпущу разгильдяев из казармы. Итак, кругом марш — на объект. Устранить все недостатки. Через двадцать минут у вас все должно быть в порядке! Ясно?

— Ясно, товарищ хауптфельдфебель!

Все мчались в казарму. Когда мы выстраивались внизу во второй раз, Рудлофф был доволен. Он отходил на несколько шагов назад и критически осматривал нас всех еще раз.

— Лучше закусывайте,— сказал он,— и не опаздывайте к отбою!

Встав по стойке «смирно», он скомандовал:

— На выход, шагом марш!

До дороги я шел вместе с Зиги и Йоргом. Не дойдя до деревни, Йорг повернул влево и сказал:

— Всего хорошего, ребята!

Вдогонку Мюллер крикнул ему:

— Ты что, опять к своей Юлии? С нами не хочешь провести вечерок?

Не сказав ни слова, Дудки удалился.

В это время Зиги произнес:

— Мне хочется подышать свежим воздухом. Может быть, я вернусь к вам, но попозже.

Ссутулившись, он постоял некоторое время, как бы ожидая, не подойду ли к нему, но я повернул со всеми ребятами направо, а Зиги ушел один.

— У него, несомненно, какие-то планы,— заявил Мюллер.

— Дело совсем в ином,— сказал я.

Мне было известно о переживаниях Зиги. Он вел себя сдержаннее, чем прежде, все реже улыбался. Когда Зиги получил письмо, он, быстро проглотив обед и не попросив, как обычно, добавки, ушел в комнату. Открыв дверь, я увидел, как он свернул письмо, положил его вместе с конвертом в боковой карман, затем, не говоря ни слова, вышел.

После обеда мы карабкались по скалам. Доблин стоял, как обычно, наверху, на плоском выступе. Зиги не отры-

ваясь смотрел в реку, как будто искал ответа на мучивший его вопрос.

Вечером я встретил его у забора, которым был обнесен городок. Он стоял и молча смотрел вдаль. Когда я подошел ближе, он только слегка повернул голову.

Мы долго молчали. Я наблюдал, как солнце закатывалось за цепь гор.

— Письмо было от Регины,— сказал он наконец, не глядя на меня.— Она меня бросила.

Официант принес пива. Гавенда произнес:

— За ваше здоровье, ребята! Пейте и завидуйте Зиги, его любовному свиданию!

— Ты что, действительно так думаешь? — спросил Хельвиг.

— Конечно,— ответил Гавенда.— В тихом омуте черти водятся. Он сейчас наверняка развлекается с какой-нибудь симпатичной девушкой. Или вы думаете, что он гуляет один?

— А почему бы и нет! — заметил Циндель.— Иногда хочется побыть одному.

Пока они спорили, я рассматривал зал. Все столы были заняты. Вскоре в проеме показалась Дагмар — молодая стройная девушка. На ней были замшевая куртка и черные брюки. Темные волосы спадали ей на плечи. Она осмотрела прокуренный зал, подошла к стойке, купила бутылку водки и две плитки шоколада и направилась к выходу. Я поднялся вслед за ней.

Девушка рассматривала в прихожей афишу. Я встал рядом, прочел афишу и сказал:

— Неплохой оркестр.

— Вы хотите пойти?

— Я не большой любитель танцев, но если вы придете...

— Я вынуждена вас огорчить...— Дагмар повернулась и пошла.

Я стоял в нерешительности, потом двинулся за ней. Но она быстро села в автомобиль, включила мотор и уехала, даже не взглянув в мою сторону.

«Увалень,— подумал я, провожая взглядом машину, пока она не скрылась за поворотом.— Тебе встретилась девушка, которая понравилась, а ты при первой же беседе с ней вел себя как идиот».

Расстроенный, я вернулся в зал. Друзья заметили это. Бале спросил:

— Что, она тебя отшила?

— Кто?

— Не прикидывайся!

— Все ведь видно. Нас не проведешь!

— Малютка тебе не подходит,— сказал Мюллер.

— Неужели? — удивился я.— А почему?

— Она учится на медицинском факультете,— пояснил он.— Ее отец — главный врач больницы, и она ему иногда помогает.

— Ну и почему же они не могут подойти друг другу? — допытывался Рицке.

— Такие не путаются с солдатами,— пояснил Гавенда.

— Почему же? Объясните! — приставал Циндель.

Я больше не слушал. Меня беспокоил Зиги. Куда он делся?

Мюллер громко рассказывал о чем-то. До меня долетали лишь обрывки его речи. Все чаще я посматривал на часы и на дверь. «Почему не пришел Зиги?» — думал я. Начало темнеть. Когда Мюллер замолчал и взялся за свою кружку, я сказал, что ухожу.

— Куда это ты? — спросил Гавенда.

Я протянул Рицке десять марок:

— Заплати, пожалуйста, за меня.

Затем встал, на ходу поправил ремень, у выхода надел фуражку и задержался на секунду у афиши. На улице не было ни одного человека, только изредка проносились мотоциклы. Многочисленные фонари, казалось, терялись в темноте.

«Что тебе нужно? — спрашивал я себя.— Неужели ты думаешь найти Зиги? Здесь имеется сотня мест, где он может находиться». Справа вынырнуло приземистое здание «Дорфкруг», куда мы время от времени заходили выпить кружку пива. Яркий свет из окон падал на прямоугольные камни мостовой. Я вошел в пивной зал. От едкого табачного дыма перехватило дыхание. Понадобилось некоторое время, чтобы разглядеть посетителей. Это были преимущественно пожилые люди, несколько оживленнее, чем обычно, обсуждавшие какие-то проблемы. Зиги среди них не было.

Выйдя из помещения, я с облегчением вздохнул, пошел вдоль сельской улицы и свернул налево. Дорога под-

нималась круто вверх, и через несколько минут я добрался до обзорной площадки, с которой днем можно было видеть всю долину. Под развесистым буком стояла скамейка. Недавно мы с Зиги сидели на ней. Сейчас она была пуста.

Внизу виднелись дома, между ними протекал ручей, за ними — пашни и луга, а на горизонте величественно возвышалась крепость.

«Как здесь красиво»,— думал я.

— Мы выбрали хорошее место,— сказал тогда Зиги. Затем полез в карман, вытащил маленькую бутылку водки и поставил ее на скамейку: — Имеется повод для торжества. У Регины сегодня день рождения.— Он откупорил бутылку: — Выпьем же за это...

Прислонившись к буку, под ногой я почувствовал что-то твердое. Это была пустая бутылка, оставшаяся здесь с тех пор. Подняв бутылку и подержав несколько секунд в руке, я отбросил ее подальше.

Спустя некоторое время вышел на дорогу и направился вниз, в деревню, где на окраине находился маленький гастхауз. Он был уже закрыт, но в окнах еще горел свет. Я подошел к одному из них и заглянул внутрь здания. Оно было пусто. Только хозяин стоял за стойкой и, хмурясь, мыл посуду.

«Все! — подумал я.— Бесполезно дальше разыскивать Зиги. Он, может быть, уже вернулся в казарму».

Я поплелся обратно. Чтобы сократить путь, пошел через маленький лесок, мимо скал, на которые мы часто забирались во время занятий. Я вскарабкался наверх. Далеко внизу поблескивала Эльба, как струя расплавленного свинца. В зеркале воды плясало отражение луны, и вокруг нее расплывались пятна от звезд.

Когда я шел через проходную, дежурный удивленно посмотрел на меня:

— Что это сегодня произошло с вами? Пиво не понравилось или вы все обанкротились? Несколько минут назад еще один притопал.

«Зиги»,— подумал я и поспешил вверх по лестнице. В комнате было темно. У окна я заметил неподвижную фигуру. Опершись о подоконник, Зиги всматривался в темноту.

— Старик! Зиги! А я тебя ищу!

Он повернулся и посмотрел на меня.

— Я был у девушки,— сказал он.

— Так быстро утешился? Я не верю!

— А все же это так. Я был у кельнерши гастхауза на окраине деревни. Хозяин закрыл его уже в восемь часов. Проводил ее домой, но у нее пробыл недолго. Мне было не по себе.

Он замолчал и, сильно сжав правой рукой створку рамы, начал раскачивать ее.

— Да,— сказал я,— тебе можно только посочувствовать. И что думаешь делать дальше?

— То же, что и раньше,— ответил Зиги.— Завтра на уборке урожая я буду опять в форме. Ты сам это увидишь.

В шесть часов грузовые машины стояли перед казармой в полной готовности. Наш взвод выехал в сельскохозяйственное товарищество, расположенное от нас примерно в пятнадцати километрах. Из офицеров с нами поехали Мергельт и Пельцер.

— Товарищество просит нас помочь в уборке урожая,— говорил нам заместитель по политчасти на утреннем построении несколько дней назад.— Зерно необходимо в кратчайшие сроки убрать в закрома, а солому — в сараи. Мы ждем вас в воскресенье. Приказаний я не отдаю, рассчитываю на вашу сознательность. До среды я ожидаю решения отделений и взводов.

За завтраком Зиги заявил о своем желании ехать в товарищество и поинтересовался нашим мнением.

— Мы тоже за,— ответил Рицке.

— Само собой разумеется,— подчеркнул Дудки.

А я добавил:

— Но мы никого не принуждаем.

Остальные тоже согласились. Лишь Камберт ломался:

— Если это обязательно...

— Ты что, лентяй? — посмеивался Циндель.

Два других отделения тоже охотно откликнулись на призыв и согласились принять участие в воскреснике. Зиги доложил о готовности нашего взвода к поездке.

Когда мы сошли с транспортных машин, крестьянки угостили нас бутербродами и горячим кофе.

— Черт возьми,— удивился Гавенда,— вот это прием!

— По принципу,— заметил Хельвиг,— путь к сердцу солдата лежит через его желудок.

Поле казалось необозримым. На нем уже работала

косилка. Мы вязали снопы и устанавливали их в крестцы. Прилежнее всех трудился Зиги. Он был всегда впереди.

— Давай, ребята,— кричал он,— дружнее, а то мы не заработаем даже на ужин!

Мы работали быстро и все же не поспевали за Зиги. Только Пельцер мог тягаться с ним.

Справа от меня работал Мергельт, он двигался проворно и все время находился на одном уровне со мной. Иногда он кашлял. Очевидно, его раздражала пыль.

От быстрой работы нам стало жарко. Мы разделись до пояса, но и это не принесло облегчения: вскоре мы вновь покрылись потом. В десять часов объявили перерыв на второй завтрак. Мы уселись в тени кустов, росших в центре поля.

— Ну, товарищи, поздравляю вас с приобретением опыта сельскохозяйственных работ,— сказал Пельцер.

— Вас тоже, товарищ обер-лейтенант,— ответил Дудки.

— У меня уже была практика. На Украине.

К полудню половина клина была уже убрана.

Пообедав, Зиги тотчас же встал.

— Пошли, друзья! — сказал он.— Каждая минута дорога.

Мы трудились как одержимые, почти без отдыха. Лишь закончив работу, мы почувствовали, как ныли кости, горела покрасневшая кожа. Мергельт кашлял все сильнее.

Вечером мы поехали в один из гастхаузов. Там в большом зале стояли накрытые столы. Председатель товарищества поблагодарил нас и похвалил за ударный труд. После ужина заиграл местный оркестр, появились девушки, начались танцы. Дудки, не обращая внимания на рабочую одежду и пыльные сапоги, тотчас же одну из них пригласил на танец. Танцующих становилось все больше. За столом остались только Фабер, Камберт и я. Я допил свой стакан пива и, заметив девушку, глядевшую в мою сторону, пригласил ее танцевать. Она чем-то напоминала Дагмар, но, когда оказался с ней рядом, понял, что ошибся.

2

Скрипнула дверь. Кто-то тихо вошел. Шорох разбудил меня. Я взглянул и узнал Мергельта.

— Вставай, соня! — промолвил он.

Я протер глаза, зевнул, почувствовал тяжесть в голове и подумал: «Слишком много выпил без привычки». Взглянул на часы. Было почти десять. Потянувшись, спросил Мергельта:

— Ну как, уехали ваши родственники?

— Да,— ответил он,— еще спозаранку.

Я спрыгнул с кровати, наклонился несколько раз, вытянув руки с глубоким выдохом, и подошел к окну.

— Отличная погода.

— Специально заказана,— сказал Мергельт.— Давай завтракай, и пойдем. Ты хочешь погулять?

— Конечно. А тебе можно пойти со мной?

— Почему же нет?

— Ты же здесь начальник и можешь понадобиться.

— Временно все сделает фельдфебель,— успокоил меня Мергельт.— А его обязанности здесь выполняет Инга, что для меня особенно приятно.

— Тогда я спокоен.

Мы увидели Ингу на кухне. Она стояла у плиты и что-то помешивала в кастрюле. Заметив меня, она вытерла руки о фартук, дружески поздоровалась и спросила:

— Зачем он тебя так рано поднял?

Она выглядела как и два года назад, когда была у нас с Мергельтом: такая же стройная, хотя теперь у нее было трое детей. Ясные глаза блестели приветливо, как и тогда. Только в темных волосах появились серебряные нити.

Я завтракал в комнате.

— У тебя есть какие-нибудь планы? — спросил Мергельт.

— Нет. Давай уедем отсюда и по пути что-нибудь придумаем.

Инге Мергельт сказал:

— До вечера нас не жди.

Вскоре мы уже подъезжали к деревне, остановились у гастхауза «Под липой». Его фасад перестроили, заменили и входную дверь, к которой вела широкая лестница.

— Здесь теперь Дом культуры,— сказал Мергельт.

Мы свернули налево и увидели свежевыкрашенные дома с широкими окнами и пристроенными террасами. Много было и новых домов.

За деревней Мергельт увеличил скорость и вскоре свернул на узкую полевую дорогу.

— Ты на наше учебное поле?

— Да. Теперь его не узнать. Там сейчас ферма по разведению фазанов.

И действительно, бывшие окопы были засыпаны и заросли травой, повсюду разгуливали большие, с красивым оперением, птицы. Иногда они пытались взлететь, но наталкивались на металлическую сетку, которая покрывала наше бывшее поле для тактической подготовки.

Мергельт спросил:

— А теперь куда?

— Может быть, по направлению к границе? Там, недалеко от Грауркока, есть густой, вытянутый вдоль реки перелесок. Ты помнишь его?

Узкая полевая дорога проходила между двумя высотами. Машина набирала скорость. Справа и слева стояли деревья, их окутывал туман, особенно плотно задерживавшийся в кронах.

— Нельзя ли быстрее? — спросил Дудки.— Пока мы доедем, все уже кончится.

— Или мы заблудимся, и нарушители будут легко захвачены ребятами из первого наряда,— сказал Хельвиг.

— Ну и что? — спросил Мюллер.— Не так часто бывает, чтобы дичь сама летела на мушку.

— Мне кажется, Мюллер, ты не очень торопишься,— заметил Рицке.— У тебя, наверное, уже началась медвежья болезнь.

— Ерунда! — воскликнул Мюллер.— Я никогда ничего не боюсь.

— Конечно нет,— заметил Гавенда.— Ты из тех, которые утверждают: «Я не трус, но я боюсь».

— Заткнись,— проворчал Мюллер,— или...

— Что «или»? — спросил Гавенда и ухмыльнулся.

Мюллер засопел, но не успел закончить фразу, поскольку вмешался Зиги.

— Прекратите базар! — крикнул он.— У вас еще будет возможность показать свои силы и смелость.

— Правильно,— поддержал его Мюллер.— Нечего орать без толку. Если так будет продолжаться, то нарушители почуют нас за три километра против ветра и нам не удастся схватить их, если даже они и будут поблизости.

«Конечно,— подумал я.— Но непонятно, зачем нарушают границу? Следы нарушителей быстро обнаружива-

ют и их преследуют, в пограничной зоне или ближайшем тылу почти всех задерживают. А если кому-то и удается пройти, то с помощью республиканского розыска его все равно обнаруживают».

Машина остановилась. Мергельт выбрался из кабины водителя и начал о чем-то говорить с фельдфебелем с заставы из Граурюка. Тем временем Доблин построил взвод. Меня знобило. Промозглая сырость проникала всюду. Трава была покрыта росой. Мергельт вышел вперед.

— Товарищи! — сказал он.— Сегодня вы можете показать на практике, чему научились. Мы ищем нарушителя границы, опасного преступника, который, вероятно, вооружен. Я прошу быть особо бдительными! Предположительно преступник скрывается где-то в этой местности. Шоссе контролируется солдатами заставы из Граурюка. Наша задача состоит в том, чтобы прочесать местность до реки.

Доблин принял командование взводом.

— Напра-во! Шагом марш!

Полевая дорога вела вниз. Чем ближе мы подходили к реке, тем гуще становился туман. «Парень выбрал удачный день»,— подумал я.

Мы услышали издалека шум, и через некоторое время из серых хлопьев тумана показались очертания повозки. Кучер придержал лошадь, поздоровался и спросил:

— Кого-то ищете?

— С чего это вы взяли? — спросил Мергельт.

Доблин скомандовал нам остановиться.

— А я видел какого-то подозрительного.

— Когда?

— Примерно четверть часа назад. На спуске, недалеко от перекрестка. Когда я стоял у дерева, мне показалось, что мелькнула какая-то тень. Сначала я подумал, что это зверь, олень например, а затем услышал, как Лизи — это моя лошадь — рванулась из упряжки. Я бросился к повозке. Кто-то отпрыгнул в сторону и исчез в тумане. «Чистое наваждение»,— подумал я и начал сомневаться, не почудилось ли мне все это, тем более что недавно я немного выпил, чтобы согреться. Но, погладив Лизи, которая все время прядала ушами, я заметил, что она наполовину распряглась.

— Старик,— прошептал Дудки,— вот это дела!

Мергельт поблагодарил крестьянина, и Доблин приказал продолжать марш.

— Все это неспроста! — крикнул нам вслед мужчина.

Он ударил вожжами и щелкнул языком. Лошадь тронулась, телега покатилась.

У развилки мы остановились. Слева, совсем близко, шумела река, но мы ее так же не видели, как и деревню, которая находилась впереди.

Мергельт вполголоса приказал:

— Двигаться вверх по склону. Если нарушитель прорвется, он попадет на цепь, блокирующую дорогу.

Унтер-офицеры вывели из колонны свои отделения. Наше было на правом фланге.

— Держитесь друг от друга на расстоянии зрительной связи и не нервничайте,— сказал Доблин.— При встрече с нарушителем помните, что мы в подобных случаях прорабатывали на учебных занятиях.

Мы развернулись на дистанцию пять-шесть шагов. Большего расстояния не допускал туман. В положении «автоматы на руку» мы пробирались через лес. Там было еще темнее. Кусты и деревья еле различались. Я с напряжением смотрел вперед и по сторонам. Однако Мюллера и Камберта, двигавшихся рядом со мной, я еле различал. Они маячили как призрачные тени. Идущих за ними уже почти совсем не было видно, и об их существовании можно было лишь догадываться. Я шел впереди как в стране призраков, по которой бесшумно двигались мистические фигуры. Лишь кое-где трещали сухие сучья да со свистом распрямлялись задетые нами ветки.

Примерно через сто метров лес поредел. Иногда встречались кусты, деревья стояли далеко одно от другого. У них были мощные стволы, а первые от земли сучья начинались на высоте трех-четырех метров. «Здесь он вряд ли мог укрыться», — подумал я и вздрогнул, когда в низком кустарнике что-то зашуршало. Я раздвинул ветки стволом автомата, но ничего не обнаружил. Вероятно, пробежал какой-то зверек.

Выйдя на поляну, Доблин тихим свистом собрал нас. Мюллер был бледен, а Гавенда тяжело дышал. Дудки ругался:

— Идиотский туман спутал нам все карты. Если даже нарушитель здесь, то найти его так же трудно, как иголку в стоге сена.

— Без паники! — потребовал Доблин.— Если нарушитель в лесу, он от нас не уйдет. Пока все шло нормально. Теперь важно не ослаблять бдительности.

Прежде чем мы вновь развернулись в цепь, он еще раз напомнил о необходимости быть внимательнее и особенно тщательно осматривать деревья, по которым можно залезть наверх.

Мы продолжали поиски. Между буками, дубами и кленами все чаще попадались ели и сосны. Толстый слой опавшей хвои приглушал наши шаги. Туман понемногу рассеивался. Отдельные лучи солнца робко проглядывали сквозь чащу леса.

Я внимательно осматривал каждый подозрительный ствол и крону, раздвигал кусты, приглядывался к почве. Метр за метром я продвигался вперед, не обнаруживая ничего необычного. Только иногда пролетала птица, да два зайца промчались мимо меня по поляне. Время бежало. Постепенно мне становилось жарко, голова под фуражкой взмокла.

Под одной из сосен мое внимание привлек затоптанный папоротник. Нагнувшись, я заметил среди сухой хвои влажное пятно. След! Я посмотрел на дерево и увидел сломанную ветку. Выше ветви сплелись в сплошной шатер. В десяти шагах от меня шел Мюллер. Дал ему знак подойти ко мне, указал на сосну. Тот сразу же закричал:

— Я его вижу, он сидит на дереве.

Мне стало жарко. Руки сильнее сжали карабин.

— Слезайте,— приказал я,— вы окружены!

Некоторое время все было тихо. Затем я услышал шорох. Вслед за этим раздвинулись ветви — и на нижнем суку показался мужчина. Помедлив несколько секунд, он спрыгнул на землю. Передо мной стоял черноволосый среднего роста человек. Он хмуро смотрел на меня. Когда я направил на него оружие, он поднял руки.

3

— Где-то там происходило все это,— сказал я и показал на лесной массив, покрывавший большую часть склона и спускавшийся почти к шоссе.

— Точно,— подтвердил Мергельт,— я тоже вспоминаю.

Я взглянул на долину, где протекала река. На обоих ее берегах расположились дома Граурюка, острым шпилем вздымалась вверх колокольня.

— Пройдемся немного,— попросил я.— Или тебе тяжело?

— Нет,— ответил он.— Лесной воздух мне полезен.

Он закрыл машину, и, перейдя через маленькую лужайку, мы пошли по узкой тропинке между деревьями. Здесь было прохладно. Лесную тень лишь изредка пробивали лучи солнца.

— Тогда погода была менее благоприятной,— сказал я.— И тем не менее мы его схватили.

— Хотя он все тщательно подготовил и рассчитал,— заметил Мергельт.— Но что значат все трюки врагов, если один не верит другому. Мы даже непогоду использовали в своих целях. Если бы понадобилось, мы достали бы даже водяного из Эльбы. Но однажды здесь разгорелся жаркий бой. Четырем бандитам, которые хотели прорваться через границу, терять было нечего. Они отстреливались до последнего патрона. Один был убит в перестрелке, другой подорвал себя гранатой. Когда мы после часовой осады ворвались в сарай, в живых остались двое.

— По сравнению с ними наш первый нарушитель был безобидным,— сказал я.— И, несмотря на это, его задержание казалось мне большой победой.

Мы сидели за двумя сдвинутыми столиками. Пришел и Дудки. Когда Мюллер хотел рассказать, как поймали нарушителя, Дудки обратился ко мне:

— Расскажи лучше ты!

— Почему?

— Потому что нарушителя обнаружил ты.

— Он прав,— подтвердил Гавенда.

— Как же это произошло? — спросил Рицке.

Дудки первым поднял стакан:

— За наш успех! Но, извините меня, я должен идти. Служба...

— Так не годится, — сказал Гавенда. — Давай пей!

— В другой раз,— возразил Йорг. Он расплатился с проходящим мимо кельнером.— Ну, всего хорошего. Развлекайтесь, но не перебирайте. Всегда помните: военная форма обязывает.

Музыканты поднялись на эстраду и стали настраивать инструменты. Я все чаще посматривал на дверь. Но напрасно. Не нужно было заказывать кельнеру свободный столик. Она не придет.

Когда оркестр заиграл, многие поднялись с мест и начали танцевать. Только Зиги продолжал сидеть, уставившись в одну точку. Вероятно, думал о Регине.

— Выпьем,— предложил я.— У нас одна причина.

Когда я поставил стакан, Дагмар уже стояла в дверях. Она была в замшевой курточке и узкой юбке. Казалось, девушка не намеревалась танцевать. Ее взгляд скользил от стола к столу. Я встал и поспешил ей навстречу. Она заметила меня не сразу, а увидев, улыбнулась.

— Добрый вечер,— сказал я.— Как хорошо, что вы пришли.

— Я заглянула только на одну минуту. Остаться не могу.

— Жаль, заказан отдельный столик.

— Да? — Она засмеялась, и я заметил, что у нее голубые глаза.— Вы проявляете удивительную поспешность. Это всегда так?

— Нет, редко.

Мы загородили тесный вход, и некоторые парни вынуждены были протискиваться между нами. Я стал ближе к Дагмар.

— Там наш стол. Прошу, останьтесь.— Она была в нерешительности.— Прошу,— повторил я.

— Ну хорошо, останусь.

Мы прошли через зал мимо танцплощадки, где неподалеку сидели и смотрели в нашу сторону Гавенда и Бале.

— Что будем пить?

— Шампанское,— ответила она,— но вряд ли оно здесь есть.

— А может быть, нам повезет? — сказал я и позвал кельнера.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Принесите шампанского.

— Советского?

— Пожалуйста.

«Для нее это кажется обычным,— думал я.— Впрочем, этого нужно было ожидать. Кто ездит на собственном автомобиле, вряд ли будет пить сидр».

— А у вас хватит денег? — спросила Дагмар.— Вы, наверное, не так много получаете.

— Хватит.

— Это правда?

— Да. Потанцуем? — спросил я.

Она встала, и мы пошли к танцевальной площадке. Зиги смотрел в нашу сторону.

Танцуя танго, я крепче прижал Дагмар к себе. Она не отстранялась, правда, сказала:

— Я удивляюсь.

— Чему?

— Слишком вольному поведению. Разве военный этикет не запрещает?

— С какой стати?

— Не знаю. Я слышала, что военным запрещают танцевать модные танцы в общественных местах. Это правда?

— Правда.

— Зачем же вы нарушаете правила?

— Лучше оставим разговор на эту тему.

— А если все-таки об этом узнают,— допытывалась она,— вас накажут?

— Не волнуйтесь.

Музыка смолкла. Мы пошли к столику. Кельнер принес шампанское и разлил его. Мы подняли бокалы и чокнулись.

— За то, что вы здесь!

— Это повод,— согласилась она.— Я бываю здесь крайне редко.

Мы танцевали все туры. Оркестр играл слоу-фоксы, блюзы. Иногда я посматривал на Зиги. Он сидел один и много пил. Затем он подошел к нашему столику и спросил, может ли пригласить Дагмар на танец.

— Конечно,— ответил я.

Когда они вернулись, я поинтересовался у Зиги, не хочет ли он разделить с нами компанию.

Он вопросительно взглянул на Дагмар.

— Я ничего не имею против,— сказала она.

Он сел на стул рядом с ней. Я попросил кельнера принести третий бокал.

Как только оркестр заиграл буги, Дагмар оживилась и стала притопывать в такт музыке. Во время танца я почувствовал, как она прижалась к моей правой руке, затем вырвалась и повернулась вокруг левой. Когда я вновь схватил ее за талию, она засмеялась и спросила:

— Не доверяете?

— Полностью доверяю.

Дагмар была прекрасна, она как будто вырвалась на свободу.

Когда мы сели, на столе стояла уже новая бутылка шампанского.

— Она нам сейчас безусловно понадобится,— сказал

Зиги.— Дагмар так мастерски танцевала... Хорошо, что рядом не было хауптфельдфебеля.

— Почему? — спросила Дагмар.— Я думаю, он смог бы станцевать вальс.

— Лучше не надо,— проговорил я.

— Только с тобой он бы, пожалуй, начал другой танец,— заметил Зиги.

— Ну и что? Не сразу же он накинулся бы на меня и отправил па гауптвахту.

— Вы уже бывали там раньше? — спросила Дагмар.

— Да.

— А вы? — Она повернулась к Зиги.

— Еще нет.

— Тогда у вас чего-то не хватает. Я слышала, что плох тот солдат, который не сидел на гауптвахте...

— У нас не так, — возразил Зиги. — У нас это бывает редко.

Вновь загремело буги. Дагмар посмотрела на Зиги. Он отвел ее в угол площадки. Я следил за тем, как они танцуют. Через некоторое время она также попыталась выскользнуть из его объятий и хотела закружиться, но Зиги крепко держал ее и не отпустил. Подойдя к столику, Дагмар сказала:

— Ваш друг не дал себя перехитрить. Чтобы соблюсти военный этикет, он даже использовал свою медвежью силу.

Девушка говорила с иронией, но мне казалось, что она удивлена. Очевидно, поведение Зиги ей больше понравилось, чем мое.

Немного погодя, когда мы на некоторое время остались с Зиги вдвоем, он, осушив свой бокал, подсел ближе и посмотрел на меня:

— По-моему, нам нужно объясниться. Я не намереваюсь отбивать ее у тебя. Конечно, она мне нравится, но ты первый познакомился с ней.

— Все это так, — возразил я, — но здесь важно, кого предпочтет она.

«Ты сошел с ума,— тут же подумал я.— Как ты мог сказать такую чушь? А вдруг она предпочтет его?»

Когда Дагмар вернулась, я сказал:

— Оркестр сейчас будет играть последний танец. А мы еще не решили...

— Что? — спросила она.

— Кто вас проводит домой...— ответил я.

Она засмеялась, и я впервые заметил, что у нее среди нижних резцов имеется отверстие.

— Может быть, вы бросите жребий? — пошутила она.

— Нет,— возразил я.— Мы предоставляем выбор вам.

— Это очень просто,— сказала она.— Я за обоих. В этом случае я буду находиться под двойной защитой.

«Уклоняется,— подумал я.— Не хочет или не может сделать выбор?»

По дороге мы изощрялись в остроумии и были довольны, если она смеялась. Затем разговор стал менее оживленным, и, когда свернули на темную немощеную улицу, мы вообще умолкли. Наконец Дагмар остановилась у сада, в глубине которого были видны контуры дома.

— Мы пришли,— сказала она.— Спасибо за доставку.

Когда она протянула мне руку, я спросил:

— Если опять будут танцы, вы придете?

— Может быть.— И она скользнула в кованые железные ворота.

4

Мергельт забрался в автомобиль и открыл дверцу. Когда я сел рядом с ним, он спросил:

— Куда дальше?

— Неподалеку была больница,— сказал я.

— Совершенно верно,— подтвердил он.— Там сейчас дом отдыха для молодежи. Но мы можем подъехать. Хочешь?

— А для тебя это не очень обременительно?

— Если бы там была больница, я бы не поехал,— заметил Мергельт.— Слово «больница» во мне вызывает самые неприятные ощущения.

Я вновь мысленно вернулся к прошлому. В ту пору мне довелось учиться в литературном институте. Долгое время от Мергельта не было никаких известий. Наконец получив от него письмо, я узнал, что он тяжело болен.

Я взял отпуск и наутро выехал к нему. Мергельт выглядел бледным, но чувствовал себя уже лучше. Только гигантский шрам от лопатки до поясницы продолжал еще болеть.

— К счастью, можно было оперировать,— промолвил он.— При туберкулезе это самый радикальный способ лечения. В противном случае проводят месяцы, а то и годы в больницах и специальных санаториях. Если я выздоров-

лю окончательно, буду заведующим юношеским лагерем, который откроют в бывших казармах. Конечно, придется перестраиваться. Ну да это не страшно. Главное — приносить пользу людям.

Мергельт остановился перед домом отдыха. Выйдя из автомобиля, мы направились в зал, где раньше находилась столовая. Теперь это был ресторан.

— Садись,— сказал он,— я сейчас вернусь.

Ресторан был пуст. Мергельт подошел к стойке. За ней показался седовласый человек в белом кителе. Он поздоровался с Мергельтом. Через некоторое время Мергельт принес помимо кока-колы три большие бутылки пива различных марок. Я выбрал чешское.

— Удивительно большой выбор,— сказал я.

— Здесь всегда так,— подтвердил Мергельт.— И кухня неплохая. Я заказал обед. Ты не против?

— Конечно нет,— ответил я.— Только прежде мне хотелось кое-что посмотреть.

— Успеешь.— Он отпил несколько глотков и спросил: — Ты тогда долго здесь пробыл?

— Не очень.

Лампа у потолка тускло освещала комнату, от цементного пола веяло прохладой. Мы сидели у котла и чистили картофель. Работа шла медленнее, чем обычно. Несмотря на страшную усталость, Бале и Мюллер постоянно переговаривались.

— Не болтайте так много,— сделал им замечание Дудки.— Лучше поторопитесь.

Очищенные картофелины стали падать в котел быстрее. Скрипнула дверь. Рицке крикнул:

— Внимание!

Доблин, войдя в комнату, дал команду «Отставить», затем придвинул к котлу табуретку и попросил нож. Работал он, как всегда, быстро. Помолчав некоторое время, он посмотрел на нас и промолвил:

— Настроение у вас, судя по всему, неважное.

— Никак в себя не придем после учений,— сказал Бале.

— Мы устали,— заметил Гавенда.

— Тогда я для своего предложения избрал, наверное, неудачный момент,— заявил Доблин.

— О чем, собственно, идет речь? — спросил Хельвиг.
— О спортивных нормативах,— ответил унтер-офицер.— Не намерены ли вы их сдать?
— А каковы условия? — поинтересовался Циндель.
— Жесткие,— ответил Мюллер.
— Но вполне выполнимые,— заявил Доблин.— Особенно на бронзовый значок. Для следующих ступеней они тяжелее. Но в моем прежнем отделении три солдата сдали нормативы на получение золотых значков.
— Мы тоже сдадим,— заявил Рицке.
— Итак, вы согласны принять участие?
— Конечно.
— Кто еще?
— Я,— сказал Зиги.
Я и Дудки тоже выразили желание участвовать в сдаче нормативов.
— А остальные?
— Я еще не решил,— заявил Гавенда.
— Я — против,— высказался Мюллер.— Мы и так достаточно много прыгаем и бегаем.
— Вот именно,— подтвердил Камберт.— Хочется по крайней мере в выходной день отдохнуть.
— Некоторые упражнения я смогу включить в учебную программу.— Доблин обвел взглядом всех присутствующих.
— Тем не менее это будет дополнительной нагрузкой,— заявил Мюллер.
Гавенда поддержал его.
— Эх, вы! — проворчал Дудки.— Всегда у вас все не как у людей!
— Не суди по себе,— вставил Бале.— Некоторым это тяжело, пойми ты это наконец.
— Вам необязательно сейчас решать этот вопрос,— посоветовал Доблин.— Обсудите его и о своем решении доложите мне.
Когда мы уже лежали в кроватях, Зиги сказал:
— Мы должны все же попытаться.
Я поддержал его:
— Мы обязаны доказать, что способны на большее, чем делали до сих пор.
— Точно,— поддакнул Дудки.— Наш пример может быть подхвачен всей ротой.
— Если вы так считаете,— протянул Мюллер,— я подумаю.

— А я и думать не буду! — возмутился Камберт.— С меня хватит ваших громких слов. Вы помните лишь о внешней стороне дела и забываете о трудностях, которые порой возникают у каждого из нас.

— Мы помним и о трудностях,— возразил Зиги.— Правда, они нам не всегда известны. Поэтому нужно доверять друг другу.

— Это все пустые фразы,— утверждал Камберт.— Вы жонглируете словами. «Сила общества определяется его слабым звеном!» Мне уже противно это слушать! Вы же бываете рады, если вам удается всех в чем-нибудь убедить, это вас опьяняет. А что у человека на душе, вас уже не интересует. Все должны беспрекословно следовать за вами.

— Ну прекрати наконец! — потребовал Рицке.

— Ты кончил? — спросил Дудки.

— Да, жаль слова тратить,— ответил Камберт.

— Твой выпад не достигает цели. Послушай доброго совета: подумай как следует,— сказал Зиги.

На следующий день, когда Зиги спросил Камберта, что он решил, тот коротко ответил:

— Ишачить со всеми вместе, что же еще?

Первые упражнения Доблин включил в программу обучения. Выполняя их, многие из нас показали неплохие результаты. Только Камберт не проявлял особого рвения.

Упражнения на турнике я выполнил без ошибок, за что Доблин меня похвалил.

На стометровой дорожке он сказал:

— На золото вы должны пробежать ее не больше чем за 12,6 секунды.

Доблин и Рицке пошли с секундомером к финишу. Мюллер выполнял обязанности выпускающего.

— По местам! — скомандовал он.

Мы встали у стартовой линии. Я — на средней дорожке, справа — Зиги, слева — Хельвиг.

— Приготовиться!

Я поднял корпус, выпрямил руки.

Раздался выстрел из стартового пистолета.

Я побежал. Зиги сразу же вырвался вперед. Хельвиг бежал за мной. Вот и финиш.

— Хорошо,— похвалил Доблин.— Первый — 12,3, второй — 12,5.

— Третий — 12,7,— заметил Рицке.

«Выполнено»,— подумал я.

Когда все пробежали дистанцию, Доблин спросил:

— Еще какое-нибудь упражнение хотите выполнить?

— Конечно, товарищ унтер-офицер,— ответил Дудки.

— Только не очень трудное,— вставил Гавенда.

Мы пошли к яме для прыжков в длину. Зиги перевыполнил норматив уже с первой попытки. У меня никак не получался разбег. Два раза я переступил планку.

— У вас получится,— подбодрил меня Доблин,— если правильно оттолкнетесь от планки.

Я снова побежал и понял, что к отмеченному мелом деревянному брусу переднего края ямы подбегаю в нужном темпе. Оттолкнувшись со всей силой, я почувствовал, что лечу, и был уверен, что выполню задание. Я уже слышал торжествующий крик Зиги, стоявшего с рулеткой. При приземлении я ощутил острую боль в правой ноге. При прыжке я ее, наверное, неудачно повернул и ударился о противоположную стенку ямы. Не удержавшись, я тяжело упал в песок, с трудом поднялся, сделал, хромая, несколько шагов и свалился на траву. Когда взглянул вверх, надо мной уже склонились Зиги и Доблин. Унтер-офицер спросил:

— Что с вами?

Я снял кеды и носок и показал ступню, которая уже начала опухать.

Меня на неотложке отправили в районную поликлинику, где был сделан рентгеновский снимок. Эта процедура не заняла много времени. Врач определил:

— Вывих. Нужно госпитализировать.

В окно ярко светило солнце. На столе жужжал вентилятор, слегка пахло медикаментами. Я неподвижно лежал на койке, смотрел на Дагмар и думал: «Как хорошо, что ты здесь!»

Она рассматривала рентгеновский снимок, который ее отец держал в правой руке. Затем он повернулся, снял повязки, посмотрел на ступню и обратился к Дагмар:

— Ну, какой диагноз мы поставим?

Она долго прощупывала ступню своими прохладными пальцами и наконец произнесла:

— Дисторсия [1].

— Превосходно,— похвалил ее отец. И, обратившись ко мне, сказал: —Лечение продлится не меньше недели.

— Слишком долго,— заметила Дагмар.

---

[1] Растяжение. — *Прим. ред.*

— Почему? — удивился доктор.— Разве пациенты в форме выздоравливают быстрее?

— Не думаю,— ответила она.— Только в данном случае неделя — слишком большой срок. Молодой человек горит рвением к службе. Он считает, что в казарме без него не обойдутся.

— Ага! — Отец посмотрел на дочь поверх очков.— Вы знакомы?

— Немного.

— Тогда меня удивляют твои психологические способности.

— Угадать было нетрудно,— подчеркнула она,— потому что это видно по выражению его лица. Ты не находишь?

— Нет, — возразил врач. — Но мне ясно, ему необходим постельный режим. Помоги ему подняться на третий этаж.

— Хорошо,— ответила Дагмар и снова наложила мне повязку.— Осторожно поднимайтесь.

— Она обняла рукой мою талию, а я оперся на ее правое плечо. Лестничный пролет я костылял со ступеньки на ступеньку на левой ноге, согнув правую и держась крепко за Дагмар.

— Не наваливайтесь так сильно,— попросила она.

Извинившись, я отпустил ее и прислонился к стене.

— Я сейчас соберусь с силами,— пообещал я.— Дайте мне передохнуть.

— Вы так ослабели?

Я вновь почувствовал насмешку в ее голосе.

— Да,— подтвердил я.— Мне плохо.

— Трудно поверить, если вспомнить, как вы танцевали в гастхаузе.

— Тогда у меня не было травмы.

— Действительно, у вас страдальческий вид.

— Я выздоровею.

— Несомненно. Только мне кажется, вам здесь будет скучно.

— Это зависит от ряда обстоятельств,— заметил я.

Она не ответила на мою реплику, только отбросила с лица прядь волос и сказала:

— Ну, вы достаточно отдохнули. Больному нужно в кровать.

Я был вынужден, опершись на ее плечо, ступенька за ступенькой, подниматься наверх.

Моя попытка остановиться еще раз не нашла поддержки. Дагмар крепко держала меня, подталкивала вперед и говорила:

— Больше двигаться. Сейчас дойдем. Хоп, хоп, хоп и еще раз хоп.

Мы вошли в комнату с тремя кроватями.

— Вы можете выбрать любую из этих двух,— сказала она, указав на кровати.

Я занял место у окна.

— Лягте и вытянитесь! — приказала она.— Ноге нужен покой.

Она поставила мою сумку на ночной столик и, оглянувшись у двери, вышла.

Я глубоко вздохнул, лег на спину и закинул руки за голову. Солнце светило мне в лицо. Я закрыл глаза. Вдруг услышал:

— Лучше разденься. А то будут ругать.

«О нем ты совсем забыл»,— подумал я. Еще когда мы с Дагмар вошли в комнату, я заметил лежавшего на койке у двери человека. Он казался спящим. Сейчас он смотрел в мою сторону. Я узнал его. Это был Глезер из второго взвода.

— Я тебе никаких указаний не даю. Это просто дружеский совет. Здесь строго следят за порядком.

— Тогда мне придется подчиниться.

— По крайней мере, вначале,— добавил он.— Потом по обстановке сориентируешься, как себя вести.

— У тебя интересная философия,— заметил я, доставая пижаму.

— Как показывает опыт, цель оправдывает средства. Поверь мне. Хитростью достигают больше, чем честностью или даже безрассудством. Стену лбом не прошибешь, только набьешь шишку.

«В этом что-то есть,— подумал я.— Тот, кто сдерживает себя и гнется, легче проходит через препятствия».

— Присмотреться — это твой метод. Мне он не подходит.

— Ничего,— сказал он.— Мы будем мирно сосуществовать. Я уживчивый человек.— Он поднял голову и посмотрел на мою перевязанную ногу: — Ты что, вывихнул ногу?

— Да, а что с тобой?

— У меня все болит,— заявил он.— Словно где-то внутри червяк сидит.

— Ну-ну! — повернулся я к нему, снимая одеяло с койки.— Это ты, конечно, преувеличиваешь.

— Нет,— утверждал он.— Самое неприятное — это прободение барабанной перепонки. Из уха все время течет.

— Зачем же ты пошел в армию?

— Я хочу учиться,— ответил он.— А я знал, кто прослужит в армии, принимается на учебу в первую очередь. Поэтому я пошел добровольцем.

— Так-так,— сказал я.— Ты, наверное, надеялся потом получить свидетельство о непригодности к военной службе?

— Конечно,— подтвердил он.— Но у врачей другая точка зрения...

— ...по которой тебя признают годным?

— Вот именно,— подтвердил он.— Но у меня есть еще одно заболевание.

— Какое?

— Воспаление лобных пазух,— продолжал перечислять свои болезни Глезер.— Чертовски неприятная штука. Все время страшно болит голова. Но это еще не все. Недавно взбунтовался желудок. Доктор предполагает гастрит. А я думаю, что у меня язва. С таким количеством болезней я, несомненно, не могу быть годным к военной службе.

«Каков! — подумал я.— Это он называет хитростью».

— Ну и как ты думаешь поступить дальше?

— Я думаю, они меня отпустят,— предположил он.— Поскольку я еще не принимал присягу, это сделать просто. Они даже обрадуются, что избавятся от вечно больного солдата.

Я не успел ничего ответить, поскольку в комнату вошла Дагмар.

— Вам нужно идти на облучение,— сказала она Глезеру.

Он вскочил с койки и вышел. Как только мы остались одни, она подошла ко мне ближе и спросила:

— Как вы себя чувствуете?

— Совсем хорошо.

— Не скучаете?

— Нет.

— Вы не хотите что-нибудь почитать?

— А что вы можете предложить?

Она протянула книгу. Я взял ее и вполголоса прочитал название:

— «Длинный день короткой жизни».

— Вы читали? — спросила она.

— Кажется, нет. Произведения Мальца[1] мне почти незнакомы.

Она потеребила халат и поправила прядь волос на лбу:

— Я должна идти. Вам больше ничего не нужно?

— Спасибо. Жаль, что вы все время спешите. А может быть, вы все-таки задержитесь хотя бы минут на пять?

— Хорошо, но не больше.

Я отложил книгу в сторону, посмотрел на нее и спросил:

— Вы часто бываете здесь?

— Да. Если позволяют обстоятельства, я помогаю отцу. Сейчас, в каникулы, у меня достаточно свободного времени.

«У меня тоже,— подумал я.— Даже слишком много».

— По казарме не скучаете?

— Нет.

— А по вашему другу?

— Тоже нет.— По голосу я заметил у нее какое-то внутреннее напряжение и спросил: — Может быть, вам было бы приятнее, если бы он попал сюда?

— С чего вы это взяли?

— Так мне показалось.

— Ничего вы не понимаете,— сказала она и хотела уйти.

Я удержал ее. Она не вырывалась, когда я целовал ее.

На следующий день я много читал, беседовал с Глезером и спал. Я часто просыпался, так как мне казалось, что идет Дагмар. Ее отец помог мне повернуться на бок, и я, опершись на руки, смотрел в окно, откуда были видны кусок улицы и маленькая площадь рядом с садиком. Я видел, как Дагмар, уверенно ведя машину, подъехала к больнице. Ее отец выскочил из автомобиля и быстро вошел в дом. Девушка на некоторое время задержалась у машины. Закрыв ее, она взглянула на окно нашего этажа,

[1] Мальц Альберт (родился в 1908 году) — американский писатель. — *Прим. ред.*

но меня не заметила. Вскоре Дагмар зашла ко мне, но пробыла очень недолго. Забегала она и на следующий день, и вновь нам удалось обменяться лишь несколькими ничего не значащими фразами. Только на третий день, когда Глезер ушел на облучение, она подошла к моей кровати, посмотрела на книгу, которую я держал в руке, и спросила:

— Нравится?

— Пока было интересно.

— Вы испортите зрение,— заметила она и раздвинула гардины, которые я недавно закрыл, поскольку солнце слишком ярко светило.

Когда она вновь повернулась ко мне, ее лицо оказалось в тени и только волосы освещались солнцем. Мне показалось, что они были слегка рыжеваты. Она стояла совсем близко, и я мог до нее дотронуться. Однако как только я поднял руку, она вышла из комнаты.

Через час она вернулась и сказала:

— Мы изменяем вам метод лечения. Вам нужен свет, солнце и воздух. Итак, вылезайте из гнезда. Марш! Марш!

Она помогла мне спуститься по лестнице во двор, к лужайке, которая простиралась почти до пруда. У берега стояли качалки. Все они были заняты, и только одна, стоявшая несколько в стороне, оказалась свободной. Дагмар провела меня к ней.

— Располагайтесь поудобнее,— сказала она,— и наслаждайтесь бездельем. Долго оно для вас, так или иначе, не продлится.

Я лежал часами. Иногда ковылял к пруду, смотрел на воду, вглядываясь в каменистое дно. Или прислушивался к разговорам соседей, не вмешиваясь в них. Остальное время лежал и мечтал о Дагмар.

Как-то пополудни я заснул и проснулся оттого, что кто-то закрыл мои глаза рукой. Я отодвинул руку, взглянул вверх и увидел Глезера:

— А, это ты...

— Конечно я.— Он пододвинул качалку и сел рядом со мной.

— Я не помешал?

— Нет, я рад твоему приходу.

— Как знать. Может быть, в это время ты ждешь сестричку. Я уже давно все заметил.— Он сорвал былинку и стал водить ею по кончику носа, затем продол-

жал: — Это не мое дело, но она не для солдата. Оставь ее в покое.

— Ты прав. Это действительно не твое дело.

— Хорошо, хорошо,— согласился он.— Я умолкаю, но ты еще вспомнишь меня.

Когда Глезер ушел, я задумался. «Ты достиг весьма немногого,— сказал я себе.— Скоро твоя нога заживет, а ты до сих пор не выяснил, как она к тебе относится».

Под вечер пришла Дагмар.

— Все еще без движения? Не пытались ходить?

— Пытался.

— Вы должны постепенно усиливать нагрузку на ногу. Мы совершим завтра совместное путешествие. Согласны?

— Да.

После обеда я вскарабкался на пригорок за домом, повалился на солнечной лужайке в траву и стал смотреть на небо. Оно сияло голубизной, было без единого облачка. Сверху хорошо просматривалась вся деревня. Дома группировались у ручья. По кривым улочкам пробиралась санитарная машина. «Наверное, везут кого-нибудь нового»,— подумал я.

Посидел еще немного, затем, насвистывая, спустился вниз. Войдя в здание, с трудом взобрался по лестнице наверх, открыл дверь и заметил, что третья койка в нашей комнате занята. На ней лежал Камберт. Лицо его осунулось. Он медленно открыл глаза и с удивлением посмотрел на меня.

— Привет! — сказал он мне.— У тебя, кажется, все идет хорошо.

— Понемножку,— подтвердил я.— А ты выглядишь плохо.

— Я это сам чувствую.

— А что случилось?

— Ничего особенного, просто маленький коллапс.

Я лег и продолжал смотреть на него. Глаза его были полузакрыты. Внезапно он спросил:

— Тебя когда-нибудь схватывало?

— Нет.

— А мне стало плохо при преодолении штурмовой полосы.— Он заложил руки за голову и тяжело дышал.— Первое препятствие я еле преодолел. На буме у меня закружилась голова, ноги стали как резиновые, и я с трудом удержал равновесие. Несмотря на это, я побежал

дальше. Из последних сил взбирался на стенку. Когда спрыгивал, упал. Через несколько метров я вновь упал и уже не мог подняться. Камберт опустил голову на подушку и хватал ртом воздух.

— Да, дела,— сказал я.— У тебя что же, больное сердце?

— Нет,— возразил он.— Я думаю, это что-то другое.

Он закрыл глаза и сжал губы. Его лицо казалось еще более худым, чем раньше. Так он лежал несколько минут, затем открыл глаза, посмотрел в потолок.

— Есть у меня девушка. У нее должен быть ребенок,— сказал он.

— Вот в чем дело!

— Она была моей невестой,— продолжал он.

— Понимаю,— ответил я.

—Ничего ты не понимаешь,— усмехнулся он. Камберт лежал неподвижно и казался удивительно спокойным.— Она все время писала мне страстные письма, а сожительствовала с другим.

— Так тогда ты можешь со спокойной совестью уйти!

— Если бы! — Уголки его рта чуть заметно дрожали.— Дело в том, что парень вовремя сбежал. Поэтому она вернулась ко мне... Ей нужен отец для ребенка. Если не он, так я.

— Есть над чем подумать.

— Я немного растерялся,— продолжал он.— Знаю, что ребенок не мой. Она это тоже понимает, но клянется, что мой, поскольку настоящий отец исчез. Просто можно с ума сойти.

— Ты зря мучишься. У нее должны быть доказательства, что ты отец ее ребенка. Если ты абсолютно уверен в противном, то все очень просто.

— Сомневаюсь.— Он повернул голову и посмотрел на меня: — Ты думаешь, я первый, кто, будучи невиновным, расплачивается? При такой ситуации даже на суде разве сможешь что-то доказать?

— Не совсем так,— сказал я.

— Именно так. Кого назвали, тот и должен отвечать. Кого они найдут еще? Поверь мне, это так. Поэтому я не нахожу себе покоя. Ночью меня терзают кошмары.

Через окно я увидел Дагмар. Она срезала розы. Мне показалось, что она махнула мне рукой. Я опять посмотрел на Камберта.

— Подожди немного,— посоветовал я,— может быть, все уладится.

— Да-да, — согласился он. — Ты, безусловно, прав. — Губы его дрогнули, как будто он хотел что-то добавить, но ничего не сказал. Он повернулся на спину и закрыл глаза.

Тропинка была узкой. Дагмар шла рядом со мной. Она была в брюках и поношенной блузе. Волосы падали ей на плечи.

На развилке она остановилась: направо или налево? Направо.

Ковер из хвои пружинил под нашими ногами. Лучи солнца с трудом пробивались сквозь густые кроны деревьев.

Мы дошли до ручья и нашли свалившуюся ель, ствол которой достигал противоположного берега и упирался в него толстыми сучьями.

— Перейдем на ту сторону? — предложил я.

— А ваша нога?

— Выдержит!

Я осторожно пошел по стволу. Он качался, и мне стоило большого труда сохранять равновесие. Увидев внизу твердую почву, я соскользнул на землю. Когда я оглянулся, то заметил, что Дагмар уже прошла часть пути по стволу, который качался так же, как и подо мной. Она балансировала руками. Ее тень колебалась в прозрачной как стекло воде. Совсем небольшой отрезок отделял ее от берега.

— Прыгай! — крикнул я.

Она оттолкнулась. Я согнул немного колени, чтобы смягчить удар от толчка.

— Пока все в порядке,— сказала она.

Ее лицо оказалось совсем близко от меня. У нее были маленькие зрачки. Лучи солнца светились в ее глазах, и я увидел, что они не голубые, а, скорее, серые.

— Не смотри так! — потребовала она.

— Как?

— Так испытующе.

«Почему ей не нравится мой взгляд? — подумал я.— Очевидно, не хочет, чтобы я рассмотрел морщинки у нее под глазами».

— Пойдем! — Она схватила меня за руку.

Мы побежали через заросли, пересекли прилегающую лужайку и вышли к опушке леса. Там мы обнаружили лестницу. Она была прикреплена к дереву и вела к площадке, сооруженной в ветвях.

— Полезли? — спросила Дагмар.

И, прежде чем я успел ответить, она уже цеплялась за ступеньки. Я последовал за ней и уселся рядом на узкой доске. Отсюда была видна вся лужайка до самого ручья.

— Когда начнет смеркаться,— сказала Дагмар,— мы сможем увидеть оленей, зайцев, а может быть, и кабанов. Ребенком я часто бывала здесь с отцом. Мне всегда нравились эти места, и я хотела стать лесничим.

— И почему же ты им не стала?

— В последующие годы меня очень заинтересовала медицина. Это связано с моим отцом, и сейчас я не представляю для себя иной профессии. Работать кем угодно, лишь бы получать деньги для существования,— это не по мне. Мне кажется, свою профессию нужно любить.

— Конечно,— подтвердил я.— Но не каждому выпадает счастье найти место, соответствующее его желаниям и способностям. У меня это не получилось.

— А кто ты по профессии?

— Столяр-краснодеревщик. Некоторое время работал на строительстве, много зарабатывал, но удовлетворения не получал.

— А теперь?

— Теперь чувствую себя хорошо. Но нельзя же вечно оставаться солдатом.

— Ты должен учиться,— заметила она.

— Я не знаю чему.

Она задумалась.

— А что́ ты думаешь о германистике? Я наблюдала, как ты читаешь. Некоторые перелистывают просто от нечего делать, а у тебя совсем другое. Ты продумываешь прочитанное, как бы сам вместе с героями переживаешь события.

— Ты, наверное, имеешь в виду роман?

— Он тебе действительно понравился?

— Да,— подтвердил я.— Есть, правда, места, которые похожи на плохой криминальный рассказ, а в общем я считаю его неплохим.

— И больше ничего?

— А что еще?

— Я не знаю,— промолвила она.— Возможно, некоторые места произвели на тебя особое впечатление.

«Вот в чем дело,— подумал я.— Книга для нее должна быть как бы зеркалом души человека. Она рассматривает казарму как тюрьму, а меня как арестанта, приговоренного к трем годам заключения. Она, очевидно, думает, что я чувствую себя как герой ее книги».

— Ты рассматриваешь казарму как своеобразное место заключения? — спросил я.

— Что-то вроде этого,— ответила она.— Скоро конец твоей свободе. Ты будешь делать только то, что тебе прикажут. Уйти ты сможешь только тогда, когда дадут увольнительную. Кто-то за тебя планирует твое время до последней минуты. Или, может быть, все это не так?

— Так,— подтвердил я,— но это не главное. Если захочешь, можно многое сделать и находясь на службе. Ты понимаешь?

— Не совсем,— сказала она.— Я со многим не согласна. Но об этом сейчас не будем. Лучше в другой раз! — Она немного помолчала и спросила: — Пошли дальше?

Мы карабкались по пригоркам, пробирались через заросли и наконец наткнулись на тропинку. Она была довольно широкой. Дагмар шла по левой стороне, я — по правой. Иногда она нагибалась и срывала какие-то травинки и потом внимательно их рассматривала и ощипывала.

Я подумал: «Трудно добиться, чтобы она была чем-нибудь довольна. Все время петляет. На все имеет свои взгляды, отговорки. И никогда не говорит прямо то, что думает. С Гудрун было проще, с ней было все ясно. Она открыто говорила обо всем, что ее волновало».

Дорожка вела под уклон. Она становилась все уже и грязнее и наконец вообще привела к болоту. Ноги по щиколотку погружались в сырой мох. Вдруг Дагмар остановилась. Одна ее нога завязла в болоте. Когда она ее вытащила, образовавшийся след сразу же наполнился водой.

— Держись середины,— сказал я,— здесь лучше.

Там действительно из сухих сучьев, веток и листьев образовался своеобразный настил. Дагмар оперлась на мою руку, сняла ботинок, вылила из него воду и надела опять.

— Пойдем дальше,— сказала она.

— Я тебя понесу.

Она была легкой. Я шел мелкими, но быстрыми шагами. Подо мной пружинили ветви, чавкала почва. Скоро дорога стала суше и прочнее. По обочинам росла трава и полевые цветы.

На ближайшем повороте я остановился и посмотрел на изменившийся ландшафт. Лес раздвинулся. В ста метрах раскинулось озеро, поросшее по берегам тростником. На противоположном берегу стояла обрывистая скала. Она выглядела величественно и, казалось, упиралась в небо. Зеркало воды было волнистым, свет преломлялся в волнах, и они блестели, как серебро.

Дагмар скользнула с моих рук на землю.

— Нравится тебе? — спросила она.

— Очень,— ответил я и подумал: «И почему это людей тянет куда-то за границу? Прекрасного много и у нас. Нужно только уметь видеть его».

— Остановимся здесь,— сказала Дагмар.

Но мы прошли еще немного по дороге и затем повернули влево и вышли к отлогому берегу, который тоже был покрыт мхом, как ковром. Наконец мы сели. Дагмар взглянула через заросли камыша на озеро.

— Я с ума схожу по воде,— сказала она.— Особенно я люблю море. Мы — отец и я — почти каждый год бываем в Рерике. Там живут наши дальние родственники, которые всегда оставляют нам комнату. В этом году нам не удалось туда съездить. У отца не нашлось человека, который смог бы его подменить.

— Что с твоей матерью? Ты никогда о ней не говорила.

— Она погибла. Незадолго до окончания войны попала под бомбежку. Отец больше не женился. Всего себя он посвятил мне.

Она обхватила колени руками и смотрела в воду. Волны плескались у отлогого берега. Они накатывались на него и убегали. Я подумал: «Надо искупаться!»

— Давай нырнем,— предложила Дагмар.

Она сбросила блузу. Я вскочил и стянул свое обмундирование. Стройная фигура девушки мелькнула в воде. Я заметил, что она сильно загорела. Ее намокшие волосы теперь казались темными и блестящими. Плавала она превосходно. И когда я с трудом догнал ее, она поплыла обратно к берегу. Я вновь погнался за ней и настиг уже почти у берега.

Она брызгалась и кричала: «Отвернись!» Я схватил

ее, и мы начали возню, затем я взял ее на руки, и она болтала ногами, пока я нес ее к берегу. Только на ковре из мха она вела себя спокойно.

5

В ресторане собралось много посетителей. Уже почти все столики были заняты. Мергельт поставил наши тарелки одна на другую и спросил:

— Хочешь пить?

— Нет.

— Тогда пойдем.

Мергельт встал, расплатился и попрощался с заведующим.

На улице я заметил:

— Мы так не договаривались. При следующем посещении плачу я.

— Прекрати! Ты мой гость и оставь свой талер в портмоне.

Мы прошли мимо дома к ручью. Через несколько метров лицо Мергельта просветлело, и он сказал:

— Если ты такой скрупулезный человек, то можешь отработать.

— Охотно, — ответил я. — А как?

— Прочти лекцию. У нас это в почете.

«Он использует всякую возможность, — подумал я.— Не пропускает ничего. Он такой же, как и прежде».

— Согласен, — ответил ему. — Прочту.

На лужайке, как и раньше, стояли качалки и неизменно журчал ручей. Я бросил в воду камешек. Он подпрыгнул, ударившись о поверхность воды, и несколько раз рикошетировал, оставляя круги, которые быстро нарушались течением. Мергельт прислонился к дереву и наблюдал, как я бросал в ручей камешки один за другим. Когда последний из них булькнул в воде, он спросил меня:

— И как обстоят у тебя дела с твоей новой книгой? Тебе теперь все ясно?

— В общих чертах да, — ответил я. — Осталось уточнить кое-какие детали, касающиеся персонажей. О некоторых я уже имею представление. Например, о Доблине, о тебе. О Доблине, правда, не до конца. С тобой проще.

— Меня лучше исключить из этой игры, — сказал он.

— Нельзя. Ты слишком важный персонаж в книге. Без тебя пришлось бы все менять.

— Брось ты! — проговорил он. — На моем месте в ту пору мог быть любой командир.

— Не каждый, — возразил я. — Возьми Доблина. Ему не хватало твоего терпения и знаний.

— Он был еще очень молод и неопытен.

— Он был слишком прямолинеен, по крайней мере вначале.

— Это верно, — согласился Мергельт. — Но нужно учитывать причины. Тебе они известны.

Он стоял рядом со мной у ручья и смотрел в воду, по которой плыли клочья пены.

— В следующем потоке уже не было никаких трудностей. Доблин извлек из всего происходившего с вами уроки и за время своей службы дорос до хауптфельдфебеля. Сейчас он доцент в высшей технической школе.

Мергельт нагнулся и зачерпнул из ручья пены, которая оставалась в его ладонях только несколько мгновений и затем с тихим шипением исчезала.

— Доблин обладал незаурядной деловитостью и энергией, — продолжал Мергельт. — Но он не относился к числу «удобных». Он усложнял жизнь себе и другим. Но он, безусловно, болел за дело и обладал силой воздействия личным примером. Я уверен, что он и на тебя оказал положительное влияние.

— Может быть, — немного подумав, согласился я. — Но все же значительно сильнее воздействовали на меня ты, Зиги и Дагмар. Она — прежде всего. В особенности к концу.

Когда я вернулся в казарму, был обеденный перерыв. На лестницах и в коридорах стояла тишина. Я вошел в комнату. Товарищи лежали на кроватях. Некоторые читали письма, остальные дремали. Гавенда первым заметил меня и крикнул:

— Внимание!

Некоторые вскочили и стали по стойке «смирно».

Увидев меня, Мюллер заворчал на Гавенду:

— Ну ты, осел! Что орешь? Не даешь людям отдохнуть.

Гавенда ничего не ответил, снова повернувшись ко мне:

— Привет, дружище. Вновь годен к строевой службе?

— А ты что, не видишь? — спросил Хельвиг. — Он набрался столько сил, что еле-еле ползет.

— Неудивительно, — бросил Мюллер. — Он же там бездельничал и крутил любовь с дочерью врача.

— Это правда? Да неужели? — удивился Дудки.

— Неужели она пошла на это с солдатом?

— Конечно, — утверждал Мюллер. — Для Ронни она сделала исключение. Уже при их первой встрече это было понятно.

— Да, теперь тебе здесь будет особенно неуютно, — заметил Циндель.

— Сейчас мы отправляемся на тактическую подготовку, — сказал Бале. — Кончилась твоя вольготная жизнь в больнице. Теперь снова придется привыкать к муштре.

— Вряд ли тебе это удастся, — усомнился Рицке, обращаясь ко мне. — Доблин сразу поставит тебя правофланговым. Он тебе научит, как вести себя.

— Не «тебе», а «тебя», — поправил я его и подумал: «Сначала, конечно, будет нелегко».

Поставив свою сумку, я подошел к Зиги. Он лежал, отвернувшись к стене. Я тронул его за плечо:

— Привет, старик!

Он повернулся и коротко бросил:

— Привет. Ну как твоя болячка, зажила?

Он показался мне каким-то иным: глаза его лихорадочно блестели, а улыбка была вымученной. «Что это с ним, — подумал я. — Что могло произойти? Или он все еще думает о Регине?»

Я заметил, что он меня избегает. Вначале я терялся в догадках, ища причину, но потом понял, что это из-за Дагмар.

В первые дни учеба потребовала от меня большого напряжения сил. После занятий я еле добирался до казармы и буквально валился с ног от усталости.

Я часто думал о Дагмар: перед тем, как заснуть, во время занятий на скалах, при переправе через реку, на марше по полевой дороге, даже в окопе перед броском в атаку. Мысли о ней не давали мне покоя. Я злился, если по каким-либо причинам задерживалось увольнение, экономил каждую минуту.

Часы, проведенные с Дагмар, пролетали молниеносно. Время от субботы до субботы казалось мне бесконечно долгим, и я искал любую возможность, чтобы сократить его. Так, в свободные от службы часы, получив разрешение пойти в деревню на почту, к сапожнику, парикмахеру, я шел к ней. Предлоги были убедительными и позво-

ляли один-два часа провести с Дагмар. Это была единственная возможность увидеть ее среди недели, поскольку она никогда бы не согласилась подойти к воротам казармы, как это делали другие девушки.

Товарищи привыкли к тому, что я перестал во время увольнений гулять с ними. Они также спокойно относились и к тому, что я постоянно искал повод пойти в деревню. Лишь некоторые иногда немного надо мной подтрунивали. При этом Зиги и Йорг всегда были в стороне. Йорг относился ко мне доброжелательно.

Иногда мне не хотелось оставаться в казарме. Я знал, что Дагмар дома ждет меня. Я представлял, как она лежит и читает на кушетке или смотрит в окно в ожидании меня. Я шел через двор, подходил к забору и смотрел на дома, разбросанные по пригорку. «Так дальше дело не пойдет, — говорил я себе. — Нужно чем-нибудь отвлечься. Только в этом спасение».

Я решил сдать недостающие нормативы по тем или иным видам спорта на получение значка. Мюллер, Балс, Гавенда и Циндель присоединились ко мне. Они уже давно выполнили нормативы на получение золотого или серебряного спортивного значка и теперь надеялись улучшить свои результаты.

Доблину понравилось наше решение. Он всегда поддерживал тех, кто стремился побить собственный же рекорд или добиться высоких показателей по какому-либо виду спорта. Это было важно, чтобы наше отделение находилось впереди других вызванных нами на социалистическое соревнование.

Зиги часто выходил во двор. Я заметил, что он наблюдает за мной. «Почему он не разговаривает? — думал я. — Должен же он наконец сказать, чего хочет». Но он не говорил. Он только изредка смотрел в мою сторону. Даже тогда, пополудни, на тактических занятиях.

...Шли взводные занятия. Мергельт проверял нашу подготовку. Унтер-офицеры старались изо всех сил. Доблин особенно. Он просил:

— Не подведите.

У меня испортилось настроение с самого утра. Мы узнали, что наш взвод командируется на работы в Р. Это означало, что я долго не увижу Дагмар. «Три дня, — думал я, — целых три дня!»

— Ложись! — скомандовал Доблин.

Я бросился на землю.

— Окопаться!

Я схватился за лопатку, вырезал куски дерна, клал их впереди себя и не переставал повторять: «Три дня, три дня».

— Отделение! Подготовиться к атаке!

Я ощупал флягу, вещевой мешок, зарядил карабин.

— Отделение! В атаку! Вперед!

Стреляя, я выбрался из окопа. Трава и чертополох цеплялись за сапоги. Когда попал в выбоину, стопа вновь подвернулась. Боль словно пронзила меня. «Черт возьми, как раз сейчас!» Я захромал, но побежал дальше, прыгнул в окоп, колол штыком, бил прикладом.

Атака следовала за атакой. Я бежал, превозмогая боль. Временами она усиливалась. Я сел па лежавшее дерево и вытянул ногу. Остальные собрались вокруг меня. Подошел Доблин.

— Устали? — спросил он.

— Никак нет, товарищ унтер-офицер! — ответил Дудки. — Внешность обманчива.

— Мы просто собрались вместе, — добавил Бале.

— Это радует меня, — промолвил Доблин.

Он посмотрел на нас по очереди, и его взгляд остановился на мне.

— Что-то вы плохо выглядите, товарищ Биляк, — заявил он. — Что у вас с ногой, еще не все в порядке?

— Все в порядке, товарищ унтер-офицер.

— Это правда? — Он, казалось, сомневался. — Внешне вы кажетесь усталым. Следующие дни ожидаются напряженными. Не хотите ли остаться для несения внутреннего наряда на объекте?

«Это было бы решением вопроса, — подумал я. — Ты бы смог увидеть Дагмар. Нужно только сказать «да». У меня пересохло во рту. Я заметил, что все посмотрели на меня. Не спускал с меня глаз и Зиги.

— Нет, — ответил я. — У меня все прошло.

Вечером стопа распухла. Лежа на койке, я чувствовал тупую, ноющую боль. «Ты должен был принять предложение Доблина. Они бы обошлись без тебя. А теперь ты не увидишь Дагмар целых три дня. Она будет ждать три дня».

Я повернулся на бок. Боль усилилась. «Останься, — думал я. — Никто тебя не упрекнет, кроме Зиги. Ну и что? Что ты об этом беспокоишься?»

Я поехал со всеми. Мы рыли котлован. Строительство

в Р. расширялось. Земля там была твердой. На лопаты нужно было нажимать изо всей силы, и моя нога вновь начала болеть.

— Быстро, ребята! — кричал Дудки. — Мы вечером должны что-то посмотреть.

Я крепко сжимал зубы и приказывал себе: «Держись!»

Время бежало. Я считал дни, затем часы, минуты.

Наконец я стоял перед Дагмар. Она бросилась в мои объятия.

— Как тебя долго не было! — сказала она. — Я все время ждала, все время. Как ужасно ожидание.

— Да, — подтвердил я. — Ты права.

Она пошла на кухню, чтобы приготовить поесть. Я же продолжал стоять, осматривая комнату. На стене висела чеканка на какую-то мифологическую тему. Противоположную стену комнаты занимали полки из темного дуба, полностью заставленные книгами, в том числе многочисленными старыми изданиями. Дагмар точно знала, где какая книга стоит, и читала с разбором, как и я. Наряду с Клейстом[1] она увлекалась Достоевским, Тургеневым, Прусом, Флобером, Мопассаном, Мериме. На столике лежала «Кармен».

Мы быстро нашли взаимопонимание. По многим вопросам наши мнения совпадали. Но она избегала разговора, начатого на поляне. Вернулись к нему лишь через неделю.

На вечерней поверке мы узнали о поступке Камберта. Как только капитан Завада поднялся по лестнице, я почувствовал, что произошло что-то необычное.

— Товарищи, — сказал он, заметно волнуясь, — на прошлой неделе я вас не раз собирал, чтобы сообщить приятные новости. Но сейчас я вынужден говорить о неблаговидном поступке одного из солдат. Среди нас находился предатель!

До сих пор не знаю почему, но я сразу подумал о Камберте, и поэтому меня не удивило продолжение выступления Завады:

— Речь идет о Вернере Камберте из первого взвода. Он изменил республике и своему народу.

---

[1] Клейст Генрих (1777—1811) — немецкий писатель. — *Прим. ред.*

«Какой идиот! — подумал я. — Неужели он действительно намерен решить таким образом все свои проблемы? Из этого у него ничего не выйдет».

Камберт до этого события почти две недели пролежал в санчасти. Когда он вернулся в казарму, выглядел плохо: глаза ввалились, лицо было бледным, взгляд отсутствующий. На третий или четвертый день он получил телеграмму, в которой сообщалось о болезни матери. Камберт пошел к Мергельту и получил отпуск.

Как выяснилось, текст телеграммы был вымышленным и прислал ее друг Камберта. Дома Камберт пробыл всего несколько часов. Он достал гражданскую одежду, похитил у старшего брата документы, поехал в Берлин и там по подземной или воздушной дороге перебрался через секторальную границу в Западный Берлин.

После команды «Разойдись» наше отделение собралось в углу двора. Вид у всех был удрученный. Дудки первым пришел в себя.

— Ну и болван, — проговорил он. — Уехал, не сказав никому ни слова.

— Несомненно, у него что-то с головой. — Мюллер постучал себя пальцем по лбу. — Сошел с ума парень.

— Точно, — заметил Гавенда. — Так не поступит ни один здравомыслящий человек.

— Дело здесь, конечно, не в этом, — высказался Зиги. — Я считаю, что у него была какая-то причина, но мы, к сожалению, о ней не знали.

— Возможно, — согласился Хельвиг, — но какая? Вероятно, мы ее так и не узнаем.

«Я знаю, — мелькнуло у меня в голове, — я единственный, кому известна причина». В какое-то мгновение мне хотелось все рассказать, но я промолчал. «К чему говорить? — подумал я. — Сейчас это уже ничего не изменит».

Я повернулся и медленно побрел от лужайки к стене.

А что, собственно, произошло? Его обманула девушка. Ну и что? Такое случается часто. Но у него было еще хуже. Из-за чужого ребенка, отцом которого она хотела его сделать, он растерялся, не знал, как правильно поступить. Он никому не доверял. Со мной разговорился лишь потому, что в какой-то момент потерял самообладание. Ему была нужна помощь или по меньшей мере добрый совет. А я отмахнулся от него: подожди, мол, все уладится...

Вдруг я услышал:
— Эй, солдат!
Я поднял голову, увидел недалеко от дороги молодую девушку. Она смотрела в мою сторону и казалась смущенной.
— Вы меня? — спросил я.
— Да. Мне нужно поговорить с твоим товарищем, — ответила она. — Это очень важно.
— Так-так, — сказал я. — И мне поручается позвать его?
Она быстро кивнула:
— Если можно.
Гавенда сидел на скамейке за плацем и курил.
— Тебя ждут у забора, кто-то хочет с тобой поговорить.
Он тут же поднялся и погасил сигарету.
— Фирма благодарит! — весело промолвил он и быстро ушел.
Я сел на его место. Рядом пристроился солдат из второго взвода. Он пытался начать со мной разговор, но, заметив, что я не словоохотлив, замолчал и ушел в казарму.
Неожиданно сзади послышались голоса, и среди них — голос Зиги. Я повернулся и сквозь кустарник увидел его вместе с Дудки, Рицке и Хельвигом. Они сидели на траве.
— Вот так, — сказал Зиги, — живет человек с нами бок о бок и внезапно убегает. Переходит границу, которую он призван защищать, охранять. Почему? Я не могу найти оправдания такому поступку. Но одно мне ясно: в этом есть и наша вина.
— Подожди, подожди! — вмешался Дудки. — Ты что, упрекаешь нас? За этого ветреного парня я ни в коей мере не хочу отвечать. Что он, жаловался на нас? Наоборот! Мы ему так или иначе прощали много глупостей!
— Ну, это не совсем так, — заметил Рицке.
— Это почти так, — подтвердил Хельвиг. — Он всегда вел себя несколько странно. Может быть, он просто разрабатывал в деталях план своего побега.
— Даже если это и так, — сказал Зиги, — причины побега нам неизвестны. Из-за пустяка никто не решится на такой шаг. Или вы думаете иначе? Была какая-то очень серьезная причина. Если говорить начистоту, то мы все заметили, что у Камберта что-то не в порядке, но

никто не пошел ему навстречу, понадеявшись, что он сам справится со своими невзгодами. Мы оставили его одного. Мы виноваты перед ним.

— Да, с этим надо согласиться, — подтвердил Рицке.

— Я придерживаюсь того же мнения, — подытожил Хельвиг.

— Подождите! — упорствовал Дудки. — Откуда вы знаете, что он нуждался в нашей помощи? Он же мог нас спросить. Но он ни звука не промолвил. Мне кажется, что он наплевал бы на нашу помощь.

— Возможно, — согласился Зиги. — Но это все предположения. Они не снимают с нас вины. Я настаиваю на своем: мы ему отказали в помощи!

«Я — в особенности, — мелькнула у меня мысль. — Если бы я в тот момент повел себя иначе, может быть, ничего бы не произошло». Когда человек видит, что ему сочувствуют, ему становится легче. Он смотрит трезво на вещи, у него рождается мужество, возникает доверие к товарищам, рассеиваются грустные мысли.

Все могло быть по-другому, если бы... Разговор за кустами прекратился. Я встал и направился в казарму. «Ты должен что-то делать, — подумал я, поднимаясь по лестнице, — все равно что». Я написал письмо родителям. Затем начистил сапоги и ботинки. Я тер их щеткой до тех пор, пока они не заблестели так, что в них можно было смотреться, как в зеркало. Наконец я занялся своей прической: вымыл волосы, намазал их кремом, старательно причесал, хотя они были так коротко острижены, что никак не поддавались укладке. Я потратил немало времени, прежде чем получилось некое подобие прически. И тем не менее до отбоя оставалось еще около часа. Я начал чистить пуговицы и пряжку ремня. Но даже после этого получилось так, что я лег в постель одним из первых. Доблин, уходя из комнаты, выключил свет. Стояла тишина, и мне хотелось, чтобы она не кончалась. Постепенно стали собираться ребята. Зиги попросил Циндeля включить свет.

Тотчас же вспыхнули лампы. Матрац подо мной слегка прогнулся. Ко мне подсел Зиги.

— Не знаю, как вы, — сказал он, — но эта история мне не дает покоя. Я считаю, мы должны что-то предпринять.

— Что именно? — спросил Мюллер. — Ты же его обратно не вернешь.

— Конечно нет, — ответил Фабер. — Это исключено. Но кое-что можно сделать. Если мы будем стараться, ревностнее относиться к службе, то возместим эту потерю.

— Правильно, — поддержал его Рицке. — Об этом нечего дискутировать.

— Я тоже согласен с предложением Зиги, — решительно заявил Дудки. — Таков наш ответ на этот безобразный случай.

— Точно, — согласился Фабер, — но мы должны действовать продуманно. Поэтому я предлагаю обсудить этот вопрос на внеочередном собрании организации Союза свободной немецкой молодежи. Лично я решил вступить в партию. Раньше я считал этот шаг преждевременным, но случившееся заставило меня изменить свое мнение и ускорить принятие решения, на которое в других условиях потребовались бы месяцы или даже годы. Завтра я подаю заявление.

Дудки слегка приподнялся, и на его лице я заметил изумление.

— Старик, — обращаясь к Фаберу, сказал он, — ты нас всех обогнал.

— Действительно, — подтвердил Хельвиг. — По сравнению с твоими заслугами наш партийный багаж совсем незначительный.

— Ничего, — сказал Мюллер. — Каждый старается в меру своих сил. Я, например, обещаю сдать нормативы на получение серебряного спортивного значка. И для этого мне придется много работать.

Гавенда и Бале присоединились к заявлению Мюллера, я должен был сдать два недостающих норматива на получение золотого значка, а остальные обязались подтянуться по определенным дисциплинам боевой подготовки и закончить службу с хорошими или отличными результатами.

После этого Рицке выступил с новым предложением.

— Я считаю, — сказал он, — у нас еще нет коллективного обязательства. Как вы относитесь к оказанию помощи кооперативу в уборке урожая?

«Только не это, — подумал я, — все что угодно, только не это».

Хельвиг тотчас же согласился:

— Для меня, — утверждал он, — почти родственные занятия: изучать ботанику и трудиться в поле.

— Я тоже за, — сказал Циндель, — тем более что это принесет пользу.

— А вечером будет гулянка, — добавил Мюллер.

К моему сожалению, поехать на уборку урожая согласились все, даже Дудки, и я оказался без поддержки.

— А ты? — спросил Рицке.

— Я — против.

— Почему? — поинтересовался Бале. — У тебя аллергия на полевые работы?

— Нет-нет, — вмешался Гавенда. — У него другая причина.

— Медичка не разрешает, — подтвердил Мюллер.

— Уже попал под каблук? — уколол Дудки.

— Думайте обо мне что хотите, но в воскресенье с вами я не поеду.

— Это твое последнее слово? — спросил Фабер.

— Да.

6

Как только Мергельт увидел на обочине дороги указатель с названием населенного пункта, он сбавил газ. Скорость сразу уменьшилась, и, когда мы въезжали в деревню с севера, стрелка спидометра показывала пятьдесят километров. Я смотрел через ветровое стекло на деревенские постройки, выросшие за последние годы, на высокое здание с плоской крышей, стоявшее несколько в стороне, на возвышенности. Когда я нагнулся, чтобы получше его рассмотреть, Мергельт поехал еще медленнее.

— Это амбулатория, — пояснил он. — Хочешь заехать?

— Хорошо, — сказал я, — только... — Я не договорил и сделал неопределенный жест рукой.

— Боишься?

Я не ответил, только пожал плечами. Лишь некоторое время спустя я спросил:

— Она еще здесь?

Он посмотрел на часы:

— Я не знаю, но мы сейчас это быстро установим. Я тебя доставлю наверх.

Он свернул на боковую дорогу.

— Нет, стой! Я пойду пешком.

Он затормозил машину и высадил меня.

— Не забудь об ужине, мы тебя ждем! — крикнул он.

— Ждите.

Дорога шла в гору. Солнце слепило, я склонил голову. «Ты сошел с ума, — думал я. — Как ты смеешь вот так просто прийти к ней. Ты никогда ей не писал. Ни разу, ни строчки. Какое ты имеешь право? Она жила своей жизнью, ты — своей. Ты для нее сейчас чужой. Что ты о ней знаешь? То, что она разведена, имеет сына и живет в том же доме. Уверен ли ты, что она тебя примет? Действительно ли ты думаешь, что стоит тебе появиться и сказать: «Это я», как она бросится тебе на шею? Нет, в жизни все не так просто. Слишком много времени прошло. Многое забыто. Что же тебе там нужно? Лучше вернуться». Но я шел вперед.

Как только я вошел в комнату, Дагмар внимательно посмотрела на меня и спросила:

— У тебя все в порядке?

— Да. А что?

— Ты сияешь!

«Она отлично меня понимает», — подумал я.

— Понимаешь, все поехали на уборку урожая, а я остался.

— Ты задержался?

— Да, из-за тебя.

Она рассмеялась и бросилась мне на шею.

— Это чудесно.

Она сняла с меня фуражку, положила ее на кресло, затем схватила за руку и потащила к кушетке.

— Знаешь, Ронни, я тебе не всегда верила и, может быть, ошибалась в своих догадках.

Она встала и включила магнитофон. Комната наполнилась звуками музыки Чайковского.

«Все запуталось, — думал я. — Нахожусь как бы между двумя противоположными полюсами. Отказывал товарищам, радовалась Дагмар. Поехал бы на уборку урожая, все было бы наоборот. Что же делать?»

— Не горюй, — видя мое волнение, сказала Дагмар и погладила меня по голове. — Мне хорошо с тобой.

Музыка умолкла. Я чувствовал только дыхание Дагмар.

Вдруг она вскочила и сказала:

— Едем в Дрезден!

— Сейчас?

— Да! До которого часа ты свободен?

— До полуночи.

— У нас уйма времени. Через час мы будем там. — Я заколебался. Знал, что без разрешения отлучаться нельзя. — Боишься?

— Нет! Дело не в этом.

— Тогда едем! — воскликнула она. — Но будет лучше, если ты наденешь гражданский костюм. Так безопаснее.

Она достала из шкафа светлые брюки и рубашку с короткими рукавами и предложила переодеться, затем протянула мне защитные очки.

Темные стекла скрывали мое лицо, но я понимал, что в деревне меня могут узнать. Успокоился лишь тогда, когда проехали деревню. За околицей Дагмар увеличила скорость. Мотор гудел в полную силу. Она вела автомобиль осторожно, но быстро, и через пятьдесят минут мы достигли стоянки недалеко от Цвингера.

— С чего мы начнем? — спросила она, выдернув ключ из замка зажигания. — С культуры или посещения кафе?

— С культуры.

— Превосходно.

Мы блуждали по парку, зашли в картинную галерею. Я сразу вспомнил Зиги. Ему было бы здесь очень интересно, так как он увлекался живописью. В его тумбочке лежала папка с репродукциями. До моего пребывания в больнице мы часто рассматривали их и беседовали о художественной ценности той или иной картины. Он и сам неплохо рисует.

Дагмар долго стояла у полотна Гогена, на котором были изображены две таитянские женщины.

— Мне нравятся его картины, — сказала она. — Все в них необычно: и удивительно яркие краски, и своеобразное восприятие художником натуры.

— Он так же и жил.

— Я знаю, — сказала она. — Может быть, поэтому у него так и получалось.

После этого мы зашли в «Итальянский дворик» и пили кофе, затем вновь бродили по парку.

— Нравится тебе здесь? — спросила Дагмар.

— Очень. Большие города всегда впечатляют.

— Меня тоже. В городе чувствуешь себя свободнее, чем в деревне, где люди знают друг друга и обсуждают каждый твой шаг.

— У тебя что, имеется в этом отношении горький опыт?

— Нет, — ответила она и слегка улыбнулась. — У меня был друг, но он даже ни разу не приходил к нам. Он учится в Гейдельберге. Сегодня я уже не могу себе представить встречи с ним. Но тогда меня очень привлекало в нем то, что он имел свое мнение. Он повсюду защищал свою точку зрения, которая зачастую диаметрально отличалась от позиции преподавателя. Для него не существовало запретов. Он называл вещи своими именами и не дрожал перед семинарами, как остальные. Я считала его способным и смелым и полагала, что с ним никогда не будет скучно. Постепенно я поняла, что его оппозиция переросла в манию. Быть против всех стало для него потребностью. На одном из студенческих собраний он выступил с такими грубыми выпадами против властей, что я всерьез испугалась за него. Он, очевидно, тоже струсил и понял, что зашел слишком далеко, поскольку в тот же вечер бежал в Западный Берлин. Через некоторое время я получила от него несколько писем из лагеря для беженцев. Они были кичливыми и высокомерными, но их неровный и сбивчивый стиль говорил о том, что автор разбит и разочарован. Правда, через несколько недель он пришел в себя. Сейчас он вновь учится на средства, которые ему дает состоятельный дядюшка, проживающий в ФРГ. Он писал, что в настоящее время получил все права гражданства и я могу переехать к нему.

— И почему же ты осталась здесь?

— А что мне там делать? — сказала она. — Проблемы невозможно решить подобными побегами. Вероятно, по ту сторону их тоже достаточно. Но у нас все проблемы решаются человечнее. А это, по-моему, значительно дороже.

Мы замолчали. Подойдя к руинам кирхи, остановились и долго смотрели на гигантскую гору щебня.

— Когда-то это был символ города, — сказал я.

— Да, ее купол господствовал над всей округой. А теперь остались полуразрушенная стена и куча обломков кирпича. Чтобы построить, нужны годы, а разрушить — секунды. — Она долго смотрела на руины. — Страшно жаль каждое уничтоженное сооружение, — сказала она,— но еще сильнее жаль погибших людей. — Дагмар замолчала, и я заметил, что она вздрагивает, как от рыданий. После небольшой паузы она добавила: — Моя мать тоже погибла тогда.

Молча мы шли дальше. Солнце уже заходило. Тени становились длиннее и достигали автострады. Когда мы подошли к машине, Дагмар спросила:

— Поехали в Пильниц? Там мы можем поужинать.

Я согласился.

В дороге она включила радио. Передавали международную информацию. «В Ираке положение народно-революционного правительства продолжает стабилизироваться». «Франция с каждым днем теряет свои позиции в Алжире». «Итальянские металлисты требуют повышения заработной платы и грозят забастовкой». «В Испании незаконно арестованы восемь басков». После этого диктор передавал сообщения о положении в ГДР. «Уборка зерновых в кооперативных хозяйствах страны выполнена на 95,3 процента. Этих выдающихся результатов добилось наше кооперированное крестьянство при действенной помощи студентов, рабочих и представителей вооруженных сил».

Дагмар переключила приемник и стала искать музыку.

— Видишь, — сказала она, — обошлись и без тебя.

«Они работали и для тебя, — подумал я. — Для тебя и для Камберта». Я молчал и смотрел в окно. Заметив указатель дороги на Пильниц, я сказал:

— Не сворачивай!

— Почему? — спросила она.

— Я хочу назад.

7

Когда я дошел до покрытой бетонными плитами площадки перед амбулаторией, то увидел, как из боковой двери вышла женщина. Спустившись по ступенькам вниз, она направилась к стоящему в стороне автомобилю. «Это она», — подумал я и ускорил шаг. Я хотел ее догнать, прежде чем она сядет в автомобиль. Случай помог мне. Она не могла сразу найти ключ от машины. Я встал сзади нее и произнес:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. — Она пыталась открыть дверцу.— Прием закончен, — сказала она, не поворачиваясь в мою сторону.

— Жаль.

— Это что, так необходимо? — спросила она.

— Как рассматривать.

— Вам больно?

— Пока нет.

Ее усилия увенчались успехом. Ключ начал двигаться в скважине. Она потянула на себя дверцу и медленно обернулась. Я взглянул ей в лицо. Она хорошо выглядела. Необычными были очки с толстыми стеклами. Ее ясные глаза пристально смотрели на меня, слегка прищурившись, морщины между бровями стали глубже.

— Рональд! — воскликнула она. — Не может быть!

Дагмар скользнула на сиденье, обхватила руль, сильно наклонилась вперед, и ее плечи задрожали, как при беззвучном смехе.

Я невольно остолбенел, чувствовал себя беспомощным и думал: «Лучше бы мне не подниматься сюда».

Наконец она выпрямилась, открыла правую дверцу и спросила:

— Что же ты не садишься?

Я сел рядом с ней и видел, как она отпустила ручной тормоз. У нее была теперь короткая прическа, волосы казались светлее, чем прежде.

— Ты, вероятно, спешишь, — сказал я. — Если торопишься, я не буду мешать.

— Я хотела посмотреть концерт, но могу и пропустить.

Мы поехали к ней. По пути я думал: «Это ровным счетом ничего не значит».

В ее комнате стояла современная мебель, пол покрыт красным ковром. Я сел на кушетку.

— Водку или коньяк? — спросила она.

— Коньяк.

Она достала из бара бутылку и два стакана. В то время когда она разливала коньяк, я промолвил:

— Тебя что-то заставило уехать из большого города?

— Да, — подтвердила она. — Обстоятельства потребовали этого.

— Работать здесь, наверное, неплохо.

— Я довольна.

— Выпьем за это.

Она выпила свой коньяк и спросила:

— А ты теперь пишешь?

— Пытаюсь.

— Почему так скромно? Ты уже получил известность. Я тебе еще тогда это пророчила. Помнишь?

После путешествия к тому заброшенному озеру я написал стихи. Это было впервые после моего расставания с Гудрун. Листок с текстом засунул в бумажник и никому не показывал, хотя мнение товарищей меня интересовало, но я боялся, что они будут подсмеиваться, а Зиги — критиковать.

Я уже спал, когда они вернулись после поездки на уборку урожая. Это было почти в полночь. Бале первым протопал в комнату, включил свет и воскликнул:

— Смотрите, смотрите! Наш Ромео уже дрыхнет!

— Я бы тоже охотно последовал его примеру, — пошутил Гавенда. — Ничего не делать и первым завалиться на койку!

Дудки подошел ко мне и тронул за плечо:

— Эй, проснись и встань, по крайней мере, когда трудящиеся, помощники кооперативного крестьянства, возвращаются домой.

Я открыл глаза и, еще не совсем проснувшись, спросил:

— Что случилось? Нельзя ли не поднимать столько шума?

— Молчи! — прикрикнул на меня Хельвиг. — Кто здесь имеет сейчас право голоса, так это мы. В конце концов мы и за тебя отработали.

— Конечно, умяли и твой рацион, — добавил Циндель.

— Они опять устроили чудесное угощение и отличный вечер, посвященный уборке урожая, — подытожил Мюллер. — Куколки выступали там, настоящие куколки. — Он поднял правую руку и кончиками пальцев дотронулся до губ.

— Кончайте! — потребовал Рицке. — А то он подумает, что мы все это говорим, чтобы вызвать у него чувство зависти.

— Вот именно, — заметил Хельвиг. — Все уже прошло, и бессмысленно затевать эти разговоры. Пусть каждый свои воспоминания оставит при себе.

— Хватит болтать, — сказал Зиги. — Давайте спать. Завтра опять предстоит тяжелый день.

После этого меня оставили в покое и все пошли в умывальную комнату. Вернувшись, они потихоньку улеглись, и Циндель выключил свет.

Следующая неделя прошла без особых происшествий.

В субботу мы с Дагмар гуляли по берегу Эльбы. Она продолжала ранее начатый разговор о сроках прохождения службы. Он так расстроил меня, что я не мог вечером заснуть. «Может быть, она права, — думал я. — Три года — действительно большой срок. За это время может многое произойти».

Я заснул уже на рассвете.

Время до обеда казалось мне бесконечным, поскольку делать было нечего.

В десять часов я не выдержал и обратился к дежурившему Пельцеру с просьбой дать мне увольнительную.

— Зачем? — спросил он.

— По личному делу.

— Девушка?

— Да.

— Из родной деревни?

— Нет.

— Тогда причины нет.

— Но это очень важно, товарищ обер-лейтенант.

Он посмотрел на меня, и его лицо стало непроницаемым. Я уже испугался, что меня не отпустят, но он вдруг снова спросил:

— Очень важно?

— Чрезвычайно.

— Хорошо, — сказал он, — идите!

— Спасибо, товарищ обер-лейтенант!

Выйдя на дорогу, я побежал и через некоторое время уже стоял перед Дагмар. Она была на кухне и готовила обед.

— Ты весь в поту, — сказала она. — Тебя отпустили?

— Обер-лейтенант разрешил мне краткосрочный отпуск.

— Надо же! — удивилась она. — Все-таки чудеса бывают. Ты пришел как раз вовремя: сможешь оценить мое поварское искусство.

«Она делает вид, как будто ничего не произошло, — подумал я. — Что она, притворяется или просто не придает никакого значения нашим встречам?»

— Не смотри так удивленно, — сказала она. — Пообедаешь с нами. А может быть, тебе неприятно, что будет отец?

«Как будто дело только в этом», — подумал я. С ее отцом у меня были неплохие отношения, хотя мы встречались не так часто.

— Нет, — ответил я, — почему же неприятно?

Обед прошел непринужденно, и с отцом Дагмар у нас завязалась интересная беседа. Вначале мы говорили о военной службе, затем о роли партизан во второй мировой войне и, наконец, о движении 26 июля на Кубе.

— Надеюсь, что борьба повстанцев закончится успешно, — сказал доктор, — хотя, как мы знаем из истории, не всегда восставшие в странах Центральной Америки одерживали победы.

— Совершенно верно, — согласился я. — Взять, к примеру, борьбу индейцев против европейских колонизаторов, начавшуюся почти сразу после открытия континента Колумбом.

— Вы имеете в виду экспедицию Кортеса?

— Да. Или же борьбу рабов против рабовладельческого строя на Ямайке, Гаити, Кубе. Вспомните, наконец, Альварадо [1].

Доктор налил вина. Когда мы выпили, он спросил:

— Вы что, хотите изучать историю?

— С чего вы взяли?

— Вы ее хорошо знаете.

— Об этом я еще не думал, — ответил я. — Пока я солдат.

— Само собой разумеется, — согласился он. — Тем не менее нужно уже сейчас подумать о том, чем заняться после военной службы.

Затем отец Дагмар ушел в свою комнату, так как должен был подготовить доклад.

Я помог Дагмар вымыть посуду, и мы отправились погулять в ближайший лес.

— У тебя разносторонние познания, — сказала она.

— Я всегда многим интересовался.

— Кое-что и я знаю. О Кортесе, о Пизарро. Пленного вождя инков звали, кажется, Атауальпа?

— Да.

Мы беседовали, как будто ничего не случилось. Все было как обычно.

Позже, когда мы вернулись в «Охотничий домик», она случайно заметила в моем бумажнике записку.

— Любовное письмо? — спросила она.

— Нет.

---

[1] Альварадо Монсон (родился в 1925 году) — деятель коммунистического движения Гватемалы. — *Прим. пер.*

— Дай посмотреть.

— Лучше не надо.

— Так это все-таки письмо?

— Ты ошибаешься.

— Докажи.

— Ну ладно, — согласился я, если это тебя успокоит. — И я протянул ей листок.

Она медленно развернула его и прочла:

Тогда
Лежала ты спокойно
Рядом со мной,
В мягкой постели из мха.
Твоя рука была в моей,
Как испуганная птичка.
Спокойно было твое лицо,
И в твоих глазах,
Под тенью ресниц,
Отражалось лазурной голубизной
Небо.
Но я видел в них все краски мира...

Я смотрел на Дагмар. Она прочла строки еще и еще раз, затем сложила листок и протянула мне.

— По-моему, хорошо, — сказала она.

— Правда?

— Правда. Это еще одно подтверждение моего предположения. Теперь я абсолютно уверена в том, что ты должен изучать германистику.

— Может быть, ты и права, но время упущено. Для этого нужно среднее образование.

— Получишь. Это как раз несложно. Затем пойдешь на рабочий факультет. А так как отец твой — рабочий, тебя примут с радостью. Такие благоприятные обстоятельства нужно использовать.

— Все прекрасно, — возразил я, — но до этого нужно провести три года на границе. А потом, где гарантия, что эти правила сохранятся? Если я после службы буду поступать на рабфак, то закончу университет лишь через десять-одиннадцать лет. Это чертовски долго.

— Конечно, — согласилась она. — Но можно сократить этот срок.

— Каким же образом?

— Ты начнешь учиться этой же осенью.

— Превосходно, а как?

— Просто. Ты должен демобилизоваться.

— Блестящая идея.

— Ты что, думаешь, не удастся?

— Нет, — ответил я, — почему же? Все просто: я пишу рапорт и прошу освободить от службы. Три года для меня, мол, слишком большой срок, и, наконец, я просто решил продолжать учебу. В серьезном случае можете на меня рассчитывать, а сейчас это мне не подходит, и я хочу сменить казарму на учебную аудиторию.

— Не смейся, — сказала она. — То, что это не так просто, я знаю не хуже тебя. Но есть превосходный способ.

— Действительно?

— Да.

— Интересно, — заметил я. — В чем же он заключается?

— Ты можешь пофантазировать?

— Конечно.

— Тогда представь себе, что ты болен.

— Зачем? Мне кажется, значительно приятнее быть здоровым.

— Ты таким и останешься. Твои болезни будут выдуманы, и это совсем не трудно. Ты, например, получаешь дисторсию, что означает развитие какой-нибудь болезни. Диагнозов существует множество. Папа мог бы что-нибудь посоветовать. Пока освободить тебя от службы относительно просто.

— Вот в чем дело: я должен прикинуться больным, как Глезер, симулировать до тех пор, пока уже сам не буду знать, болен я или здоров, настоящие у меня симптомы или вымышленные.

Неделю назад Глезер уехал домой. Я встретил его на лестнице с чемоданом.

— Всего хорошего, дружище! — сказал он.

— Ты, наверное, не ощущаешь особой радости, — заметил я. — В твоем возрасте — и иметь такое слабое здоровье. Скверная история! Смотри, как бы в аудитории не получить еще ожирение сердца.

— Не беспокойся за меня!

Он повернулся, три раза стукнул по перилам лестницы, крепче ухватился за свой чемодан и осторожными шагами начал спускаться...

Дагмар наблюдала за мной. Я чувствовал ее взгляд.

— Подумай, — сказала она. — Иногда, чтобы достичь цели, необходимо свернуть с прямого пути. Ты думаешь,

что все, кто добился хоть чего-то в жизни, всегда поступали безупречно?

— Нет, мне известно, что некоторые идут на все, чтобы получить тепленькое местечко, — ответил я, а сам подумал: «Как наш секретарь Союза свободной немецкой молодежи на строительстве».

— И папа, безусловно, помог бы нам.

«Вот откуда дует ветер, — подумал я. — Вы, наверное, уже составили целый план действий?»

— О чем ты думаешь?

— Зачем ты прикидываешься? — спросил я. — Уже из разговора с твоим отцом я все понял. Рабочий вам не подходит, пограничник — тоже.

— Глупости, — возразила она. — Ты хорошо знаешь, что это не так. Иначе я не была бы с тобой так близка.

— Ах так! — Я почувствовал, как кровь ударила мне в голову. — Ты близка со мной! Я, по-твоему, должен рассматривать это как большую честь для себя?

— Прекратим этот разговор. — Я увидел, как ее щеки покрылись маленькими красными пятнами. — Всегда эти проклятые перепалки! Ты видишь все в неправильном свете.

— Совсем нет, — возразил я. — Мне все яснее становится, что я для тебя не человек, а подопытный кролик. Может быть, тебе что-то во мне нравится, но очень многое не по душе. Ты хочешь меня перевоспитать на свой лад. Все, что тебе не по вкусу, должно исчезнуть. Но мной нельзя управлять, как марионеткой. У меня свои взгляды на жизнь, и я не позволю никому их изменить, даже тебе!

Красные пятна на ее лице увеличивались.

— Ты не справедлив, — возразила она. — Твоя злость не туда направлена. В действительности ты злишься потому, что не смог найти применения своим способностям и мало достиг в жизни. Я все прекрасно понимаю и поэтому хочу помочь тебе выбрать настоящее занятие.

Я схватил Дагмар за плечи и посмотрел ей в глаза:

— Мне не понятно, просто не понятно, как может человек по одному и тому же вопросу иметь совершенно противоположные точки зрения?

— О чем ты говоришь?

— О твоей точке зрения на побег. «Проблему нельзя решить, убегая от нее» — так ты однажды сказала. Ты и сейчас придерживаешься того же мнения?

— Конечно. Но с тобой дело обстоит иначе. Для тебя это означало бы не шаг назад, а движение вперед, дальнейшее развитие. Или ты намерен вечно оставаться солдатом?

— Нет.

— Да и для чего? Многие, кто с тобой служат, не собираются учиться, поэтому могут стоять на посту. У тебя же все сложнее, да и с личной жизнью тоже.

— Я другого мнения.

— Жаль, очень жаль.

8

Дагмар откинулась в кресле, посмотрела на меня и спросила:

— Что ты, собственно, здесь делаешь?

— Да так, смотрю.

— Хочешь написать о прошлом?

— Пока не знаю. Все зависит от впечатлений, от того, смогу ли установить взаимосвязь событий и найти подходящую фабулу. Мне хотелось бы прежде всего понять нашу психологию в то время.

— Это не просто.

— Конечно. Что-то трудно понять, а что-то уже забыто или полузабыто. Знакомый ландшафт, встречи, беседы — все это поможет вспомнить прошлое. Во всяком случае, я на это надеюсь. Но одного этого мало.

Мы немного помолчали. Дагмар поправила очки.

— Как ты живешь? — спросила она.

— Нормально. Квартира в новом доме, автомобиль, сад. Женат.

— Дети?

— Трое.

— У меня только один, — сказала она, — мальчик. Он поехал на неделю к отцу. Мы уже шесть лет разведены.— Она отхлебнула глоток и, держа стакан, начала рассматривать желто-коричневую жидкость. — Он был твоей полной противоположностью. Это сковывало меня.

— Он медик?

— Да. И между прочим, главный врач. Необыкновенно деятельный человек. Жить вместе с ним было невозможно. В лучшем случае рядом с ним или, точнее, в его тени. А этого для меня было мало. — Она выпила и резко поставила стакан на столик. — Поговорим лучше о

тебе, — сказала она. — Но прежде я пойду приготовлю что-нибудь поесть. — Она встала и пошла на кухню.

Я осмотрелся: у стенки стоял цветной телевизор, в серванте — фарфоровая и хрустальная посуда. На полках книги. Много книг. Я пробежал взглядом по их рядам. Некоторые книги привлекали мое внимание. И вдруг я увидел свой роман студенческих лет.

Дагмар пришла с подносом.

— Что будешь пить? Пиво или вино?

Я не мог поверить, что с нашим спором все кончилось. «Она поймет меня и изменит точку зрения, — думал я. — Не может же она так быстро все забыть».

Что будет дальше? Зря я тогда так разозлился. Все проблемы рассматривались чрезмерно обостренно, утрированно. Мои упреки ранили ее. Но это же бывает с каждым. Я должен с ней поговорить, и чем скорее, тем лучше.

В последующие дни я, как назло, не мог ни под каким предлогом покинуть казарму. Не было ни одной свободной минуты. В понедельник выходили к границе и вернулись очень поздно; во вторник вся рота принимала участие в спортивном празднике на городском стадионе; в среду состоялось траурное собрание, посвященное годовщине со дня смерти Эрнста Тельмана, на котором выступил бывший узник Бухенвальда, борец против фашизма, знавший лично вождя германского пролетариата; в четверг чистили оружие и дежурили на кухне. Кроме того, все эти дни шла лихорадочная подготовка к присяге, которую мы должны были принимать через неделю в районном городе. Несколько месяцев назад, в середине марта, пограничные подразделения ее принимали впервые. Теперь настала наша очередь.

Особенно усиленной была строевая подготовка. Доблин тренировал нас, как в первые дни. Он отрабатывал каждое движение, будто готовил нас для пополнения парадного расчета. Его старания не пропали даром. На ротном смотре отделение отличилось и заслужило похвалу Завады.

Вечером мы как разбитые лежали на койках, не в силах даже разговаривать. Я все время думал о Дагмар и никак не мог заснуть. Когда наконец задремал, меня начали мучить кошмары.

Я проснулся, сердце бешено колотилось. Постепенно вернувшись к действительности, я услышал, как дышат другие. Некоторые храпели. Взглянул на часы. Было за полночь. «Так ты долго не протянешь, — подумал я.— Эта ужасная неизвестность... Тебе нужно к ней, к Дагмар, немедленно. Она чутко спит. Если бросить камешек в окошко, она услышит».

Я долго не раздумывал. Все, что было со мной дальше, происходило под действием какой-то неведомой силы. Я вскочил, надел спортивные туфли, ощупью подошел к двери, открыл ее. Она тихо скрипнула. Я остановился, прислушался. Никто не шевельнулся. Тогда я схватил тренировочный костюм и выскользнул из комнаты. В туалете оделся, подошел к окну, помедлил несколько секунд, вылез, прошел по карнизу к дереву. Когда я хотел схватиться за одну из веток, услышал приглушенный голос:

— Лучше останься!

Я повернул голову и увидел Дудки.

— Возвращайся, старик, возвращайся, — настаивал он.

Я медленно двинулся обратно. Он протянул мне руку и помог влезть в окно.

— Ронни, не делай больше глупостей!

«Надо же такому случиться, чтобы именно он меня увидел».

Я чувствовал себя сильно уставшим и поэтому быстро заснул. Когда меня утром разбудил сигнал, я еле встал. Медленно сняв пижаму, я натянул спортивную форму и последним вышел во двор к построению на утреннюю зарядку.

Вечером после занятий, получив разрешение, я отправился к Дагмар.

Мюллер крикнул мне вслед:

— Привет медичке!

А Гавенда добавил:

— Хайль амур!

«Если бы они знали», — подумал я, втянул голову в плечи и потопал вдоль покрытой гравием дорожки. На лужайке играли ребятишки. Мячик подкатился мне под ноги. Я ударил его, но не рассчитал, и он улетел слишком далеко. Зайдя за угол, пошел быстрее, так как боялся, что не застану Дагмар дома.

Нашел ее в саду. Дагмар сидела в качалке и читала.

Она заметила меня, когда я был от нее в нескольких шагах. По ее лицу ничего нельзя было определить. Она лишь слегка прищурилась. Когда я притронулся к ее щекам, они показались мне жесткими и холодными. Дагмар спросила:

— У тебя была напряженная неделя?

— Да. В связи с присягой. Мы должны еще раз поговорить с тобой.

— Зачем? Все уже ясно.

«Неделя — большой срок, — подумал я. — Может быть, она передумала? Если бы было так, боже мой! Если бы было так...» В то же время я сомневался. Мне очень хотелось спросить, как она представляет свое и мое будущее. Но такой разговор не состоялся.

В казарму я вернулся около полуночи. Настроение было хорошее. С удовольствием думал о завтрашнем путешествии в крепость Кенигштейн.

Но утром обстоятельства изменились. Сразу же после завтрака роте объявили состояние боевой готовности.

Такая неудача! Должно же было это случиться именно сегодня! Я некоторое время постоял у окна нашей комнаты, зашел в клуб, затем, пройдя через двор, подошел к забору. С нетерпением я ждал сигнала на построение, но его не было. В тринадцать часов по-прежнему все было без изменений, и я направился к Мергельту, который в то время дежурил по части.

— Товарищ лейтенант, — обратился я к нему, — разрешите выйти за пределы части.

— Нельзя. Каждую минуту могут всех поднять по тревоге.

— А в порядке исключения?

— Нет! — отрезал он и строго взглянул на меня.— Исключения мы делаем только в крайнем случае, и для вас оно уже было в прошлую субботу.

«Это стало ему уже известно. — Я закусил губу. — Тем не менее я должен найти какой-то выход. Я должен!»

— Идите, — сказал он.

Я повернулся и вышел.

«Можно сделать проще», — решил я и поспешил к забору. Никто меня не заметил. Я подпрыгнул, подтянулся и в одно мгновение очутился по ту сторону изгороди. Добежав до ближайшего переулка, я быстро пошел к дому Дагмар.

Она мыла посуду.

— Ты в полной форме? Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Я удрал.

Она выключила электричество, взяла тарелку и начала ее вытирать.

— И что будет? — Я пожал плечами. — Тебя арестуют?

— Возможно.

— Ты действительно хочешь рискнуть?

— Я уже это сделал.

— Мне хочется на свежий воздух, — сказала она.

Мы вышли в сад.

— Вижу, ты сожалеешь о том, что сделал!

— Нет! — Мне стало ясно, что она видит меня насквозь, все замечает. — Но я должен был прийти к тебе.

— Это же ничего не решает, — ответила она.

— Я знаю.

— А что дальше?

— Я иду.

— Обратно?

— Да.

Она схватила меня за плечи и прижалась ко мне.

— Ах, Ронни! — воскликнула она. — Почему ты меня не слушаешь?

Долго не выходили у меня из головы ее слова. Подойдя к ограде, я подтянулся за ее край и скользнул в кусты. Казалось, никто не заметил моего отсутствия. Я вздохнул и пошел на спортплощадку.

— Рональд! — услышал я голос Зиги.

Я оглянулся:

— Да.

— Поди сюда!

«Что он хочет? — подумал я. — Неужели он что-нибудь заметил?»

Я подошел. Зиги сидел на траве, рядом лежала книга о французских импрессионистах.

— Садись.

Я повалился в траву:

— Ты что?

— Где ты был? — спросил он.

— На объекте. То здесь, то там.

— Ты врешь.

— Нет.

— Врешь! Ты был у нее. Говори правду!
— Да, был. Ну и что? Ты доволен?
— Нет, — сказал он. — Может быть, ты думал, что я закричу «ура», заметив, как ты прыгаешь через забор?
— А почему нет? — съязвил я. — Какое, собственно, тебе дело? В конце концов, это моя забота. Или...
Он грустно покачал головой:
— Ты ничему не научился!
— Может быть, хватит? И вообще, не преувеличивай! Ведь ничего не случилось. Все на месте.
— Не все, — возразил он. — Второй взвод поднят по тревоге. Следующая наша очередь.
— Но пока тихо, — сказал я. — Оставь меня в покое! Ты просто завидуешь.
— Чему? — спросил он. — Тому, что она отрывает тебя от службы?
— Мне надоело! — Мой голос задрожал. — Я тебе советую: прекрати или...
— Послушай, меня совершенно не интересуют ваши взаимоотношения. Но ты совершил проступок, это факт.
— Тогда беги к Мергельту и выдай меня! Он будет очень доволен.
— За кого ты меня принимаешь? — спросил он. — Если ты считаешь себя мужчиной, ты сам к нему пойдешь.
— Я иду, — сказал я. — Да, я иду. Не веришь?
Когда я поднялся, у меня мелькнула мысль: «Ты с ума сошел?»
Перед дверью я на секунду задержался, поправил обмундирование и постучал. Войдя в комнату, отрапортовал:
— Товарищ лейтенант, разрешите доложить!
Мергельт взглянул на меня:
— Докладывайте.
— Я на семьдесят минут покидал объект без разрешения.
Он прищурился и посмотрел на меня с удивлением:
— И почему вы решили сообщить мне об этом?
— Я не хотел это скрывать.
Он провел рукой по волосам и спросил:
— Вас кто-нибудь видел?
— Нет.
На какое-то мгновение наступила пауза. Затем Мергельт, слегка наклонив голову и потирая щеку, произнес:
— Зайдите сегодня вечером ко мне. Тогда поговорим.

«Зачем? — подумал я. — Чего он от меня хочет?»
— Это приказание? — спросил я.
— Да, — ответил он, — это приказание.

Когда мы пришли в квартиру Мергельта, его жена только что уложила детей спать.

— Приготовь, пожалуйста, ужин, — попросил он, — у нас гость.

Лейтенант предложил мне сесть.

«Что бы это значило? — вновь подумал я. — Почему он меня сюда притащил?» По пути он ни словом не обмолвился о происшедшем.

Мергельт поставил на стол два граненых стакана и наполнил их водкой.

— Сто граммов, — промолвил он, — для аппетита.

Чокнувшись со мной, он одним духом выпил всю водку, даже не поморщившись. Я лишь слегка отпил и поставил стакан, но Мергельт запротестовал.

— Ну-ну! — прикрикнул он. — Мужчина вы или...

«Что это, игра? Когда он наконец перейдет к делу?» Но Мергельт молчал, как будто ничего не произошло. Я допил оставшуюся водку. В горле у меня запершило, и по телу разлилось тепло.

Жена Мергельта подала ужин. Была ветчина, сыр и несколько сортов колбасы. С трудом проглатывая каждый кусок, я думал: «Нарушителя дисциплины он пригласил к себе в гости». Чтобы проглотить кусок, я запивал его чаем.

Фрау Мергельт была очень любезна.

— Кушайте, пожалуйста, — угощала она.

— Спасибо, я уже сыт.

Мергельт вытер рот бумажной салфеткой и откинулся на спинку стула. И когда его жена уже убирала посуду, он вновь взял бутылку с водкой и налил еще по сто граммов.

— Для пищеварения, — сказал он и поднял свой стакан.

На этот раз я выпил все сразу. В горле защипало меньше, чем в первый раз.

— Пойдем пройдемся, — предложил он.

«Вот сейчас начнется, — подумал я. — Сейчас он отчитает меня как следует». Но лейтенант молчал, глубоко вдыхая свежий воздух. Было необыкновенно тихо. Дул

легкий ветерок, песок скрипел под ногами. Неожиданно Мергельт спросил:

— Вы слышали о Макаренко?

— Очень мало.

— Читали что-нибудь из его произведений? «Педагогическую поэму», например?

— Нет.

— Обязательно прочтите. Очень хорошая книга. Макаренко был выдающимся педагогом. В его коммуне отъявленные сорванцы становились настоящими людьми. Можно только восхищаться его педагогическим талантом.

«Сейчас он перейдет к делу, скажет свое твердое слово, — подумал я. — Ты даже не сможешь ему возразить».

Мергельт достал сигареты:

— Закуривайте.

— Спасибо. Не курю.

— Ах, да, — сказал он, — я забыл, что вы не курите.

Он остановился, достал спички и зажег сигарету, прикрыв огонек рукой. Я почувствовал, что пьянею. Двести граммов делали свое дело.

— Макаренко, очевидно, имел больше терпения, чем наш брат, — продолжал Мергельт. — Или больше чуткости. Кто знает! Во всяком случае, он опирался на людей, доверял им. Это был его главный принцип. С нашими людьми, к сожалению, так не получается.

— Вы имеете в виду меня, товарищ лейтенант?

— Да, — ответил он, затянулся и с шумом выпустил клубы дыма. Затем схватился за подбородок и большим пальцем начал тереть щеку. — Вы изменчивы, как погода. Какое-то время все идет хорошо, все удается, все в порядке. Потом вдруг выкидываете какой-нибудь трюк. — Он бросил окурок на землю и раздавил его. — Парень, — сказал он и положил мне руку на плечо, — кто ты, собственно?

— Самовольник.

— Ерунда, — произнес он решительно. Глаза его блестели. Мне показалось, что он выпил водки, чтобы с большей смелостью, откровенно поговорить со мной. — Ерунда! — повторил он. — За это тебе нужно было бы всыпать как следует, черт возьми! — Его голос был злой, но лицо не выражало отчуждения. — Извините, — сказал он значительно спокойнее. — Но такое поведение просто бесит меня. Молодой человек, здоровый, обладающий отлич-

ными способностями, допускает оплошности. Вы никогда всерьез не задумывались над своим поведением?

— Посадите меня на гауптвахту, я ведь провинился.

— Нам нужны не правонарушители, а боевые товарищи, — ответил он. — Что толку от людей, которые все делают из-под палки, под давлением? Нам нужны такие, которые понимали бы наши задачи. Только тогда, когда вы сами будете желать того, что мы заставляем вас делать, приказываем делать, только тогда наш воинский порядок будет незыблемым и надежным в любой обстановке.

Дойдя до низких скал, которые напоминали лежащих верблюдов, мы поднялись на маленькое плато и сели. Мергельт смотрел на гребень вершин по ту сторону деревни, на краснеющие облака, которые все более и более затягивались серой дымкой.

— Я готов это повторять много раз, — продолжал он, — лишь бы мои слова достигли цели, дошли до каждого! Все мы должны отдавать свои силы решению общих задач. Каждый из нас проверяется на прочность, и тот, кто эту проверку выдержит, наш друг, он с нами. Конечно, не всегда все идет гладко, жизнь нам порой готовит серьезные испытания. Важно найти в себе силы преодолеть их. — Он испытующе посмотрел на меня: — Десять лет минуло с тех пор, как я остался здесь. Когда любимая девушка меня бросила, я был в отчаянии. Она никак не могла понять, почему я добровольно поступил в пограничники. «Зачем это нужно? — спрашивала она. — Будь доволен, что ты вышел живым из войны». «Это верно, — отвечал я ей, — но именно поэтому я так и поступаю». Она меня не поняла, и я очень переживал расставание с ней. Но никогда не раскаивался в том, что стал пограничником.— Он бросил окурок и раздавил его каблуком.— Да, вот как было. У каждого свои трудности. — Он замолчал и спустя некоторое время произнес: — А теперь отправляйтесь в казарму!

«И больше ничего? — подумал я. — Неужели это все?»

— И вы не накладываете на меня никакого взыскания? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Идите.

Выйдя на дорогу, я оглянулся. Мергельт все еще сидел на скале, наклонившись вперед.

...После принятия присяги проходила инспекторская проверка. Она заканчивалась стрельбой, завершающей наш курс обучения. У кого будут хорошие оценки, тот,

как предполагали солдаты, сможет уже вечером получить документы и отправиться в отпуск. Остальным надлежало еще три дня оставаться на объекте и охранять его до прибытия нового пополнения. «Если у меня все будет хорошо со стрельбой, — думал я, — можно рассчитывать на ускоренный отъезд». Для меня это было очень важно, так как с понедельника у Дагмар начинался новый семестр.

Мы отправились на стрельбище, находившееся на южной окраине районного городка. Дождь не прекращался уже несколько дней, наше обмундирование быстро вымокло.

Из-за плохой видимости многие стреляли ниже своих возможностей, и меня охватило беспокойство.

По команде мы с Зиги вышли на линию огня, получили патроны, зарядили оружие и приготовились к стрельбе. Сквозь прорезь прицела я увидел мишень. Она находилась на расстоянии ста метров и казалась маленькой, окутанной туманом.

Указательным пальцем я коснулся спускового крючка и медленно нажал на него. Прогремел выстрел, я ощутил отдачу. Мне показалось, что перед мишенью вверх взметнулась грязь. «Может быть, я взял слишком низко?»

— Проклятие! — выругался я.

В это время Зиги почему-то внимательно смотрел на мою мишень. Два других выстрела, как мне показалось, удались лучше. Тем не менее я отличных результатов не ждал. Однако, подойдя к мишени, удивился не меньше Доблина.

— Это же какое-то колдовство! — воскликнул он. — Три выстрела — и четыре пробоины!

Увидев, что у Зиги в мишени только одна пробоина, я тотчас же догадался, что произошло. «Почему он мне помогал?» Я терялся в догадках и во время чистки оружия, и при построении. Когда назвали мое имя, я вздрогнул. Я вышел вперед и не мог поверить своим ушам, когда Завада сказал, что в числе восьми других солдат я буду поощрен за хорошие показатели в учебно-боевой подготовке.

«Это же незаслуженно, — подумал я. — Вместо меня должен быть Зиги».

Когда нас отпустили, я бросился к Зиги и потащил его под дерево, которое слегка защищало нас от дождя.

— Почему ты стрелял в мою мишень? — спросил я его.

— Почему, почему! — усмехнулся он. — Тебе нужно все разъяснять?

— Безусловно!

— Для тебя три дня важны, а мне они не нужны. Меня никто не ждет, — ответил он.

— Старик, — обратился я к Зиги (голос мой был хриплым), — это...

— Самое лучшее, если ты исчезнешь как можно быстрее, пока ничего не изменилось, — посоветовал он. — В Тюрингии уже половодье. Здесь тоже может начаться в любую минуту. Поэтому уезжай скорее, иначе все наши старания окажутся напрасными.

Ночью, на второй день моего пребывания у Дагмар, я проснулся от шума. Встал и прислушался. «Что это, гул моторов? Шум то усиливался, то стихал от порывов ветра. Дагмар спала, глубоко дышала и, как мне казалось, ничего не слышала. Я подошел к окну. По стеклам хлестал дождь. Открыв одну створку, я высунулся. С севера приближалась колонна машин. Свет фар пробивал темноту, но я не мог различить их контуры. Когда машины пересекли перекресток, находившийся примерно в тридцати метрах от дома, я увидел, что их было пять. Я подумал, что это, очевидно, дежурное пограничное подразделение следует на борьбу с паводком. В вечерних известиях об опасности наводнения уже сообщалось.

«Шоссейная дорога, по всей вероятности, отрезана, иначе они не отправились бы обходным путем. Интересно, где сейчас мои товарищи?»

Я закрыл окно. Дагмар стояла рядом.

— Что там? — спросила она.

— Наводнение. Наши идут на помощь.

— Ты хочешь быть с ними?

— Пока не знаю.

— Останься, — просящим тоном сказала она. — Это наш последний день. Если ты сейчас уйдешь, то...

Она замолчала, и мне показалось, что ей трудно говорить дальше.

— То что?

После паузы она сказала:

— То ты больше никогда не должен ко мне приходить!

«Ах вот как! — подумал я. — Она даже не хочет войти в мое положение, и по всей видимости, не собирается менять своих взглядов».

Достав из шкафа свое обмундирование, я оделся. Дагмар молча наблюдала за мной. Я все еще надеялся, что она меня остановит. Уже у двери я обернулся. Она сидела на кушетке как окаменевшая.

— Я пошел! — сказал я ей решительным тоном.

— Да, иди! — так же решительно ответила она.

Я вышел из комнаты и побежал по лестнице вниз. Когда добежал до входной двери, услышал ее шаги.

— Ронни, — кричала она, — подожди!

Я остановился уже у садовой калитки и посмотрел на ее окно. Увидев Дагмар, я поспешил уйти.

Когда мы вновь встретились, Дагмар сказала мне:

— Тогда все произошло так быстро, что я не могла опомниться. Я долго ждала от тебя весточку. Но ее не было...

— О чем я мог тебе написать? — ответил я ей.— Ты меня поставила перед выбором: ты или служба и долг перед родиной. И я выбрал второе.

— Значит, я для тебя на втором плане?

Я не ответил. Мы молчали. Только тиканье часов нарушало тишину. Я взял свой стакан и выпил.

— Я должен идти.

Она проводила меня до ворот.

— Желаю удачи при написании романа, — сказала она.

Ее рука была теплой и крепкой.

Через два дня «Шкода» Мергельта подкатила к вокзалу. Мы вышли. Все выглядело так, будто мы были здесь только вчера. Скамейка стояла в тени деревьев, булыжная мостовая по-прежнему была покрыта слоем пыли, между камнями пробивалась травка. Кажется, даже голуби те же.

Мы стояли в ожидании поезда и молчали. Только когда он наконец вынырнул из-за поворота, Мергельт спросил:

— Ну как, будешь писать книгу?

— Да, — ответил я ему.

И взглянул еще раз на косогор. Он был действительно крутой, особенно верхний его участок.

СОДЕРЖАНИЕ

Стефан Шоблохер

ВОЗВРАЩЕНИЕ В С.

Редактор *В. А. Никольский*
Литературный редактор *Т. Н. Андреева*
Художник *Л. С. Кассис*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Л. П. Демахина*
Корректор *К. В. Смирнова*

ИБ № 1517

Сдано в набор 28.04.80. Подписано в печать 13.02.81.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарнит. обыкн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,72.
Усл. кр. отт. 10,40. Тираж 65 000 экз. Изд. № 10/5928. Зак. 463
Цена 1 р. 30 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.